И 388/329

И 388/329

РАСКОЛЪ ВЪ УРАЛЬСКОМЪ ВОЙСКѢ

и

ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ ДУХОВНОЙ И ВОЕННОГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ XIX В.

В. Н. Витевскаго.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1878.

5509

РАСКОЛЪ ВЪ ЧУВАШСКОМЪ ВОЙСКѢ

И

ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ ДУХОВНОЙ И ВОЕННОГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ XIX В.

Отдѣльный оттискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1878 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
28489-46

КАЗАНЬ.
Типография Императорскаго Университета.
1878.

2007059196

Отъ автора.

Настоящій очеркъ служитъ продолженіемъ раньше напечатанной нами статьи: „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти *въ половинѣ XVIII в.*“ (1). Предлагая вниманію любителей исторіи раскола настоящій очеркъ, мы считаемъ долгомъ оговориться, что они не найдутъ въ немъ широкихъ выводовъ и обобщеній, отчасти потому, что авторъ очерка — не спеціалистъ раскола, а главнымъ образомъ потому, что архивные документы, послужившіе основаніемъ настоящаго очерка, настолько неполны, что невозможно было, на основаніи ихъ, прослѣдить со всею обстоятельностію постепенное развитіе и ослабленіе раскола въ Уральскомъ войскѣ. Большая часть документовъ, которыми мы пользовались, относится ко времени управленія Уральскимъ войскомъ атамана А. Д. Столыпина, когда было обращено особенное вниманіе на уральскихъ раскольниковъ. Кромѣ документовъ, мы старались воспользоваться всѣмъ, что когда-либо сообщалось о расколѣ въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, а

(1) См. Православн. Собесѣдн. 1877 г., іюль и сентябрь.

также разсказами стариковъ и преданіями, сохранившимися на Уралѣ. Но, безъ сомнѣнія, настоящій очеркъ не чуждъ пробѣловъ и, можетъ быть, очень важныхъ, такъ какъ немало, вѣроятно, сохранилось интересныхъ и цѣнныхъ документовъ по исторіи уральскаго раскола въ архивахъ Уральскаго войска и въ архивѣ канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора,—документовъ, которыми намъ не удалось воспользоваться. Для обстоятельнаго рѣшенія вопроса объ уральскомъ расколѣ, по нашему мнѣнію, необходимо внимательно просмотрѣть названные архивы, и пожить сколько-нибудь въ предѣлахъ Уральской области, заручившись довѣріемъ самихъ казаковъ. Очевидно, что все это требуетъ особыхъ средствъ и значительнаго времени. Не располагая ни тѣмъ, ни другимъ, мы рѣшаемся передать печати и то *немногое*, что успѣли собрать изъ преданій, частной переписки съ нѣкоторыми уральцами, изъ печатныхъ и письменныхъ источниковъ и документовъ, а также и изъ личныхъ наблюденій, во время четырехлѣтней службы въ Уральскѣ.

I.

Общій взглядъ на состояніе и значеніе раскола въ Уральскомъ войскѣ.—Причины его развитія и живучести на Уралѣ.—Сношенія уральскихъ раскольниковъ съ Дубовскими и Иргизскими скитами.—Вліяніе Иргизскихъ монастырей на Уральское войско, и возникновеніе въ Уральскѣ Успенской раскольнической часовни.

Старина всегда была дорога и привлекательна для Уральскаго войска, потому что представленіе о старинѣ напоминало ему золотой вѣкъ казачества, казачьи вольности, свободу и народоправство. Совершавшееся на глазахъ казаковъ постепенное ограниченіе ихъ правъ и привиллегій, отнятіе у нихъ автономіи, по-

раждали и закаляли въ уральскихъ казакахъ нетерпимость ко всякаго рода *новшествамъ*: каждую новую мѣру, каждое распоряженіе духовной и военногражданской власти уральцы встрѣчали съ недовѣріемъ и, при первой возможности, старались противодѣйствовать имъ.

Протестуя противъ централизаціонныхъ стремленій Военной Коллегіи, противъ очередной службы, наѣзда слѣдователей, сыщиковъ, противъ духовныхъ и другихъ переписей,—уральскіе казаки смѣло и энергично заявляли: *„терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное; не было сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ—не бывать и у насъ"!*—Но этотъ протестъ, не всегда достигая цѣли, увлекалъ иногда защитниковъ старины слишкомъ далеко: попирая права чести и долга, они поднимали руки на своихъ же братьевъ-казаковъ и своихъ ближайшихъ начальниковъ, звѣрски умерщвляя ихъ. Въ январѣ 1772 года, казаки, опьяненные ненавистью къ старшинской партіи, перебили до 60 человѣкъ старшинъ и казаковъ; изрубили генералъ-маіора Фонъ-Траубенберга и своего войсковаго атамана Петра Тамбовцева; послѣдняго уже изрубленнаго вытащили за волосы на дворъ, и здѣсь еще у живаго разрѣзали грудь и вырвали сердце (1).

Стараясь отстоять старину съ ея порядками и формами общиннаго устройства, казаки почти всегда становились подъ знамя религіи: предъ самымъ убійствомъ Тамбовцева и другихъ, они собираются въ Кирсановскую церковь (2) и служатъ молебенъ о дарованіи имъ побѣды надъ врагомъ ихъ; то же они

(1) См. Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1859 г., кн. III, стр. 112 и далѣе.

(2) Церковь во имя св. Алексѣя, митр. московскаго, теперь уже отдѣльно несуществующая, а вошедшая, какъ придѣлъ, въ составъ Казанской единовѣрческой церкви. Смотр. въ Оренб. Епарх. Вѣд. за 1878 г. напечатанную мною статью: «Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ».

дѣлаютъ, въ маѣ 1772 г., предъ выступленіемъ въ походъ противъ трехтысячнаго отряда генерала Фреймана, отправленнаго изъ Оренбурга для ихъ усмиренія (1). Впрочемъ нельзя сказать, чтобы Уральское войско отличалось религіозною нетерпимостію. Въ старину, когда Яикъ переполнялся всякаго рода бѣглыми, войско позволяло всѣмъ, приходившимъ къ нему жить добровольно, исповѣдывать свою вѣру: татары безпрепятственно чтили Магомета, калмыки молились своему богу Бурхану и т. п., и только плѣнныхъ казаки старались обращать въ христіанство. Мы раньше замѣтили (2) также, что уральскіе казаки, находясь на службѣ, посѣщали православные храмы, а нѣкоторые брили бороды и усы, курили и нюхали табакъ и не имѣли никакихъ сношеній съ раскольниками. Но когда наступало время возвращенія на родной Уралъ, казаки снова отпускали бороды, если брили ихъ, а кто курилъ или нюхалъ табакъ, тѣ бросали трубки и табакерки на Общемъ Сырту, на границѣ своей земли, въ межевыя ямы, и съ стоической твердостью оставляли долговременную привычку къ наркотическому удовольствію. Въ этихъ же межевыхъ ямахъ попадается немало осколковъ стеклянной посуды,—это признаки проводовъ на службу и прощаній на рубежѣ родной земли. Что касается молодаго, подростающаго поколѣнія, то случаи куренія между нимъ весьма нерѣдки и на самомъ Уралѣ, особенно между служащими и учащимися, хотя бы они были австрійскаго толка или безпоповщинской секты. Не смотря на это, расколъ упорно держится въ Уральскомъ войскѣ. Причины этой живучести и прочности раскола скрываются, помимо исключительнаго предпочтенія религіознымъ преданіямъ старины, въ общественномъ

---

(1) Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ приготовляемой мною къ печати монографіи: «Яицкое войско до Пугачева».

(2) См. въ Правосл. Собесѣд. 1877 г., въ іюльской книжкѣ статью: «Расколъ въ Уральскомъ войскѣ».

строѣ войска, въ его усиліи, во что бы то ни стало, поддержать прежнее устройство общины, прежніе порядки и обычаи страны, прежній духъ казачества. Защищая неприкосновенность старыхъ обрядовъ, ратуя за двуперстный крестъ и бороду, казаки тѣмъ самымъ отстаивали и свои права и привиллегіи, свободу и вольности, право располагать собою и жить по своему усмотрѣнію. Это желаніе обособиться и быть у себя полновластными и независимыми хозяевами и дѣлало старину и старую вѣру привлекательными въ глазахъ уральцевъ. Когда Москва узнала поближе Яицкихъ казаковъ и начала постепенно осаждать ихъ своими преобразованіями; когда казаки поняли, къ чему были направлены эти новыя реформы, — расколъ, какъ протестъ противъ реформъ военногражданскихъ, началъ усиливаться. Между тѣмъ корыстное отношеніе къ расколу казачьихъ чиновниковъ, не всегда умѣстное преслѣдованіе раскольниковъ со стороны духовной и военной власти, и строгія мѣры сыщиковъ и слѣдователей еще болѣе подогрѣвали ненависть къ Москвѣ и тѣснѣе сплачивали казаковъ, способствуя росту, крѣпости и распространенію раскола въ войсковыхъ предѣлахъ. Мы уже знаемъ, что протестъ казаковъ противъ реформъ военногражданскихъ и злоупотребленія властей закончился бунтомъ въ самомъ Уральскѣ и непосредственнымъ участіемъ казаковъ въ Пугачевщинѣ. Кровавыя январскія событія 1772 г., низведшія въ могилу Тамбовцева, Траубенберга и другихъ, а затѣмъ Пугачевскій бунтъ отвлекли на нѣкоторое время вниманіе казаковъ отъ вопросовъ религіозно-обрядовыхъ; но съ усмиреніемъ мятежа, когда рѣка Яикъ была переименована въ Уралъ, а Яицкіе казаки — въ Уральскихъ ([1]),—вопросы, касавшіеся старой вѣры, старыхъ

([1]) Указъ Императрицы Екатерины II, данный въ Царскомъ селѣ 15 января 1775 г. Въ Ур. в. арх., № 72, 1 и 2.

обрядовъ и старопечатныхъ книгъ, снова сдѣлались любимыми вопросами поборниковъ казачьей вольности. Расколоучители встрепенулись и, успокоившись насчетъ своей безопасности, начали, подобно своимъ предшественникамъ, *„разсѣвать свой тлетворный и душепагубный куколь въ чистую пшеницу“*. Они спѣшатъ устраивать въ войсковыхъ предѣлахъ молитвенные дома, часовни и скиты, которые дѣлаются главными притонами раскола на цѣлое столѣтіе.

Между тѣмъ недостатокъ богословско-догматическаго и миссіонерскаго образованія у войсковаго духовенства, совершенное невѣжество пасомыхъ и малочисленность храмовъ, какъ нельзя лучше, способствовали дѣлу рѣшительныхъ, находчивыхъ и всегда энергичныхъ расколоучителей.

Во всемъ Уральскомъ войскѣ, занимающемъ площадь почти въ семь милліоновъ десятинъ земли, до начала второй четверти текущаго столѣтія было только восемь храмовъ, за исключеніемъ Сакмарскаго, а именно: 5 въ Уральскѣ (1), въ Гурьевѣ, Илецкомъ городкѣ и въ Калмыковской крѣпости (2)—по одному. Если принять во вниманіе, что храмы Илецкій (3) и Калмыковскій возникли уже въ первой четверти настоящаго столѣтія (4), а въ самомъ Уральскѣ изъ пяти храмовъ два совершенно сгорѣли (5) еще въ

(1) Михайло-Архангельскій соборъ, церковь св. апостоловъ Петра и Павла, Казанская, св. Алексѣя, митрополита московскаго, и Преображенская.

(2) Съ образованіемъ въ 1869 г. Уральской области, Калмыковская крѣпость переименована въ уѣздный городокъ.

(3) Во имя Введенія во храмъ Божія Матери.

(4) Первая—въ 1814 г., а вторая—Калмыковская церковь, во имя св. Флора и Лавра, въ 1821 году.

(5) Эти два храма были—Преображенскій и св. Алексѣя, митрополита московскаго, о которыхъ сохранились самыя смутныя воспоминанія на Уралѣ. Объ этихъ храмахъ, равно какъ и о другихъ церквахъ Уральской области, будетъ напечатана мною особая статья въ изданіи Оренбургскаго Статистич. Комитета за текущій годъ.

1751 году, въ Шилихинъ пожаръ, и послѣ не были возобновляемы, остальные же, по случаю сильныхъ пожаровъ 1722, 1751, 1807 и 1821 годовъ, постоянно перестраивались и поправлялись,—если припомнимъ, что Гурьевъ городокъ до 1753 г. находился въ вѣдѣніи Астраханской губерніи, съ присоединеніемъ же его къ Уральскому войску, городъ до того оказался ветхъ, что нужно было перестраивать его весь (1), а старый храмъ, во имя Спаса Нерукотвореннаго, замѣнить новымъ (2),—если принять все это въ соображеніе: то оказывается, что Уральское войско до начала текущаго столѣтія оставалось почти безъ церквей, тѣмъ болѣе, что неоднократно горѣвшія уральскія городскія церкви поправлялись весьма медленно. Профессоръ Палласъ, посѣтившій Яицкій городокъ почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ извѣстнаго Шилихина пожара (3), испепелившаго почти весь городъ, замѣчаетъ, что „тѣ каменныя церкви, которыя послѣ бывшаго за двадцать лѣтъ пожара начаты строить, еще *нынѣ* (4) *несовершены*“; причину этого Палласъ видитъ въ холодности казаковъ къ церкви, въ ихъ склонности къ расколу. Понятно, что почти совершенное отсутствіе храмовъ въ Уральскомъ войскѣ представляло чрезвычайныя затрудненія и для истинныхъ, православныхъ сыновъ Церкви, которые, незамѣтно охладѣвая къ храму Божію, иногда, по необходимости, обращались къ раскольническимъ попамъ и скитскимъ монахамъ, чтобы послѣдніе окрестили новорожденнаго младенца или прочитали скитское покаяніе умирав-

(1) Топогр. Оренб. губ. ч. II, стр. 24. Смотр. отзывъ о Гурьевѣ капитана Залѣсскаго.

(2) Прежняя каменная церковь находилась надъ Спасскими воротами и имѣла два придѣла: во имя св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ и св. Алексѣя Божія человѣка. Неплюевъ приказалъ ее разобрать и построилъ новую деревянную, посвятивъ имени св. Николая, чудотворца Мурликійскаго.

(3) Шилихинъ пожаръ былъ въ 1751 году.

(4) Палласъ былъ въ Яицкомъ городкѣ въ іюлѣ 1769 года.

шему члену ихъ семейства, — все же это лучше, думали они, чѣмъ оставлять новорожденнаго безъ крещенія или опустить въ могилу близкаго и дорогаго человѣка безъ всякой молитвы.

Между тѣмъ, недостатка въ раскольническихъ скитахъ и старцахъ не было. Въ половинѣ XVIII в., на Яикѣ, существовала уже особая часовня, въ которой совершалось богослуженіе раскольническими попами Сергіемъ и Авраміемъ, а *„между казачьими домами были устроены скиты“*; въ этихъ скитахъ и кельяхъ, расположенныхъ внизъ по Яику, находилось всѣхъ раскольничьихъ старцевъ и старицъ *болѣе двухъ сотъ* человѣкъ, въ томъ числѣ *до сорока* постриженныхъ старцевъ (1). Въ самомъ Яицкомъ городкѣ, какъ мы уже знаемъ (2), находилась раскольническая слобода, или Шацкій монастырь, уничтоженный въ 1741-мъ году. Закрытіе этого монастыря и преслѣдованія раскольниковъ, со стороны Военной Коллегіи, повели къ тому, что они разсѣялись по всѣмъ наиболѣе безопаснымъ мѣстамъ войсковыхъ земель, чтобы укрыться отъ надзора полиціи; особенно любимыми мѣстами ихъ сдѣлались нѣкоторые изъ острововъ р. Яика, склоны Общаго Сырта и р. Узени. Когда въ Оренбургскомъ краѣ вспыхнулъ башкирскій бунтъ Батырши Алѣева, а на Западѣ начиналась семилѣтняя война; правительство вынуждено было оставить раскольниковъ въ спокоѣ, чтобы воспользоваться силами Яицкаго войска. Раскольники успокоились и продолжали свое дѣло съ прежней энергіей. Земля Уральскаго войска, попрежнему, сдѣлалась пристанищемъ бродягъ разнаго рода; это былъ алтарь, за уголъ котораго спѣшилъ ухватиться преступникъ, чтобы избѣжать кары закона или спастись

(1) См. въ Тург. обл. арх. указы 1752 г., кн. 25, и указы 1753 г., кн. 26.

(2) Прав. Собесѣдн 1877 г., іюль и сентябрь.

отъ угрожавшей ему смерти. Большая часть бѣглыхъ находила пріютъ въ казачьихъ форпостахъ и хуторахъ: бродяги нужны были казакамъ какъ рабочія руки. Но между бѣглыми на Уралѣ были и такіе, которые селились гдѣ-нибудь въ уединенныхъ мѣстахъ и вели отшельническую пустынную жизнь; въ числѣ ихъ бывали и каторжники съ Сибирскихъ рудниковъ, которые, скрываясь отъ преслѣдованій начальства, посвящали остатокъ своей жизни уединенію и суровому подвижничеству, желая загладить мрачное прошлое. Сюда же стремились и проповѣдники раскола, которые строили дома, кельи и молельни для своей обители въ какомъ-нибудь захолустьѣ, въ лѣсной глуши, въ горахъ, пещерахъ и на островахъ. Такъ возникали въ Уральскомъ войскѣ новые скиты, куда текла мірская копѣйка и не только на содержаніе скитской братіи, но и на образованіе особой суммы, доходившей иногда до почтенныхъ размѣровъ и служившей цѣлямъ расколоучителей. Въ этихъ скитахъ, какъ увидимъ, находили пріютъ подозрительные, праздношатающіеся и безпаспортные люди, если только они давали обѣтъ принадлежать къ извѣстной сектѣ.

Уральскіе раскольники и ихъ скиты издавна находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Вѣтковскими раскольниками и Волжскими скитами Дубовскихъ раскольниковъ. Изъ показаній старца Варооломея видно, что у Волжскихъ, или Дубовскихъ казаковъ скиты существовали раньше, чѣмъ у Яицкихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Дубовки, вверхъ по Волгѣ, въ Оленьей Балкѣ находился скитъ, въ которомъ жили 12 старцевъ, въ томъ числѣ расколоучитель іеромонахъ Сергій и старецъ Александръ, бывшіе первоначально въ Вѣткѣ; сюда же явился и бѣлый попъ изъ Иловлинской станицы Донскаго войска Тимоѳей, постриженный Сергіемъ, подъ именемъ Тихона, и удалившійся потомъ на Вѣтку, а оттуда въ 1751 г. Тихонъ прибылъ на Яикъ и замѣнилъ здѣсь

Аврамія, который отправился къ Вѣтковцамъ. Атаманъ Волжскихъ казаковъ, Макарь Персидскій отличался личнымъ покровительствомъ расколу: скитъ въ Оленьей Балкѣ былъ устроенъ по его позволенію; Персидскій помогалъ скитскимъ старцамъ деньгами и хлѣбомъ; сынъ его Андрей лично посѣщалъ скитъ и присутствовалъ при постриженіи Иловлинскаго попа Тимооея; писарь Персидскаго, Дмитрій Савельевъ, не разъ приглашалъ къ себѣ скитскихъ старцевъ для совершенія богослуженія въ своемъ домѣ (1), — и все это атаманъ Макарь Персидскій зналъ и смотрѣлъ на дѣло раскольниковъ сочувственно, хотя и не принималъ въ немъ непосредственнаго участія. Въ саду атамана Персидскаго жилъ его зять, донской казакъ Минѣй Сергѣевъ, дававшій у себя пріютъ многимъ раскольникамъ. Близъ загороднаго дома Персидскаго, въ Дубовкѣ. на самомъ берегу Волги, жили расколоучители Никанорь и Игнатій; близъ хутора старшины Захара Ситникова, на р. Малой Берделѣ, подвизался на пользу раскола грамотный старецъ Ѳеофанъ; при домѣ дубовскаго казака Алексѣя Мельникова былъ скитъ, въ которомъ находилось довольно много безпоповцевъ-бѣльцевъ, мужескаго и женскаго пола, а у Ѳомы Спиридонова жили бѣглые съ Дону, въ томъ числѣ писарь изъ Качалинской станицы Матвѣй. Атаманъ Персидскій и старшины Волжскаго войска знали объ этихъ раскольникахъ и послѣдніе отъ нихъ не скрывались. Покровительствуемые Персидскимъ, раскольники открыто проповѣдывали, что *„нынѣ православной вѣры нигдѣ нѣтъ“*; что, кромѣ такого уединенія. въ какомъ живутъ они, истиннаго пути сыскать невозможно и т. п. Поступавшіе въ ихъ скитъ и секту должны были торжественно проклинать „все настоящее въ Россійскихъ церквахъ правовѣріе“ (2).— Вотъ эти-то скиты и были первоначально любимыми

(1) Кн. Секретн. пов. № 6, стр. 32. Слич. въ Ур. в. арх № 41.

(2) См. тамъ же.

мѣстами, въ которыхъ Яицкіе казаки искали себѣ истовыхъ поповъ (1), душеспасенія и разрѣшенія вопросовъ вѣры. Но особенно высокую репутацію въ глазахъ Уральскаго войска получаютъ Иргизскіе монастыри, возникшіе во второй половинѣ XVIII вѣка.

По рѣкамъ Большому и Малому Иргизу, какъ извѣстно, издавна селились бѣглые, преступники и раскольники; со второй же половины XVIII вѣка наплывъ сюда бѣглыхъ усилился еще болѣе. Въ началѣ декабря (2) 1762 года, Екатерина II издала извѣстный манифестъ, а 14 декабря того же года послѣдовалъ сенатскій указъ, въ силу котораго всѣ бѣжавшіе въ разное время за границу и въ Польшу раскольники получили право, или скорѣе—приглашеніе, на возвращеніе въ Россію; имъ прощены были всѣ ихъ вины и дозволено, по ихъ обыкновенію, носить бороды и не носить платье нѣмецкаго покроя. Указавъ разныя мѣстности для поселенія выходцевъ, правительство обѣщало имъ льготы отъ всякихъ податей на шесть лѣтъ, со времени поселенія ихъ на избранныхъ мѣстахъ (3). Вслѣдствіе этого, многіе изъ укрывавшихся за границей пожелали возвратиться въ Россію. Въ числѣ мѣстъ, избранныхъ для поселенія, между прочимъ, указаны были правительствомъ и рѣки Большой и Малый Иргизъ, которыя сдѣлались любимымъ притономъ выходцевъ, особенно облюбовали они Большой Иргизъ. Осѣвшись здѣсь на постоянное жительство, пришельцы заводятъ скиты и столь извѣстные потомъ Иргизскіе монастыри (4). Множество

---

(1) Такъ, напримѣръ, іеромонахъ Сергій, настоятель Оленье-Балкинскаго скита, перешелъ къ Яицкимъ казакамъ и умеръ на Яикѣ; постриженный имъ попъ Тимофей—тоже былъ попомъ у Яицкаго войска, начиная съ 1751 г., и другіе.

(2) Именно 4 декабря. П. С. З., т. XVI, № 11,720.

(3) П. С. З., т. XVI, № 11,725. Сличи. т. XXI, № 15,381.

(4) Смотр въ Прав. Собесѣдн. (1857 г. т. II) «Историч. свѣдѣнія объ иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастыряхъ, до обращенія ихъ къ единовѣрію».

возникшихъ здѣсь хуторовъ, слободъ и селъ (1), особенно же села *Мечетное и Балаково*, сдѣлались впослѣдствіи важнѣйшими пунктами отпуска пшеницы. Всѣ эти поселенія раскольниковъ тяготѣли къ Иргизскимъ монастырямъ „*какъ планеты къ солнцу*“ (2); сюда же устремились и взоры Донскихъ, Волжскихъ и Уральскихъ казаковъ, зараженныхъ расколомъ. Съ одной стороны, это сближеніе казаковъ съ Иргизскими поселенцами было выгодно для первыхъ. Иргизскіе раскольники научили казаковъ хлѣбопашеству и разведенію превосходной пшеницы: подъ вліяніемъ этихъ сношеній, Уральскіе казаки, заселяя рѣки Чижи (1790 г.) и Чаганъ (съ 1780 г.), водворили и тамъ земледѣліе; но въ тоже время они укрѣпляли въ нихъ начала раскола.

Иргизскіе монастыри сдѣлались какъ-бы разсадникомъ и митрополіей раскольническихъ скитовъ въ Уральскомъ войскѣ: они давали направленіе ихъ дѣятельности и доставляли имъ своихъ поповъ со всѣми необходимыми принадлежностями для совершенія богослуженій. Чиновники и простые казаки, съ женами и дѣтьми, ежегодно цѣлыми обозами отправлялись изъ Уральска на богомолье въ Иргизскіе монастыри ко времени Успенскаго поста, запасшись въ дорогу на случай безопасности ружьями, порохомъ и свинцемъ. Здѣсь богомольцы, во время поста, говѣли, исповѣдывались и причащались у Иргизскихъ іеромонаховъ и—снова отправлялись домой, прилично наградивъ своихъ отцевъ духовныхъ. Эта религіозная потребность уральскихъ старообрядцевъ исполнялась и послѣ, когда *въ самомъ Уральскѣ*, по просьбѣ чиновниковъ, была устроена *благословенная* (3) *раскольни-*

---

(1) Криволучье, Каменку, Балаково и Мечетное, теперешній Николаевскъ, уѣздный городъ Самарской губерніи. Село «Мечетное» здѣсь невѣрно названо «Менетная».

(2) Уральск. в. вѣд. 1872 г. № 40.

(3) Что это за «благословенная» часовня, объ этомъ узнаемъ дальше.

ческая часовня, и когда у казаковъ явились свои излюбленные, истовые попы. Словомъ, сношенія уральскихъ казаковъ съ Иргизскими раскольниками продолжались вплоть до обращенія Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе, т. е. до 1837 года (1).

Въ концѣ осмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, Уральское войско, руководимое Иргизскими раскольниками и ближайшими своими начальниками, испросило позволеніе на постройку новой церкви въ г. Уральскѣ, въ честь Успенія Божія Матери. Церковь была заложена на мѣстѣ теперешней Успенской церкви и устроена на подобіе большой часовни, съ шатровою крышей, осѣненной осмиконечнымъ крестомъ, вопреки наказу казанскаго епископа Луки: „*шатровыхъ церквей отнюдь не строить*“ (2). Въ 1780 году постройка этой церкви совершенно была окончена (3), нужно было только освятить ее; но этому воспротивились вліятельныя аристократическія фамиліи въ войскѣ. Дѣло въ томъ, что въ это время отъ Иргизскихъ монастырей особенно началъ сильно заражаться расколомъ высшій слой Уральскаго войска; самъ войсковой атаманъ Даніилъ Дмитріевичъ Донсковъ былъ на сторонѣ раскольниковъ. Происходя изъ Донскаго войска, Даніилъ Дмитріевичъ, въ царствованіе Екатерины II, былъ сосланъ въ Сакмарскій городокъ за возмущеніе, произведенное имъ на Дону, и отличался упорной склонностью къ старинѣ и ея обрядовой жизни. Не смотря на свое сочувствіе къ расколу, ссыльный донской казакъ скоро обратилъ на себя вниманіе Оренбургскаго губернатора Игельстрома и, благодаря ему, въ 1776 году былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска, въ чинѣ премьеръ-маіора, а

---

(1) Ур. в. вѣд. 1872 г., № 40. Слич. Пр. Собесѣдн. 1858 г., т. I.

(2) Благословенная грамата казанскаго епископа Луки, отъ 29 янв. 1747 г. Слич. Ур. в. вѣд. 1874 г., № 20.

(3) Въ Ур. в. арх. письмо Столыпина къ Оберъ-прокурору свят. Сунода, отъ 29 ноября 1858 г.

въ 1790 г. получилъ чинъ подполковника и былъ утвержденъ войсковымъ атаманомъ; въ 1795 году г. Донсковъ награжденъ чиномъ бригадира, въ 1797 г. сдѣлался генералъ-маіоромъ и умеръ въ 1798 году. Когда постройка церкви была кончена, бригадиръ Михайловъ, Акутины, Назаровы, Бородины (1) и другіе представители Уральской аристократіи уговорили нѣкоторыхъ казаковъ принять бѣглаго попа, который совершалъ бы богослуженіе въ новой часовнѣ, получая дары отъ Иргизскихъ монаховъ, самая же часовня осталась бы неосвященной. Примѣръ начальниковъ и вообще вліятельныхъ казаковъ увлекъ за собою почти все войско (2). Около Успенской часовни было выстроено много келій, принадлежащихъ часовнѣ; въ этихъ келіяхъ помѣщались временно и пожизненно убогіе, которые всѣ составляли прозелитовъ старообрядчества. Часовенскій городокъ былъ похожъ на монастырь, только безъ монаховъ; онъ сдѣлался скоро центромъ, къ которому тяготѣли уральскіе старообрядцы; уральская аристократія безъ исключенія принадлежала къ приходу Успенской часовни. Вслѣдствіе громаднаго числа своихъ прихожанъ, Успенская часовня имѣла богатыя средства; у нея всегда были готовы деньги на черный день, — на случай, когда начнутся преслѣдованія ея прихожанъ.—Вообще, открытіе Успенской часовни немало благопріятствовало усиленію раскола въ Уральскомъ войскѣ. Генералъ Столыпинъ, въ своемъ письмѣ къ Оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, между прочимъ, замѣчаетъ объ этой часовнѣ: „*До 1780 года* почти все *Уральское войско принадлежало къ церкви единовѣрческой*; въ этомъ году поступило разрѣшеніе принимать бѣглыхъ поповъ

---

(1) Въ архивѣ Михайло-Архангельскаго собора сохранились помянники, изъ которыхъ видно, что эти фамиліи принадлежали прежде къ Михайло-Архангельскому собору.

(2) Письмо Столыпина, отъ 29 ноября 1858 г., къ Оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

и построить часовню, въ которую *перешло почти все войско.* Вотъ ясное доказательство вреда, причиненнаго въ Россіи позволеніемъ допускать бѣглыхъ поповъ!—Странно, что и понынѣ нѣкоторые предлагаютъ эту мѣру" (1)?!

Оберъ-прокуроръ Св. Сунода, графъ Алекс. Петровичъ Толстой, въ отвѣтъ на это письмо, спрашивалъ Стольшина: „какъ объяснить выраженіе: *„до 1780 года все Уральское войско принадлежало къ церкви единовѣрческой"*?—Тогда какъ:

1) Единовѣрческая церковь на правилахъ, предложенныхъ самими старообрядцами, искавшими соединенія, разсмотрѣнныхъ митрополитомъ Платономъ и Высочайше утвержденныхъ, учреждена въ 1800 году.

2) До положительнаго же учрежденія единовѣрческой церкви, хотя и были случаи присоединенія раскольниковъ съ тѣми же льготами, которыми нынѣ пользуются единовѣрцы; но всѣ эти случаи были позднѣе 1780 г. и не въ уральскомъ войскѣ. Такъ: а) слободы Знаменская и Злынка въ бывшей Словенской епархіи обращены увѣщаніями преосвященнаго Никифора Θеотоки послѣ его Окружнаго посланія, писаннаго въ Полтавѣ 25 марта 1780 года. б) Обращеніе знаменитаго инока стародубскаго раскольническаго монастыря Никодима произошло около 1784 года. в) Знаменитый иргизскій инокъ Сергій обратился около 1790 года. г) Указъ Екатерины II, коимъ дозволялось стародубскимъ раскольникамъ, изъявившимъ желаніе имѣть правильное священство и подчиниться власти церковной, соблюдать обрядъ и чинъ по своему обычаю, данъ 27 августа 1785 года. д) Освященіе 12 единовѣрческихъ церквей въ слободахъ стародубскихъ совершено между 1788 и 1795 годами.

---

(1) Письмо, отъ 17 іюля 1858 г., въ Ур. в. архивѣ.

3) Раскольникъ Пугачевъ нашелъ себѣ сообщниковъ въ Уральскомъ (яицкомъ) войскѣ между 1772 и 1774 годами. Хотя въ то время и была въ Яицкомъ городкѣ церковь, но нѣтъ извѣстій, чтобы она была единовѣрческая. Обыкновенно думаютъ, что въ годину Пугачевскую, если и были между уральцами православные, то составляли меньшую часть. Не слѣдуетъ ли читать вмѣсто 1780 года—1810 года,—время, въ которое очень умножился въ Россіи расколъ поповщинской секты, вслѣдствіе чрезмѣрной терпимости ко всякимъ ересямъ и расколамъ первой половины царствованія Александра I"? (1).

Столыпинъ на это отвѣчалъ: „дѣйствительно, въ эту фразу вкралась ошибка, но не въ годѣ, а въ словѣ „*единовѣрческой*". Слѣдуетъ ли его замѣнить—„*православной*"?—Это вопросъ, который трудно разрѣшить; доказано какъ по свидѣтельству лицъ, оставшихся въ живыхъ, такъ и по документамъ, что до 1800 года существовали въ Уральскѣ церкви: Михаила архангела, Алексѣя митрополита, Казанская и Петропавловская, и эти церкви хотя были православныя, *но очень можетъ быть*, что, по недостатку контроля въ войскѣ, въ нихъ *богослуженіе производилось по старопечатнымъ книгамъ*, ибо, напримѣръ, въ Михайло-архангельскомъ соборѣ имѣлись и эти и книги новой печати, которыя лежали безъ употребленія до постройки православнаго Александро-невскаго собора (2), куда онѣ и были сданы. Расколъ въ войскѣ начался раньше 1780 года, а *въ 1810 году* расколъ усилился еще больше чрезъ то, что *правительство утвердило часовню* (3), которая до этого времени су-

(1) Въ Уральск. в. арх. Письмо отъ 6 ноября 1858 года.

(2) Освященнаго въ 1850 году.

(3) Успенскую. Сличи. выше первое письмо Столыпина, гдѣ онъ говоритъ, что разрѣшеніе на принятіе бѣглыхъ поповъ и устройство Успенской часовни было дано въ 1780 г., что теперь самъ же отрицаетъ.

ществовала въ войскѣ лишь по недостатку контроля и чрезъ поощреніе мѣстнаго начальства. Что касается Пугачева, я замѣчу, что онъ вовсе не былъ раскольникъ, каковымъ его представляетъ Пушкинъ, по недостатку собранныхъ имъ матеріаловъ; онъ былъ просто *мошенникъ*, который съ раскольниками былъ раскольникъ, а съ православными—православный; доказательства тому ясныя: 1) въ городахъ и селеніяхъ, имъ захваченныхъ, его обыкновенно встрѣчало духовенство съ образами, хоругвями и крестомъ, къ которому онъ прикладывался; 2) его вѣнчалъ на Устиньѣ, въ Уральскѣ, въ Михайло-архангельскомъ соборѣ православный священникъ Живетинъ. *Если бы казаки въ то время были раскольники, кто бы принудилъ Пугачева въ средѣ ихъ вѣнчаться въ церкви?*— Слѣдовательно, Пугачевъ набралъ первую шайку не изъ раскольниковъ, а изъ недовольныхъ, въ числѣ которыхъ, можетъ быть, было немного и раскольниковъ".

Изъ этой переписки, между прочимъ, видно, что уральскій расколъ составлялъ немаловажную проблему вообще въ исторіи раскола въ Россіи: даже въ пятидесятыхъ годахъ о немъ не имѣли положительныхъ свѣдѣній ни въ Святѣйшемъ Синодѣ, ни въ средѣ уральской администраціи. Мы уже знаемъ, что расколъ въ уральскомъ войскѣ начался еще въ XVII вѣкѣ, а въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія здѣсь, какъ мы видѣли изъ показаній старца Варѳоломея, существовали правильно организованные раскольничьи скиты и молельни, вызвавшія преслѣдованія со стороны Военной Коллегіи (1). Служба въ уральскихъ церквахъ всегда совершалась по старопечатнымъ книгамъ, и войсковое духовенство не сочло даже нужнымъ скрыть этого, когда было спрошено о томъ казанскимъ епископомъ Лукою (2).

(1) См. Прав. Собесѣдн. 1877 г., сентябрь.

(2) Тамъ же.

Такимъ образомъ, если считать отличительными признаками единовѣрія старопечатныя книги и двуперстное сложеніе, то можно сказать, что оно существовало въ уральскомъ войскѣ задолго до оффиціальнаго разрѣшенія его правительствомъ: здѣсь приверженцы старой вѣры, не опасаясь преслѣдованій, могли свободно креститься двоеперстно, имѣть старопечатныя книги и слушать отправляемую по нимъ службу. — Православныхъ, въ смыслѣ строго-обрядовомъ, на Уралѣ тогда не было, а были только единовѣрцы и раскольники; первые ходили въ свои церкви, а послѣдніе удовлетворяли религіозной потребности въ раскольническихъ скитахъ и молельняхъ. Подъ вліяніемъ иргизскихъ монастырей, большая часть единовѣрцевъ, т. е. прихожанъ уральскихъ городскихъ церквей, также перешла въ расколъ и устроила особую раскольническую часовню—Успенскую, преобразованную впослѣдствіи, какъ увидимъ, въ Успенскую единовѣрческую церковь, существующую досель на мѣстѣ прежней часовни.

II.

Мѣста общественной молитвы и богослуженій въ Уральскомъ войскѣ.—Замѣчательные раскольническіе скиты. — Значеніе скитовъ въ расколѣ и ихъ вліяніе на Уральское войско.

Въ настоящее время во всемъ Уральскомъ войскѣ считается 28 церквей; но большая часть ихъ, какъ увидимъ дальше, возникла уже во второй и третьей четверти текущаго столѣтія, благодаря дѣятельности наказныхъ атамановъ В. О. Покатилова и А. Д. Столыпина. До 1837 года въ Уральскомъ войскѣ было только семь храмовъ: 4 въ Уральскѣ (1), одинъ—въ Илекѣ, въ Гурьевѣ 1 и въ Калмыковѣ 1; форпост-

(1) Михайло-Архангельскій соборъ, церкви: Петропавловская, Казанская единовѣрческая и Казанская—православная, при военныхъ казармахъ, возникшая въ 1831 г.

ныхъ церквей вовсе не было: первая форпостная церковь была построена лишь въ 1837 г. въ Сахарномъ форпостѣ, во имя Введенія во храмъ Божія Матери. До 1830 года атаманами Уральскаго войска были лица изъ казачьяго сословія; вполнѣ раздѣляя раскольническія убѣжденія казаковъ, они нисколько не заботились объ устройствѣ церквей въ войскѣ. Недостатокъ храмовъ восполнялся обиліемъ моленныхъ домовъ, часоренъ и раскольническихъ скитовъ, находившихся во множествѣ въ предѣлахъ Уральскаго войска.

Начало возникновенія скитовъ въ Уральскомъ войскѣ относится къ концу первой половины XVIII в., когда было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ со стороны Военной Коллегіи.—Въ 1741 г., какъ мы уже знаемъ, былъ уничтоженъ Шацкій монастырь, находившійся въ самомъ Уральскѣ. Раскольники, скрываясь отъ преслѣдованія сыскныхъ командъ, разсѣялись по склонамъ Общаго Сырта и по малоизвѣстнымъ островамъ р. Урала. Въ половинѣ XVIII в., какъ показалъ старецъ Варѳоломей, по нижнему теченію Урала считалось уже *болѣе двухъ сотъ* скитскихъ жильцевъ, въ томъ числѣ однихъ *постриженныхъ* старцевъ было *до сорока* чел. Въ какихъ именно мѣстахъ обитали эти старцы, или гдѣ были ихъ скиты, изъ показаній Варѳоломея не видно. Въ концѣ XVIII и въ XIX в. мы встрѣчаемъ въ Уральскомъ войскѣ слѣдующіе замѣчательные скиты: Гниловскій, Бородинскій, Бударинскій, Митрясовскій, Сергіевскій и Садовской. Всѣ эти скиты, кромѣ Бударинскаго и Садовскаго, были уничтожены въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, благодаря настоянію А. Д. Столыпина. *Гниловскій скитъ* находился близъ *Гниловскаго умета*, отъ котораго онъ и получилъ свое названіе; это—женскій скитъ; основательницей его, по преданію, была скитница Софья, происходившая изъ иногороднаго сословія. *Бородинскій* женскій скитъ получилъ свое названіе отъ Бородинскаго форпоста, около котораго онъ былъ расположенъ; онъ также

извѣстенъ былъ подъ именемъ *Кошевскаго*. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ Гниловскомъ скиту считалось 13, а въ Бородинскомъ 14 скитницъ.

Въ предѣлахъ Илецкихъ казаковъ на *Митрясовскомъ островѣ* (1), въ луговой сторонѣ Урала, находился *Митрясовскій скитъ*. Вначалѣ онъ былъ заселенъ *поморцами* и вообще раскольниками безпоповщинской секты, а потомъ тамъ проживалъ всякій сбродъ, всякій проходимецъ обоего пола, что̀ и подало поводъ къ его уничтоженію. Между обитателями этого скита пользовались особенной извѣстностью въ войскѣ: монахъ изъ казаковъ, по фамиліи Березовскій; бѣжавшій съ Иргиза монахъ Гавріилъ и Зосима, извѣстный въ монашествѣ подъ именемъ Герасима (2).

Когда возникли вышеозначенные три скита, положительныхъ указаній на то мы не имѣемъ; но несомнѣнно, что они появились не позже конца прошлаго вѣка.

Бударинскій мужской *скитъ*, находящійся близъ *Бударинской станицы*, существуютъ и до сихъ поръ. Время основанія этого скита съ точностью также не извѣстно; но, основываясь на церковной лѣтописи Бударинской единовѣрческой церкви, можно думать, что онъ возникъ давно,—по крайней мѣрѣ, не позже первой четверти настоящаго столѣтія. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Бударинскомъ скиту была основана и застроена церковь, которая освящена въ 1869 году, во имя Св. и Чудотворца Николая (3), свя-

(1) Митрясовскій островъ омывается съ одной стороны р.Ураломъ, а съ прочихъ—луговыми ериками, полными воды въ весеннее время и впадающими въ Уралъ.

(2) Зосима и Гавріилъ, по уничтоженіи Митрясовскаго скита, переведены были въ Сергіевскій скитъ, гдѣ и окончили дни своей жизни; а Березовскій поселился въ Мухрановскомъ форпостѣ, откуда онъ былъ родомъ.

(3) Въ статьѣ: «Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ», напечатанной въ Оренб. епарх. вѣд за 1878 г., *Никольская* Бударинская церковь названа мною ошибочно — *Знаменской*, т. е. въ честь Знаменія Божія Матери.

щенникомъ Александромъ Палеповымъ, настоятелемъ Уральской Никольской церкви. Бударинская Никольская церковь была открыта на особыхъ правахъ такъ называемыхъ *„благословенныхъ“*, или дозволенныхъ, церквей, какъ Ильинская — въ Илекѣ и Никольская — въ Уральскѣ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящее время при Бударинской церкви причта нѣтъ, а всѣмъ заправляетъ, по заявленію протоіерея Назарова, лжеепископъ Викторъ изъ уральскихъ казаковъ, рукоположенный въ Москвѣ въ 1876 году.

Но особенную извѣстность въ Уральскомъ войскѣ получили скиты: Сергіевскій—мужской и Садовскіе—женскіе скиты; первый изъ нихъ упраздненъ въ одно время съ Гниловскимъ и Бородинскимъ, а послѣдніе существуютъ и доселѣ.

Сергіевскій скитъ, служившій болѣе полвѣка главнымъ притономъ раскола и его приверженцевъ въ Уральскомъ войскѣ, возникъ въ концѣ XVIII вѣка. Основателемъ *Сергіевскаго* скита былъ иргизскій инокъ *Сергій*, происходившій, какъ и знаменитый основатель иргизскихъ монастырей, изъ купеческаго званія и родившійся въ Москвѣ, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, именно въ 1739 году. Сергій назывался въ міру Семеномъ; въ началѣ второй половины XVIII в. онъ удалился на Иргизъ, гдѣ принялъ монашество, подъ именемъ Сергія, и поступилъ въ число братіи Верхнеуспенскаго монастыря (1). Имѣя 54 года отъ роду, онъ удалился изъ монастыря въ холмистую

---

(1) Г. Савичевъ говоритъ, что Сергій былъ постриженъ въ Верхнеуспенскомъ монастырѣ священникомъ Исаакомъ *въ 1758 году* (см. Урал. В. Вѣд. 1876 г., № 42); но едвали это справедливо, такъ какъ Верхнеуспенскій скитъ-монастырь возникъ только послѣ *1762 г.* (См. Пр. Собес. 1857 г., стр. 383). Не смѣшалъ ли г. Савичевъ основателя Сергіевскаго скита съ Сергіемъ, основателемъ иргизскихъ монастырей, который былъ сынъ московскаго купца Петра Юршева, въ міру назывался Симономъ и былъ постриженъ въ одномъ изъ скитовъ, находившихся въ лѣсахъ Московской губерніи.

мѣстность Общаго Сырта, и здѣсь, безъ всякаго спроса и разрѣшенія властей, основалъ въ 1793 году особый скитъ, который отъ имени основателя и получилъ названіе *Сергіевскаго.*

Мѣстность, гдѣ построенъ былъ Сергіемъ скитъ, находится во 110 верстахъ отъ Уральска, въ 6 верстахъ отъ Соболевскаго умета и въ трехъ верстахъ отъ рѣки Чагана (1); скитъ былъ расположенъ въ красивомъ и густомъ колкѣ (2), при одномъ родникѣ.

Объ основаніи и устройствѣ Сергіевскаго скита прежде всѣхъ узнало уральское войсковое начальство; но оно держало себя такъ, какъ будто ничего не видѣло. Основаніе старообрядческаго монастыря было въ его глазахъ едва не святымъ дѣломъ, и потому оно не мѣшало его строенію; притомъ же, на сторонѣ раскольниковъ, какъ мы знаемъ, была почти вся уральская аристократія и самъ войсковой атаманъ, Д. Донсковъ, извѣстный ревнитель и защитникъ старообрядства. Уфимскій намѣстникъ (3), а потомъ Оренбург-

(1) Правый притокъ р. Урала.

(2) Лѣсъ, растущій на небольшемъ пространствѣ.

(3) Въ 1780 году было образовано Уфимское намѣстничество въ составѣ двухъ областей: Уфимской и Оренбургской. Въ первую вошли уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Бугурусланскій, Белебеевскій, Стерлитамакскій и Челябинскій, при чемъ слободы: Бугульма и Бугурусланъ, чувашское селеніе Белебей и крѣпость Челябинская возведены на степень уѣздныхъ городовъ. Оренбургскую область составили уѣзды: Оренбургскій, Верхнеуральскій, Бузулукскій и Сергіевскій; уѣздные города въ трехъ послѣднихъ образованы изъ крѣпостей: Верхнеуральской и Бузулукской и пригорода Сергіевска. *Съ образованіемъ Уфимскаго намѣстничества*, города: *Уральскъ и Гурьевъ отдѣлены къ Астраханской губерніи, въ вѣдѣніи которой и находились до 1803 г., а въ этомъ году снова были подчинены оренбургскому губернатору.* Указомъ 2 декабря 1796 г. уфимское намѣстничество снова переименовано въ Оренбургскую губернію; центръ управленія перенесенъ изъ Уфы въ Оренбургъ; города Сергіевскъ и Белебей сдѣланы заштатными. Въ 1800 г. Уфа сдѣлана губернскимъ городомъ, а Белебей изъ заштатнаго—снова уѣзднымъ городомъ Уфимской губерніи. См. Матер. по стат., геогр. и проч., издав. Ор. губ. стат. ком. 1877, вып. 1, стр. 32, 34. Ур В. Вѣд. 1869 г., № 33. Въ Ур. в. арх., № 68.

скій военный губернаторъ баронъ Игельстромъ. въ вѣдѣніи котораго находилось Уральское войско, также смотрѣлъ на дѣло старообрядцевъ сквозь пальцы. Но не такъ взглянули на это Астраханское и Саратовское губернское правленіе. Заподозривъ Сергія въ пристанодержательствѣ разныхъ бѣглыхъ людей, они просили Уральскую войсковую канцелярію разслѣдовать дѣло. Вслѣдствіе этого, Уральская канцелярія командировала въ Сергіевскій скитъ есаула Логинова, который долженъ былъ произвести въ немъ обыскъ. Логиновъ нашелъ въ скиту пять человѣкъ изъ отставныхъ уральскихъ казаковъ, семь человѣкъ разнаго званія „россійскихъ людей", жившихъ по письменнымъ видамъ, и одного мальчика-уральца, обучавшагося въ скиту грамотѣ,—*всего же 13 человѣкъ*. Несомнѣнно, что число скитскихъ обитателей въ дѣйствительности было гораздо больше; но мы уже знаемъ, что Уральская канцелярія, во главѣ съ своимъ атаманомъ, состояла изъ раскольниковъ, командированный ею слѣдователь Логиновъ тоже былъ раскольникъ, а потому и самый розыскъ въ Сергіевскомъ скиту былъ, вѣроятно, произведенъ лишь для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе правительства.

Въ это время находился въ Уральскѣ генералъ-лейтенантъ Медеръ, которому Высочайше было поручено составить новый штатъ и проэктъ объ управленіи Уральскаго войска. Медеръ обратилъ серьезное вниманіе на скитъ Сергія, и крайне остался недоволенъ розыскомъ Логинова, настоявъ на томъ, чтобы Логиновъ вторично произвелъ обыскъ въ скиту. Логиновъ снова явился въ скитъ и нашелъ здѣсь *еще десять человѣкъ*, которые жили безъ письменныхъ видовъ въ разныхъ землянкахъ, устроенныхъ въ окрестностяхъ Сергіевскаго скита; всѣ пойманные Логиновымъ оказались бродягами, и были отправлены въ Уральскъ. Генералъ Медеръ самъ допрашивалъ этихъ бродягъ, дѣлая подъ ихъ показаніями свои замѣчанія, и подъ допросными пунктами написалъ собственноручно слѣдующее

заключеніе: „Разсуждая о существѣ предъидущихъ вопросовъ, должно удивляться, что *Уральское начальство*, въ продолженіе столькихъ прошедшихъ лѣтъ, *терпѣло* таковыхъ *бродягъ и крайне подозрительныхъ людей въ ближнихъ своихъ предѣлахъ*, не зная и не освѣдомлялись, кто они таковы. Въ войсковой канцеляріи есть уже примѣры, что въ близости сихъ ложносвятыхъ отцевъ (а можетъ быть, и между ними самими) укрывались явные и судомъ обличенные *разбойники и воры*; а потому и обители сихъ пустынниковъ, не будучи ограждены полицейскимъ надзоромъ, долженствовали бы возбудить полное вниманіе и неослабное бдѣніе начальства на всякое уединенное жилище“ (1).

Вскорѣ и самъ Сергій былъ вызванъ въ Уральскъ; на допросахъ онъ показалъ, что дѣйствительный тайный совѣтникъ П. С. Руничъ (2), въ бытность свою въ Уральскѣ, вытребовалъ его (Сергія) къ себѣ и, послѣ собесѣдованія съ нимъ, далъ ему видъ на свободное проживаніе; но самаго вида, полученнаго отъ Рунича, Сергій не могъ представить, заявивъ, что онъ потерялъ его, вмѣстѣ съ очками и 5 р. денегъ, во время пребыванія на Иргизѣ. Послѣ допроса Сергій былъ обязанъ подпиской—не держать и не принимать въ свой скитъ бродягъ и вообще людей безпаспортныхъ. Однакожъ, не смотря на подписку своего строителя, Сергіевскій скитъ, попрежнему, давалъ у себя пріютъ странникамъ и богомольцамъ, не спрашивая у нихъ паспортовъ, поилъ и кормилъ ихъ; впрочемъ, здоровые странники не могли оставаться въ скиту болѣе трехъ дней. Но впослѣдствіи, когда не стало Сергія, скитъ, вопреки подпискѣ и осторожности своего основателя, сталъ безъ разбора и ограниченія принимать бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей всякаго званія. Монахи

(1) Уральск. В. Вѣд. 1876 г., № 42.

(2) П. С. Руничъ пріѣзжалъ въ Уральскъ, по волѣ императора Павла, для ознакомленія съ уральскими старообрядцами.

устроили даже подземелье, въ которомъ не только легко было укрыться отъ сыщиковъ и слѣдователей; но бѣглые всегда могли выйти изъ этого подземелья въ безопасное мѣсто, далеко внѣ скита.

Въ октябрѣ 1827 года, Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ (1) писалъ въ Уральскую войсковую канцелярію, что изъ донесенія Саратовскаго губернатора къ управляющему Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ видно, что „въ Сыртовскомъ Сергіевскомъ монастырѣ есть подземный ходъ, и служба въ монастырѣ производится съ колокольнымъ звономъ". Основываясь на Высочайшихъ указахъ, состоявшихся въ февралѣ 1803 г. и въ маѣ 1820 г., Эссенъ предписалъ Уральской канцеляріи: „колокола во всѣхъ скитахъ снять, а подземный ходъ въ Сергіевскомъ скиту освидѣтельствовать и узнать, для чего онъ устроенъ и существуетъ, уничтожить его и обязать, кого слѣдуетъ, подпиской, чтобы ни подземелья, ни колоколовъ впредь не заводить, а снятые колокола отдать въ пользу церкви".

Уральская канцелярія, получивъ это предписаніе, въ тотъ же день командировала въ Сергіевскій скитъ совѣтника, подполковника Мизинова, и прокурора VII класса Анадольскаго, въ сопровожденіи небольшой команды изъ казаковъ. Слѣдователи, дѣйствительно, нашли въ скиту „*ходъ-подземелье*", которое имѣло около 20 саженъ въ длину, съ тремя внутренними его рукавами. На допросахъ скитскіе монахи заявили, что это подземелье вырото бывшимъ настоятелемъ монастыря Сергіемъ, и употребляется ими для занятія „*по званію ихъ уединенныхъ трудовъ*". Послѣ тщательнаго осмотра подземелья, слѣдователи, не найдя особенныхъ, заслуживающихъ вниманія, признаковъ, приказали выходъ подземелья завалить, и взяли съ на-

(1) Генералъ отъ инфантеріи Эссенъ занималъ должность Оренбургскаго военнаго губернатора съ 1817—1830 г., а затѣмъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ.

стоятеля подписку, чтобы впредь, ни подъ какимъ предлогомъ, этотъ подземный ходъ не былъ возобновляемъ; колокола, въ числѣ шести, были сняты и отправлены въ Уральскъ къ благочинному Іоасафу Корчагину. Настоятелемъ Сергіевскаго скита въ это время былъ Ириархъ, изъ отставныхъ Илецкихъ казаковъ, извѣстный въ міру подъ именемъ Ивана Иванова; монаховъ въ скиту было 35 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 45 до 90 лѣтъ; бѣльцевъ—6 человѣкъ, отъ 15 до 40 лѣтъ включительно (1).—Нѣкоторые увѣряютъ, что и подъ самой часовней было устроено подземелье, въ которомъ можно было скрыться, не выходя изъ часовни (2). При такихъ предосторожностяхъ скитскихъ монаховъ, конечно, нелегко было полиціи найти бѣглыхъ, скрывавшихся у Сергіевской братіи.

Существенная часть устава Сергіевскаго скита заключалась въ томъ, что время дѣлилось на трудъ и молитву, въ которыхъ игуменъ всегда принималъ личное участіе, руководя тѣмъ и другимъ. Скитская братія занималась огородничествомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ. Въ числѣ Сергіевской братіи были монахи (изъ иногородныхъ) (3), которые исключительно занимались разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ и пчелъ. Съ дѣвственной Пріобщинской почвы, которой до этого еще не касался плугъ земледѣльца, монахи получали обильное вознагражденіе за свой трудъ, въ видѣ пшеницы самаго лучшаго качества. Въ этомъ отношеніи Сергій, основатель скита, сдвали не былъ первымъ начинателемъ и примѣромъ между уральскими казаками. Служилые казаки и чиновники, бывавшіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, стали, начиная съ конца XVIII в., покупать понемногу крестьянъ, и такъ какъ въ Уральскомъ войскѣ помѣщичьихъ и вообще земель частной собственности

(1) Выписка изъ Ур. войск. архива.

(2) Ур. В. Вѣд. 1876, № 42

(3) Такъ называютъ казаки всѣхъ, кто не казакъ.

не было и нѣтъ; то чиновники изъ казаковъ начали заводить хутора на плодородной землѣ, по рѣчкамъ Ташлѣ, Иртеку и другимъ, протекающимъ между Ураломъ и Чаганомъ, и селить при нихъ купленныхъ, а иногда и бѣглыхъ, крестьянъ, подъ именемъ своихъ дворовыхъ людей (1). Нѣсколько раньше этого, на тѣхъ же мѣстахъ заведены были хуторскія поселенія, изъ которыхъ образовались потомъ значительные уметы и общественные хутора (2).

Имѣя собственныя средства, монахи Сергіевскаго скита не нуждались въ мірскомъ подаяніи; но все-таки, не смотря на это, они не отказывались принимать и добровольныя приношенія міряпъ. Примѣръ этой небольшой духовной общины, между прочимъ, можетъ служить доказательствомъ того, какъ полезна была примѣсь русскаго промышленнаго элемента къ вольнымъ и безпечнымъ казакамъ. Внѣ монастырскихъ стѣнъ мы замѣчаемъ подобные же результаты, если только иногородные ремесленники и вообще предпріимчивые люди поступали въ казаки, сливаясь съ ними въ общихъ интересахъ и служебныхъ обязанностяхъ.

Основатель Сергіевскаго скита, инокъ Сергій все время значился въ числѣ податныхъ города Вольска, куда и вносилъ положенныя государственныя подати. Въ 1817 году Сергія не стало: онъ умеръ, имѣя 78 лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ на мѣстѣ основаннаго имъ скита. По смерти Сергія, управлявшаго скитомъ 24 года, монахи избирали настоятелей сами изъ своей же среды, а постриженіе принимали отъ священниковъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ Москвы, Стародубья и изъ Иргизскихъ монастырей.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что иногда въ Сергіевскій скитъ удалялись и храбрые защитники

---

(1) Уральск. В Вѣд. 1872, № 14.

(2) Тамъ же, № 40.

отечества, чтобы здѣсь приготовить себя къ будущей жизни. Такъ, напримѣръ, въ Сергіевскомъ скиту, постригся въ монахи уральскій герой въ войнѣ 1813—1814 г., подполковникъ В. И. Буренинъ. — Поселившись въ Сергіевскомъ скиту, онъ велъ самый строгій образъ жизни, граничившій съ аскетизмомъ: истязалъ себя постомъ и крайними лишеніями, почти постоянно пребывая въ молитвѣ; тамъ онъ померъ и тамъ покоится прахъ этого храбраго воина.

Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, Сергіевскій скитъ сталъ упадать; отъ нерадѣнія и несогласія иноковъ хозяйство разстроилось; нравы попатнулись; богомольцы охладѣли къ этой обители, и, наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ Сергіевскій скитъ совершенно былъ уничтоженъ. Послѣ упраздненія скита, деревянная старая часовня продавалась съ аукціона; но долго никто не хотѣлъ ее купить, считая покупку ея за что-то въ родѣ святотатства. Наконецъ нашлась смѣлая вдова, старообрядка Макарова, которая купила часовню на сломъ, желая построить новый женскій скитъ-монастырь на рѣкѣ Деркулѣ (1) и поставить въ немъ Сергіевскую часовню; но желаніе Макаровой не осуществилось, отчасти по скупости жертвователей на постройку новаго монастыря, а главнымъ образомъ по нерасположенію къ его устройству войсковаго начальства, довольнаго и Садовскими женскими скитами, о которыхъ—рѣчь впереди.

Въ настоящее время на мѣстѣ бывшаго Сергіевскаго скита замѣтны только нѣкоторые слѣды его существованія: заваленные ходы, бывшіе подъ горой, ямы на мѣстѣ бывшихъ строеній да небольшой садикъ, состоящій изъ 15—20 яблонь, купленный казакомъ Соболевской станицы Аггѣемъ Логиновымъ, который въ лѣтнее время живетъ въ лачужкѣ, устроенной въ саду. Такъ кончилъ свое существованіе зна-

(1) Притокъ р. Чагана.

менитый Сергіевскій скитъ, служившій долгое время гнѣздомъ Уральскаго раскола!

Въ первой четверти настоящаго столѣтія, вблизи самаго Уральска, возникаетъ другой замѣчательный раскольническій скитъ-монастырь, извѣстный между уральцами подъ именемъ *Садовскаго*.

Въ шести или семи верстахъ отъ города Уральска, по направленію къ сѣверу, находится такъ называемый „*Садовской полуостровъ*“, одинъ изъ лучшихъ оазисовъ Пріуральской городской территоріи. Это—круглая, зеленая котловина, расположенная между степными кряжами и озеромъ, обтекающимъ ее въ видѣ подковы. Соединяясь въ весеннее половодье съ р. Чаганомъ, это озеро получаетъ запасъ воды на цѣлый годъ. Живописное мѣстоположеніе полуострова, среди безпріютныхъ степей, было издавна приманкою для богатыхъ городскихъ жителей, которые пожелали здѣсь развести сады. Еще въ концѣ XVIII вѣка, здѣсь возникли сады аристократическихъ фамилій въ Уральскомъ войскѣ: Мизиновыхъ, Бородиныхъ, Назаровыхъ, Донсковыхъ, Меркурьевыхъ и другихъ. Въ настоящее время нѣкоторые изъ иногородныхъ чиновниковъ нанимаютъ здѣсь дачи, на лѣтнее время (¹). Самый кряжъ, на окраинѣ котораго расположенъ Садовской полуостровъ, также представляетъ собою видъ большаго полуострова: съ южной стороны течетъ р. Чаганъ, съ западной—притокъ Чагана Деркулъ, а съ восточной—озеро, обтекающее Садовской полуостровъ и соединяющееся въ половодье, какъ мы замѣтили, съ р. Чаганомъ.

Садовской полуостровъ не ускользнулъ и отъ вниманія старообрядцевъ, искавшихъ уединенія; они облюбовали одно мѣсто внутри этого полуострова, отличающееся густой древесной заростью, и начали за-

---

(¹) Авторъ настоящаго очерка въ 1872 году самъ жилъ въ этихъ садахъ, а потому хорошо и знаетъ эту мѣстность, какъ очевидецъ.

селять его. Въ какомъ именно году положено основаніе этой обители, положительныхъ указаній на то мы не имѣемъ; намъ извѣстно только преданіе, которое гласитъ, что первоначальное основаніе Садовскаго скита принадлежитъ уральскимъ *„барынямъ“*, и относится къ тому времени, когда *„французъ пошелъ войною на Русю“*, и когда ихъ мужья отправились защищать отечество *„отъ Бонапарта“*. Проводивъ своихъ мужей на защиту отечества, уральскія аристократки, говоритъ преданіе, удалились въ *„Сады“* (1) молиться Богу за спасеніе жизни своихъ мужей и за избавленіе Россіи отъ грознаго *„Бонапарта“* (2). На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что въ это время на Садовскомъ полуостровѣ уже жило нѣсколько старушекъ-раскольницъ въ особыхъ кельяхъ; къ нимъ-то, вѣроятно, и явились вліятельныя уральскія матроны и, посвятивъ себя, на время отсутствія своихъ мужей, уединенію, тѣмъ самымъ помогли окончательному сформированію женскаго Садовскаго скита, который существуетъ и доселѣ. По всей вѣроятности, тѣ изъ нихъ, мужья которыхъ были убиты или умерли, больше уже и не возвращались въ міръ, оставшись коротать горестные дни свои въ скиту.

Первоначально Садовской женскій скитъ былъ расположенъ въ самомъ концѣ полуострова; но монахини много терпѣли убытковъ, во время весенняго половодья, а однажды полой водой едва не затопило всѣ кельи. Войсковой атаманъ Д. М. Бородинъ, узнавъ объ этомъ, отрядилъ къ сестрамъ цѣлый конвой казаковъ, которые и перевезли монахинь (3), со всѣми ихъ

---

(1) Болѣе употребительное названіе Садовскаго полуострова.

(2) См. Уральск. В. Вѣд. 1868 г., № 33. Слич. Ур. В. В. 1874 г. № 35.

(3) Въ Уральскѣ и теперь существуетъ обычай перевозить небольшія постройки, напримѣръ, лавки, лабазы и т. п., не разбирая. Нельзя неудивляться въ этомъ случаѣ ловкости и находчивости казаковъ, какъ они «*недвижимое превращаютъ въ движимое*».

кельями и часовнею, на настоящее болѣе безопасное мѣсто. Такая заботливость Д. М. Бородина о Садовскихъ скитницахъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ открыто не отличался покровительствомъ сторообрядцамъ, подобно Д. Д. Донскову, хотя и не притѣснялъ ихъ.

Первою настоятельницей этого скита была Ѳеофанія, называвшаяся въ міру Ѳеклой; она умерла въ 1831 году не менѣе 50 лѣтъ отъ роду. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, эта, почти сорокалѣтняя, женщина отличалась еще красивой наружностью и строгимъ выраженіемъ лица. Она была дочь уральскаго казака Дмитрія *Подгорнова*, а по-мужѣ — *Бѣляева*. Спустя годъ послѣ брака, мужъ ея заболѣлъ какой-то неизлѣчимою болѣзнью и чрезъ семь лѣтъ померъ. Многіе добивались руки молодой и красивой вдовы, но Ѳекла Бѣляева, схоронивъ мужа, рѣшилась больше не выходить замужъ; она постриглась въ Садовскомъ скиту въ инокини и сдѣлалась первою игуменьей этого скита. Между казаками объ ней сохранилось слѣдующее легендарное преданіе:

Однажды являются къ Ѳеофаніи два человѣка— чернецъ и міряпинъ, и сообщаютъ ей, что, на полпути отъ Уральска къ Садовскому скиту, въ курганѣ, на которомъ стоялъ тогда крестъ (1), зарытъ большой кладъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явившіеся незнакомцы предложили Ѳеофаніи свои услуги вырыть этотъ кладъ, въ ея присутствіи и въ ея пользу. Ѳеофанія согласилась, — и ночью таинственный кладъ былъ вырытъ, при чемъ игуменьѣ досталось 40 тысячъ рублей; по разсказамъ однихъ, загадочные незнакомцы, вырывшіе кладъ, отказались отъ денегъ и отдали ихъ всѣ Ѳе-

(1) Теперь на этомъ курганѣ находится два креста. Самый курганъ, или маръ, изрытъ во многихъ мѣстахъ искателями кладовъ. Лѣтомъ 1874 года около крестовъ вырыто было двѣ ямы, соединенныя внизу между собою каналомъ.

офаніи, а другіе передаютъ, что найденная сумма была раздѣлена между всѣми по-ровну. Какъ бы то ни было, только Ѳеофанія, дѣйствительно, имѣла у себя порядочныя деньги, на которыя она и построила въ скиту особую часовню, украсивъ ее множествомъ иконъ и изящнымъ иконостасомъ; строителемъ этого иконостаса былъ самарскій мѣщанинъ Семенъ Глущенковъ, приписавшійся потомъ въ Уральское войско. Особенно замѣчателенъ былъ въ часовнѣ большой осмиконечный, въ серебряной оправѣ, крестъ, находившійся на верху иконостаса; этотъ крестъ принесенъ въ даръ часовнѣ есауломъ Уральскаго войска, Осипомъ Савичевымъ. Внукъ жертвователя, Н. Ѳ. Савичевъ передаетъ (1), что серебро, употребленное на оправу креста, досталось его дѣду въ отечественную войну. Послѣ переправы французской арміи черезъ Березину, преслѣдовавшіе ее казаки превратили свои пики въ крюки, и начали багрить со дна рѣки французскую добычу. Въ числѣ выловленныхъ вещей оказались и серебряные образные оклады, смятые въ комья. При *раздуваніи* добычи, Осипъ Савичевъ получилъ часть такого серебра и, по возвращеніи на родину, подарилъ его въ скитъ Ѳеофаніи; изъ этого-то серебра и сдѣланъ былъ крестъ, украшавшій собою иконостасъ часовни Садовскаго скита (2).

По сосѣдству съ Садовскимъ скитомъ Ѳеофаніи, скоро образовалась другая женская обитель, находившаяся подъ управленіемъ особой игуменьи. Съ перенесеніемъ Ѳеофаніева скита на новое, болѣе безопасное, мѣсто Садовскаго полуострова, на прежнемъ его мѣстѣ возникъ мужской скитъ, настоятелемъ котораго былъ казакъ *Филаретъ Таликовъ*. Но этотъ скитъ просуществовалъ недолго: послѣ первой холеры, быв-

---

(1) Уральск. В. Вѣд. 1874 г., № 35.

(2) Тамъ же.

шей въ Уральскѣ въ 1830 году, Филаретовскій скитъ уничтожился самъ собою, за смертію его престарѣлыхъ обитателей.

Въ Садовскихъ скитахъ, кромѣ монахинь, жили и бѣлицы, а вблизи Ѳеофаніева скита находилась цѣлая слободка, заселенная попреимуществу женщинами-раскольницами, которыхъ впослѣдствіи переселили на р. Деркулъ, притокъ Чагана, и назвали новую слободку „*Выселки*“. Жители Выселокъ состоятъ изъ уральскихъ казаковъ и причислены къ приходу Уральской Предтеченской церкви, отстоящей отъ Выселокъ верстъ на 12 или на 10. Все населеніе Выселокъ заражено расколомъ, и до сихъ поръ болѣе тяготѣетъ къ Садовскимъ скитамъ, чѣмъ къ своей приходской церкви.

Двадцатые и тридцатые годы были временемъ цвѣтущаго состоянія Садовскихъ скитовъ. Богатыя уральскія барыни нерѣдко дѣлали значительныя пожертвованія въ эти скиты; сюда же несли свою лепту и небогатые богомольцы. Въ послѣднее время средства Садовскихъ скитовъ значительно оскудѣли. Въ 1871 году въ Ѳеофаніевой обители случился пожаръ, который нанесъ большой убытокъ ея обитательницамъ; часовня скитская сгорѣла. Теперь монахини построили новые дома, просторные и удобные, а вмѣсто часовни, которую возобновить не дозволили, устроенъ молепный домъ, такъ-что Садовской скитъ въ настоящемъ его видѣ скорѣе походитъ на слободку, чѣмъ на монастырь. Садовскіе жители, какъ лица войсковаго сословія (хотя между ними есть и иногородные), пользуются водами и лугами по рѣкѣ Чагану. Скитъ окруженъ садами, которые, впрочемъ, принадлежатъ частнымъ лицамъ. Населеніе Садовскаго полуострова значится въ посемейныхъ спискахъ у атамана 2 уральской станицы, и ежегодно повѣряется. По оффиціальнымъ источникамъ, въ настоящее время на Садовскомъ полуостровѣ значится одинъ женскій скитъ, въ которомъ считается 43 монахини, 15 бѣлицъ и 7 послуш-

ницъ, въ томъ числѣ иногородныхъ: 3 монахини и одна послушница. Въ посемейныхъ спискахъ Садовскихъ жителей значатся и малолѣтнія дѣти обоего пола. Между тѣмъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, извѣстно, что Садовской скитъ, попрежнему, дѣлится на двѣ обители: въ одной изъ нихъ около 50 старицъ, во главѣ съ игуменьей Порфиріей, а въ другой—12 старицъ, состоящихъ подъ руководствомъ игуменьи Иферіи. Первая изъ обителей не принимаетъ никакихъ поповъ, а вторая имѣетъ австрійскаго попа, который, по слухамъ, скрывается въ Уральскѣ, преимущественно у казака *Тамбовцева* и иногороднаго торговца въ Уральскѣ *Симакова*.

Скиты Уральскаго войска были самыми любимыми мѣстами общественной молитвы казаковъ и хранилищами раскола со всѣми его аттрибутами. Форпостное и городское казачество стремилось сюда, какъ бы въ святое мѣсто, за требоисправленіями и за разными совѣтами въ дѣлахъ вѣры; казаки и казачки несли и везли сюда большія пожертвованія деньгами и натурой, а нѣкоторые спѣшили и сами поступить въ число скитской братіи. Люди, измученные совѣстію за содѣянныя согрѣшенія, находили въ скитахъ отраду и успокоеніе,—здѣсь имъ, какъ и на Иргизѣ, говорили: „*Безъ грѣха нѣтъ покаянія. а безъ покаянія нѣтъ спасенія*; блудъ—не грѣхъ, а паденіе; но и святые отцы падали, а Богу всетаки угодили. Много въ царствѣ небесномъ и разбойниковъ, и пьяницъ, и блудниковъ, только нѣтъ тамъ еретиковъ: *можно дѣлать всякіе грѣхи, но необходимо* каяться, а главное—*хранить* истинную *старую вѣру*“, и т. п.—все въ томъ же духѣ, на извѣстную и любимую тему раскольниковъ: „*не согрѣшишь, не умолишь*“.—Такія разсужденія скитскихъ старцевъ и старицъ обаятельно дѣйствовали на разнузданную волю сокрушавшихся грѣшниковъ и, убаюкивая ихъ совѣсть, не только мирили ихъ съ дурнымъ и мрачнымъ образомъ жизни, а какъ бы поощряли къ новымъ порокамъ, чтобы сильнѣе и дѣй-

ствительнѣе было покаяніе; но каждый грѣшникъ напередъ долженъ былъ знать, что покаяніе его не будетъ услышано Богомъ, если онъ измѣнитъ *„старой вѣрѣ* — вѣрѣ *истовой*, *до-Никоніанской*". — Понятно послѣ этого, какъ дороги были скиты въ глазахъ людей съ необузданной волей и, въ тоже время, приходившихъ въ ужасъ отъ одного воображенія адскихъ мукъ. Скитскіе обитатели хорошо понимали это, и не могли не дорожить своимъ положеніемъ, при которомъ, не особенно трудясь, можно было и вкусно поѣсть, и спокойно отдохнуть, и *позволить* себѣ и другимъ *непозволенное*,—и всетаки пользоваться вліяніемъ на другихъ, а главное—спасти свою душу отъ страшныхъ мукъ ада.

Скиты служили также и главными притонами бѣглыхъ поповъ и лжеепископовъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатировали казаковъ и ихъ семейства, въ свою пользу. Здѣсь находили пріютъ и разные святоши и юродивые, служившіе самымъ безнравственнымъ образомъ цѣлямъ раскола и нечистымъ предпріятіямъ скитской братіи, обворовывая и обманывая простодушныхъ богомольцевъ (1). Бѣглые попы и лжеепископы, съ любовію принимаемые въ скитахъ, обдѣлывали, при помощи скитской братіи и сестеръ,

(1) Между такими юродивыми особенно былъ извѣстенъ *Семушка*, который долгое время притворялся нѣмымъ и ходилъ зимою босикомъ. До своего юродства, Семушка замѣшанъ былъ въ общество дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій — малаканъ Саратовской губерніи, жившихъ въ сосѣдствѣ съ внутренней уральской линіей (на Узеняхъ). Оттуда Семушка былъ привезенъ слѣдователемъ по дѣлу малаканъ, чиновникомъ Акутинымъ, въ Уральскъ, гдѣ, переставъ говорить, и началъ юродствовать. Послѣ онъ бросилъ свое юродство и за что-то попалъ въ острогъ, откуда былъ выпущенъ на поруки. Въ послѣднее время, проживая въ Садовскомъ скиту, Семушка велъ жизнь разгульную, занимался старымъ ремесломъ—дѣлалъ фальшивые деньги и умеръ, послѣ сильнаго перегула, въ натопленной до страшнаго угара комнатѣ. Это видно изъ дѣла весело жившаго и угорѣвшаго (только не до смерти) съ нимъ горниста-урядника Василья Борисова,—дѣла, производившагося послѣ смерти Семушки. Говорятъ, что Семушка былъ замѣчательный каллиграфъ.

разныя темныя дѣла, позволяя и даже освящая незаконное сожительство, совершая браки между кровными родственниками, посвящая простыхъ казаковъ въ діаконы, попы и даже (какъ увидимъ) въ архіереи, при чемъ иногда случалось, что ставленники лишались своего копелька, а ставленной граматы не получали.

Въ Уральскихъ скитахъ нерѣдко происходили и диспуты, кончавшіеся нерѣдко взаимной перебранкой и дракой диспутировавшихъ сторонъ. Предметомъ диспутовъ бывали не только вопросы вѣры, а и чисто житейскіе интересы. Въ скиты собирались по временамъ поборники казачьей независимости и самоуправленія, съ цѣлію обсужденія различныхъ вопросовъ общиннаго управленія. Здѣсь, какъ и въ старинныхъ казачьихъ кругахъ, зараждались и созрѣвали тѣ религіозно-гражданскія тенденціи раскола, которыя, фанатизируя и освящая любовь казаковъ къ независимости, не разъ доводили ихъ до открытаго протеста властямъ и правительственнымъ распоряженіямъ. Всѣ военногражданскія реформы, почему-либо казавшіяся казакамъ нарушеніемъ ихъ привеллегій, почти всегда сопровождались на Уралѣ волненіями, слѣдствіемъ, арестами, допросомъ, наказаніемъ и ссылкою виновныхъ въ Сибирь или въ исправительныя роты. Расколъ и его приверженцы всегда шли объ руку съ этими протестами поборниковъ казачьей независимости, питали и лелѣяли ихъ, какъ надежный оплотъ старины, ея обычаевъ и порядковъ: а такъ какъ главными хранилищами раскола были скиты, то неудивительно, если, помимо религіозно-обрядоваго строя, они получили въ войскѣ и политическое значеніе. Главные поборники казачьяго самоуправленія были и самыми ревностными раскольниками; побывавъ на эшафотѣ у позорнаго столба и въ каторгѣ, они возвращались на родной Уралъ и поступали въ скиты, гдѣ проводили остатки своей жизни. Умирая, они говорили въ назиданіе потомкамъ: „Берегите *истинную, ста-*

рую вѣру; стойте грудью, открыто, за кормильца нашего Яикушку. *Пострадайте за вѣру, а докажите начальству, что вы* не ясачные татары, не пахатные солдаты, а *вольные люди*, славные Яицкіе казаки. Намъ хотѣли обрить бороды, записать въ легіонъ, хотѣли насъ сдѣлать солдатами, да не смогли: паша взяла; стойте же и вы: *всѣхъ не перестрѣляютъ, всѣхъ не перевѣшаютъ*"! — Напутствуемые такими-то нравоученіями скитскихъ подвижниковъ и престарѣлыхъ казаковъ, вступаютъ Уральскіе казаки въ XIX вѣкъ, и, какъ увидимъ, эти традиціи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, не пропали безслѣдно въ исторіи Уральскаго войска и въ текущемъ столѣтіи.

III.

Уральское войско въ первой четверти настоящаго столѣтія, по отношенію къ военно-гражданскимъ реформамъ.—Протесты казаковъ.—Кочкинъ пиръ.—Новые мундиры.—Успенская раскольническая часовня въ Уральскѣ и ея значеніе въ войскѣ.—Начетчикъ Тарасовъ.—Раскольническій попъ Василій.

Послѣдняя четверть XVIII вѣка проходитъ на Уралѣ спокойно. Уральскіе казаки какъ бы отдыхаютъ отъ страшной безъурядицы, внесенной къ нимъ Пугачевщиной, и спѣшатъ поправить разстроенное и запущенное во время бунта хозяйство. Правительство, требуя казаковъ на внѣшнюю службу (1), оставило ихъ до времени безъ всякихъ нововведеній и реформъ, почему-либо несогласныхъ съ стариной и казачьей независимостью. Въ царствованіе императора Павла I. Уральскому войску были дарованы даже нѣкоторыя преимущества по службѣ. Высочай-

(1) Съ 1783—1798 г. изъ Уральскаго войска было командировано болѣе 4000 чел въ разныя мѣста: въ Италію, на Кавказъ и др. мѣстности. Ур. в. арх. № 8, л. 4.

шимъ приказомъ 1798 года, въ составъ войскъ, пользовавшихся преимуществами гвардіи, назначена и одна сотня лейбъ-казаковъ изъ уральцевъ, которая должна была находиться на службѣ въ Петербургѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, слѣдующіе же три года оставаться въ войскѣ на льготѣ. Собственно чиновный классъ Уральскаго войска также получилъ важное преимущество: всѣ войсковые чины были уравнены въ рангахъ съ армейскими (1). Слѣдствіемъ этого было уравненіе личныхъ правъ служащихъ по войсковому вѣдомству съ правами прочихъ военнослужащихъ въ имперіи (2). Однакожъ, не смотря на эти преимущества и на благія мѣры Потемкина, въ вѣдѣніи котораго Уральское войско находилось 10 лѣтъ (съ 1776 — 1786 г.), внутренній строй Уральскаго войска былъ неудовлетворителенъ, и положеніе казаковъ незавидное. Со времени уничтоженія войсковыхъ круговъ (1775 г.), не было издано никакихъ общихъ положеній объ управленіи войскомъ; точныхъ и опредѣленныхъ границъ власти атамана и войсковой канцеляріи не существовало. Вотъ что, между прочимъ, докладывали Государю, въ 1803 г., министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ военносухопутныхъ силъ: „Неудобства съ настоящимъ положеніемъ войска Уральскаго сопряженныя, *многія въ немъ злоупотребленія*, неправильность въ упражненіяхъ власти исполнительной, въ одномъ лицѣ атамана соединенной, безотчетное почти употребленіе общественныхъ доходовъ, бездѣйствіе полиціи, пристрастное отправленіе правосудія, *угнетеніе слабыхъ и послабленіе виновнымъ:* всѣ сіи обстоятельства, разными донесеніями обнаруженныя и до Высочайшаго свѣдѣнія доведенныя, были признаны достаточными побужденіями дать войску

---

(1) П. С. З., т. XXV, № 18, 653. Слич. «Уральское казачье войско». Рябинина. 1866 г. Спб., ч. I, стр. 64 и 65.

(2) П. С. З. т. XXV, № 18, 927.

сему, по части управленія его, лучшее образованіе" (1).

Такимъ образомъ, начало настоящаго столѣтія было для Уральскаго войска и началомъ преобразованій, главными противниками которыхъ явились раскольники и ихъ дѣти, бывшія на службѣ.

25 февраля 1802 г. на имя Сената послѣдовалъ именной указъ (2), которымъ повелѣвалось разсмотрѣть существующія положенія въ Уральскомъ войскѣ и составить проэктъ новаго управленія по военной и гражданской части. Генералъ-лейтенантъ Медеръ получилъ приказаніе отправиться въ Уральскъ, чтобы на мѣстѣ разсмотрѣть обстоятельства дѣла и представить свои соображенія касательно переустройства войска. Медеръ болѣе года жилъ въ Уральскѣ и, собравъ необходимыя свѣдѣнія, составилъ довольно подробный проэктъ, который и былъ имъ представленъ на разсмотрѣніе министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ. Проэктъ былъ одобренъ, а въ декабрѣ 1803 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго положенія объ управленіи Уральскимъ войскомъ и повелѣніе Медеру привести его въ исполненіе (3).

Мы не будемъ входить въ подробности этого проэкта (4), замѣтимъ только, что новое положеніе въ войскѣ было встрѣчено непріязненно. Казаки все еще не теряли надежды, что имъ возвратятъ самоуправленіе; съ обнародованіемъ же новаго положенія они увидѣли, что ихъ надежды не могутъ осуществиться. Уральское войско до этого не иначе отправляло службу, какъ посредствомъ *найма* охотниковъ. Это чисто народное учрежденіе, принадлежащее исключительно

(1) Рябининъ, ч. I, стр. 65.

(2) П. С. З., т. XXVII, № 20,156.

(3) Тамъ же №№ 21,001 и 21,102.

(4) Существенная часть этого проэкта изложена у Рябинина, ч. I, стр. 66—68.

Уральскому войску, состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ призыва на службу, всѣ служащіе казаки собираются вмѣстѣ и нанимаютъ желающихъ идти въ командировку. Въ это же время опредѣляется цѣна наемки, сообразно разстоянію и продолжительности похода, и потомъ требуемая сумма раскладывается поровну на число всѣхъ служащихъ казаковъ. Собранная сумма передается войсковому начальству, которое уже само дѣлитъ ее между охотниками, или даетъ каждому *подмогу* отъ войска. Въ случаѣ двухъ и болѣе нарядовъ на службу, получившіе подмогу не исключаются изъ числа охотниковъ для второй и третьей командировки. Наемка принята только между простыми казаками и урядниками; офицеры же отправляютъ службу поочереди. Такой способъ отбыванія воинской повинности всегда имѣлъ важное и весьма выгодное значеніе въ глазахъ Уральскаго войска: желавшій оставаться въ семьѣ и продолжать хозяйственныя занятія, благодаря наемкѣ, могъ не идти на службу, а бѣднякъ, изъявившій желаніе наняться за другаго, получалъ возможность поправить свои матеріальныя средства, такъ какъ цѣны наемки бываютъ очень высоки. Представляя такія выгоды для казаковъ, наемка повела къ тому, что съ теченіемъ времени образовался значительный классъ неслужилыхъ казаковъ, которые, оставаясь дома и пользуясь всѣми угодьями, богатѣли, на счетъ другихъ, и встали какъ-бы въ господствующее отношеніе къ несущимъ службу по найму.

Императрица Екатерина II первая рѣшилась наложить руку на этотъ освященный вѣками обычай Уральскаго войска; но казаки уперлись и отстояли свое право наемки. Внукъ Екатерины, Императоръ Александръ I снова вздумалъ отмѣнить въ войскѣ наемку, ввести штаты и одѣть казаковъ въ форменные мундиры; но казаки, какъ и раньше, не хотѣли принимать ни штатовъ, ни очередной службы, ни однообразной формы.

Въ введеніи очередной службы и штатовъ казаки видѣли первый шагъ къ ограниченію ихъ старинныхъ вольностей, ихъ независимости, — шагъ къ регуляризаціи, которая для уральскаго казака, по его убѣжденію, горше, чѣмъ для крѣпостнаго была барщина (1). Слово „*штатъ*“ сдѣлалось для казаковъ словомъ *ужаса*. Уральскій казакъ Клочешковъ такъ выразился объ этомъ: „Скажи казаку: *ступай въ огонь!* перекрестится казакъ и пойдетъ въ огонь; скажи казаку: *прими штаты!* перекрестится казакъ и скажетъ: „*приму смерть, а штата не приму*“ (2)!

Когда генералъ-лейтенантъ Медеръ пріѣхалъ въ Уральскъ, къ нему явились депутаты отъ войска и стали просить объ отмѣнѣ штата и мундировъ. Напрасно Медеръ старался разъяснить казакамъ, что это дѣлается по Высочайшей волѣ; казаки стояли на своемъ: „Бери бѣлый Царь хоть всѣхъ насъ на свою службу“, — говорили они, — „всѣ пойдемъ съ охотой, а *очереди, штатовъ и формы намъ ненадо;* пусть останется все постарому“!

Нѣкоторые изъ казаковъ думали было „*задарить начальство*“, чтобы только избѣжать ненавистнаго имъ штата; но казакъ Ефимъ Павловъ, ставшій во главѣ недовольныхъ, замѣтилъ на это: „подарками тутъ ничего не возмешь!—отцы наши, дѣды и прадѣды, дѣйствительно, отдѣлывались деньгами, но тогда времена были такія: тогда и *начальство наше заодно съ нами было*, а теперь, братцы, времена не тѣ!—теперь *антихристъ и нашихъ начальниковъ отмытилъ своей тамгой* — темлякомъ и шпагой. Нѣтъ,

---

(1) Ур. в. арх., № 45.

(2) Петръ Ивановъ Клочешковъ за упорство, при введеніи штатовъ, былъ сосланъ въ Иркутскъ, гдѣ прожилъ 30 лѣтъ, какъ поселенецъ, занимаясь мелочной торговлей и сапожнымъ мастерствомъ. На 49-мъ году жизни онъ былъ возвращенъ на родину и поселился въ поморскомъ скиту, близъ Бородинскаго форпоста. Ур. в. арх. № 45 и № 49.

братцы, вашъ совѣтъ не годится! Мой совѣтъ—стоять грудью; всю бѣду, весь отвѣтъ приму на себя: первый пойду на эшафотъ, первый положу голову на плаху, а ужъ *дѣткамъ и внукамъ оставлю памятникъ*" (1)!

Казаки раздѣлились на двѣ партіи: *согласныхъ* и *несогласныхъ* (съ видами правительства); послѣднихъ было несравненно больше. Въ отмѣченное время народонаселеніе Уральска было самое густое, вдвое больше противъ настоящаго. Ядро служилыхъ казаковъ было въ Уральскѣ; по линіи ихъ было мало, но и тамъ были *согласные* и *несогласные* (2). Когда было отстроено зданіе новой канцеляріи, атаманъ Д. М. Бородинъ приказалъ казакамъ одѣться въ парадное платье, взять оружіе и явиться къ старой канцеляріи, чтобы отсюда взять знамена и отправиться къ Казанской церкви, гдѣ казаки должны были выслушать молебенъ, и потомъ съ особеннымъ торжествомъ перенести знамена въ новоотстроенную канцелярію. Казаки не повинуются: *„непойдемъ къ молебну!* это похоже на солдатскій парадъ; *перенесемъ знамена* просто, *какъ въ старые годы* переносили".—Впрочемъ, нашлось нѣсколько человѣкъ, которые послушались атамана: принарядились,—и съ церемоніей перенесли знамена изъ старой въ новую канцелярію; но тѣмъ самымъ навлекли на себя неудовольствіе со стороны значительнаго большинства, нежелавшаго исполнить волю атамана (3). Волненіе постепенно усиливалось и скоро охватило почти все войско. Поборники старины тихонько стали собираться въ скитахъ для совѣщаній; скитская братія благословляла ихъ на борьбу съ нарушителями старины, и тѣмъ придавала новую силу и большую энергію протестующимъ каза-

(1) Ур., в. арх., № 42, стр. 17.

(2) Тамъ же, №. 48, л. 1 на оборотѣ.

(3) Тамъ же.

камъ. Заволновалась и молодежь, подстрекаемая стариками и старицами: молодой казакъ Осипъ Ивановъ Есыревъ, собравъ до ста казаковъ, отправился, во главѣ ихъ, въ столицу, чтобы принести жалобу Государю на атамана Бородина, который будто самовольно принялъ штатъ и хочетъ навязать его войску.

Партія Есырева, вооруженная показачьи, свободно проходила чрезъ города и села. Казаки имѣли при себѣ знамя и вездѣ встрѣчали самый радушный пріемъ. Атаманъ Бородинъ сначала ничего не зналъ о продѣлкѣ Есырева; наконецъ, какимъ-то образомъ вѣсть о томъ дошла и до него. Бородинъ немедленно снесся съ губернаторами тѣхъ городовъ, чрезъ которые должны были проходить казаки; вскорѣ послѣ того на одной станціи накрыли вольныхъ служакъ, перевязали и вернули на Уралъ. Благодаря тому, что начальство объяснило поступокъ Есырева его молодостію и увлеченіемъ. всѣ казаки, находившіеся въ его командѣ, равно какъ и самъ Есыревъ, были прощены (1). Но арестъ и прощеніе этой партіи казаковъ не успокоилъ и не испугалъ *несогласныхъ*: они выбрали изъ своей среды пятерыхъ ловкихъ казаковъ и отправили ихъ въ Петербургъ; выборные были названы (отъ глагола *уходить*) *уходцами* (2). Новые депутаты отправились изъ Уральска въ разное время и по разнымъ дорогамъ, съ тою цѣлію. чтобы, въ случаѣ погони за ними, хотя бы одному удалось придти въ Петербургъ и принести жалобу Государю. Но бѣда случилась съ уходцами не въ дорогѣ, а въ столицѣ: они всѣ благополучно прибыли въ Петербургъ, гдѣ ихъ тотчасъ же арестовали и заключили въ Петропавловскую крѣпость. *Несогласные*, узнавъ объ этомъ, не переставали стоять, на своемъ: „не нужно

---

(1) Ур. войск. арх., № 49.

(2) Въ архивныхъ бумагахъ Уральскаго войска нерѣдко встрѣчается слѣдующее тавтологическое выраженіе: *„ушли уходомъ“*.

намъ очереди! не примемъ штатъ и форму"! отвѣчали казаки на всѣ увѣщанія и предложенія Медера. Хозяйство у казаковъ остановилось. Настало время весенняго рыболовства. *Согласные* отправились на плавню, а *несогласные* не пошли; они ежедневно собирались въ круги и разсуждали только о томъ, какъ бы отстоять старину.

Медеръ, опасаясь открытаго сопротивленія, просилъ Оренбургскаго военнаго губернатора, на случай безопастности, прислать въ Уральскъ регулярныя войска. Оренбургскій губернаторъ князь Волконскій, въ февралѣ 1804 г., самъ отправился въ Уральскъ, во главѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты, при нѣсколькихъ орудіяхъ, и полка оренбургскихъ казаковъ. Узнавъ о приближеніи князя, *несогласные* вышли встрѣтить его за городъ и поднесли ему хлѣбъ-соль; но Волконскій не принялъ и сказалъ казакамъ: „до тѣхъ поръ не приму отъ васъ хлѣба-соли, пока вы не примите новаго положенія".—Вслѣдъ за тѣмъ князь приказалъ войскамъ направиться въ городъ и разойтись по обывательскимъ квартирамъ, а *несогласнымъ* сказалъ, чтобы они разошлись по своимъ домамъ. Казаки отвѣтили, что они въ дома не пойдутъ, что дома ихъ заполонены солдатами. Такъ и сдѣлали. Вечеръ и всю ночь, *несогласные* оставались за городомъ. Утромъ, часовъ въ 10, пріѣзжаетъ атаманъ Бородинъ и начинаетъ уговаривать казаковъ, чтобы они разошлись; но *несогласные* твердятъ одно: „не пойдемъ!—куда намъ идти?—дома наши заполонены". — Другіе кричали: „уходцевъ нашихъ выдай"!—„Уходцы ваши будутъ освобождены", отвѣчаетъ атаманъ.—„Выдай теперь! пускай князь объявитъ намъ здѣсь царское рѣшеніе, тогда посмотримъ, куда идти—въ дома ли родительскіе или ужь придется бѣжать, куда глаза глядятъ"! — Бородинъ уѣхалъ въ городъ. Не смотря на зимнее время и сильные морозы, казаки трое сутокъ оставались за городомъ. Впрочемъ, находились и такіе, которые ночью ползкомъ уходили въ городъ, такъ

какъ открыто этого нельзя было сдѣлать: *несогласные грозили измѣнникамъ смертію.*

Вечеромъ на третій день является за городъ Волконскій съ толпою башкиръ и ротой солдатъ, а остальные солдаты кинулись по домамъ несогласныхъ, забрали ихъ оружіе и снесли въ цейгаузъ, опѣпленный сильнымъ карауломъ.—Подъѣхавъ къ казакамъ, Волконскій спросилъ: „повинуетесь ли волѣ начальства"?— „Рады повиноваться, да прежде хотимъ знать, ваша свѣтлость, въ какую силу повиноваться". отвѣтили казаки.

Тогда Волконскій приказалъ маіору Кочкину съ башкирами хватать недовольныхъ. Толпа башкиръ съ нагайками, палками и съ чѣмъ попало бросилась на казаковъ. Прежде другихъ схватили Ѳоима Павлова, раздѣли и хотѣли бить нагайками, но не успѣли еще и рукъ поднять, какъ стоявшіе около Павлова казаки сами побросали съ себя одежду, растянулись на снѣгу и закричали: „ужь есть когда Павлова бить, то и насъ — бить"! — На другомъ концѣ толпы схватили казака Ѳедосеева, упорствовавшаго болѣе другихъ, — и здѣсь повторилась таже сцена: бывшіе тутъ казаки, раздѣвшись, повалились на снѣгъ и кричали: „его бить—и насъ бить"!—Что тутъ было дѣлать? — Волконскій горячился, Кочкинъ—тоже, башкирцы остервенились, казаки тоже ожесточились до самопожертвованія. Кочкинъ приказываетъ бить всѣхъ, кто только изъ казаковъ попадется подъ руку, а казаки всѣ лезли туда, гдѣ больше и жарче били: всѣ старались доказать, что они не выдадутъ другъ друга. Сдѣлалось страшное побоище: ни у одного казака не осталось живаго мѣста на тѣлѣ. Эта страшная экзекуція извѣстна у казаковъ подъ именемъ *Кочкина пира* (1).

---

(1) Рябининъ говоритъ, что при этомъ были пущены въ ходъ штыки, и было убито нѣсколько человѣкъ, послѣ чего толпа разбѣжалась;

Вслѣдъ за тѣмъ назначено было слѣдствіе, и за экзекуціей, состоявшейся по личному распоряженію Волконскаго, послѣдовала новая экзекупія, по рѣшенію слѣдственной коммиссіи: однихъ, которые были увлечены примѣромъ, высѣкли и оставили въ общинѣ, а зачинщиковъ наказали шпицрутенами и сослали на поселеніе въ Сибирь (1). Оружіе было отобрано отъ всего войска и выдавалось, по мѣрѣ надобности (2). Войска были размѣщены въ городѣ со всѣми предосторожностями, на случай возстанія; новое положеніе стали вводить силою.

Но черезъ два года послѣ Кочкина пира главное изъ обстоятельствъ, породившихъ волненіе, именно отмѣна *наемки*, было устранено и наемъ охотниковъ дозволенъ снова (3); волненіе стихло и введеніе новаго положенія съ этихъ поръ не встрѣчало болѣе открытаго сопротивленія, въ такой рѣзкой формѣ.

Отмѣнивъ очередную службу, правительство приказываетъ казакамъ снарядить особый полкъ въ Грузію *по найму* и одѣть волонтеровъ въ однообразную форму. *Несогласные* заявляютъ, что имъ панимать не на что, такъ какъ, по случаю замѣшательствъ въ войскѣ, они запустили свое хозяйство и въ рыболовствѣ не участвовали; относительно же формы замѣтили: „въ чемъ ходили наши прапгы, въ томъ и мы будемъ ходить; въ томъ и дѣтушекъ нашихъ желаемъ видѣть“ (4)!—Одновременно съ этимъ въ Петербургѣ взволновалась лейбъ-гвардіи уральская сотня. По воз-

---

по мы ничего подобнаго не слыхали отъ казаковъ и не встрѣчали въ архивныхъ бумагахъ Уральскаго войска.

(1) Въ числѣ зачинщиковъ были сосланы братья Павловы, двое Клоченковыхъ и др.

(2) Напр. во время карауловъ и командировокъ на внѣшнюю службу.

(3) Высочайшій рескриптъ на имя Оренб. военн. губернатора, князя Волконскаго, отъ 4 декабря 1806 года.

(4) Ур. войск. арх., № 42.

вращеніи ея изъ Шведскаго похода, казаковъ-гвардейцевъ хотѣли одѣть въ новую форму: вмѣсто длинополаго зипуна или кафтана малиноваго цвѣта, имъ хотѣли дать мундиръ, на подобіе теперешнихъ синихъ кафтановъ. Гвардейцы-казаки всѣ единогласно заявили, что они новыхъ кафтановъ не примутъ. Начальникъ сотни, не смотря на это, на другой же день пригласилъ къ себѣ портнаго и, по снятымъ мѣркамъ, заказалъ для образца новые мундиры. Черезъ недѣлю портной принесъ новые мундиры; сотенный командиръ призвалъ къ себѣ 12 казаковъ; силой обрядилъ ихъ въ новую форму, вывелъ предъ фронтъ и спросилъ: „Хорошо-ли, братцы"?—Казаки молчатъ.—„Видите, какими молодцами высматриваютъ ваши товарищи въ новыхъ мундирахъ!" замѣтилъ командиръ сотни. Казаки вглядываются и отвѣчаютъ: „въ этой одеждѣ, ваше благородіе, хорошо ходить въ заходку, а воину она не годится — не съ руки"! Командиръ отправляется домой, а 12 обряженныхъ казаковъ снимаютъ съ себя мундиры, несутъ ихъ къ вахмистру, кидаютъ ему чрезъ порогъ и говорятъ: „ты ихъ шилъ, ты и носи, а намъ не надо" (¹)!

Командиръ лейбъ-казачьей сотни, не зная, что дѣлать, отправился къ командовавшему тогда гвардейской кавалеріей графу В. В. Орлову-Денисову. Графъ приказалъ собрать сотню во фронтъ, и чрезъ нѣсколько времени прибылъ на смотръ; но ни увѣщанія, ни угрозы графа не подѣйствовали на казаковъ. Когда имъ объявили, что перемѣна платья дѣлается по недостатку денегъ въ казнѣ, казаки отвѣчали, что они лучше согласятся обмундировать себя

(¹) Ур. в. арх. № 48. Въ Уральскихъ В. Вѣд. (1871 г., № 38) говорится, что новые мундиры заказаны были только двоимъ, но что они не хотѣли надѣть ихъ, если не согласится на то вся сотня; сотня не согласилась и, отправившись къ командиру, перебросила мундиры чрезъ заборъ во дворъ командира. — Для насъ странно, къ чему было отправляться всей сотнѣ, чтобы перебросить чрезъ заборъ два кафтана?

на свой счетъ, а новыхъ мундировъ не желаютъ принимать. Орловъ-Денисовъ, не смотря на свою любовь къ уральцамъ, вынужденъ былъ донести объ ихъ упорствѣ Великому Князю Константину Павловичу, какъ главному командиру гвардейскаго корпуса. Его Высочество приказалъ вывести казаковъ на Волково поле, куда скоро явился и самъ. Когда Великій Князь спросилъ казаковъ, почему они не хотятъ исполнить воли Государя, казаки отвѣчали, съ обычной уклончивостью: „волѣ Государя мы не противимся, а новыхъ мундировъ не примемъ"! Великій Князь уступилъ желанію казаковъ; но за упорство приказалъ одного изъ десяти наказать. Когда потребовали нѣсколько человѣкъ для наказанія, остальные всѣ полегли на землю и просили, чтобы ихъ всѣхъ наказывали, такъ-какъ они всѣ виновны. Къ этому примѣшался еще вопросъ о жалованьѣ: сотнѣ слѣдовало отправиться въ Уральскъ, но она, нуждаясь въ деньгахъ, ждала отпуска изъ коммисаріата и зажилась въ столицѣ. Орловъ-Денисовъ доложилъ обо всемъ Великому Князю, а послѣдній донесъ Государю, который приказалъ 12 чел. отдать въ солдаты, а прочихъ отослать въ войска, находившіяся въ войнѣ противъ шведовъ.

Въ 1809 г. война кончилась Фридрихсгамскимъ миромъ, по которому Россія пріобрѣла Финляндію до р. Торнео; уральцы съ Кульневымъ сходили на шведскій берегъ, отличились, были награждены медалями и возвращены на родину. О судьбѣ 12 чел., отданныхъ въ солдаты, намъ почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что въ числѣ ихъ находился закаленный въ бояхъ природный уральскій казакъ Азовсковъ, возвращенный въ войско, по Высочайшей волѣ, въ 1815 году. Разъ императоръ Александръ I, осматривая войска, замѣтилъ и Азовскова, бывшаго уже унтеръ-офицеромъ и имѣвшаго георгіевскій крестъ и нѣсколько медалей. Обратившись къ командиру полка, Государь сказалъ: „пора дать покой этому молодцу"!—

Командиръ отвѣтилъ: „Ваше Величество! онъ изъ несчастныхъ уральскихъ казаковъ, отданныхъ въ солдаты за проступки". — „А, это — бунтовщикъ!" замѣтилъ Государь и поѣхалъ дальше. Когда же на вопросъ Государя, какъ держитъ себя видѣнный имъ унтеръ-офицеръ, командиръ отозвался съ похвалой; то Государь, возвратившись къ фронту, подъѣхалъ къ Азовскову и сказалъ: „твой командиръ говоритъ, что ты теперь исправился, — хочешь быть офицеромъ"?—„Ваше Величество, — отвѣчалъ Азовсковъ,— исправляться мнѣ было не въ чемъ,—я всегда былъ и есть твой вѣрный слуга, а офицеромъ быть не желаю"! „Отпустить его на родину!" сказалъ Государь, обратившись къ командиру. Азовсковъ тотчасъ же былъ отправленъ въ Петербургъ, а оттуда — въ Уральскъ (1).

Не успѣли казаки отдохнуть и оправиться отъ бывшихъ волненій, какъ ихъ посѣтило страшное горе: 11 іюля 1807 г. въ Уральскѣ случился сильный пожаръ, который уничтожилъ почти весь городъ: изъ 3584 домовъ сгорѣло до-тла 2120; кромѣ того, жертвою огня сдѣлались 8 человѣкъ казаковъ и 2 храма (2). Въ 1810 г. казаки должны были испытать новое несчастіе: въ предѣлахъ Оренбургской губерніи открылся неурожай и конскій падежъ.

Во второмъ десятилѣтіи Уральское войско начало было отдыхать, какъ вдругъ наступила страшная година для всей Россіи—двѣнадцатый годъ. Не говоря о страшной дороговизнѣ на предметы первой необходимости, уральцы особенно пріуныли оттого, что распространились слухи о томъ, будто Наполеонъ непремѣнно покоритъ всю Россію и всѣхъ будетъ *„приводить въ свою вѣру"*. Многіе удалились въ скиты и посвятили себя иноческой жизни.

---

(1) Уральск. в. вѣд. 1871 г., № 38.

(2) Тамъ же, № 31, 1874 г.

Послѣ 1814 г., когда русскими былъ взятъ Парижъ, все вошло въ свои берега и на быстромъ Уралѣ. Нѣкоторые изъ уральскихъ казаковъ-аристократовъ, побывавъ на службѣ въ обѣихъ столицахъ и не малое число ихъ, возвратясь изъ-за границы, принесли съ собою болѣе смягченные нравы и нѣкоторую наклонность къ комфорту. Это выражалось богатою сервировкою столовъ, меблировкою комнатъ и вообще убранствомъ домовъ, щегольскими красивыми экипажами и лошадьми. Уральскіе аристократы заимствовали въ цивилизованныхъ странахъ только внѣшность,— это роковое свойство всѣхъ нашихъ старинныхъ баръ; простые же казаки были недоступны этому вліянію, и съ неудовольствіемъ посматривали на своихъ чиновниковъ, считая ихъ „*дѣтьми антихриста*“, который „пустилъ свою прелесть по всему міру“.

Въ простыхъ казакахъ, попрежнему, продолжали существовать духъ независимости и любовь къ старинѣ. Въ 1821 г. Уральскъ снова выгорѣлъ почти весь, а въ 1825 году велѣно было Уральскому войску набрать 104 казака и выкомандировать въ Москву (1), на смѣну больныхъ и неспособныхъ казаковъ; но уральцы отказались исполнить волю начальства, считая его требованіе *новостью*. Атаманъ Назаровъ, въ сопровожденіи штабъ и оберъ-офицеровъ, выѣзжаетъ на площадь, гдѣ собрались казаки, и начинаетъ ихъ уговаривать. Казаки упорствуютъ, а казакъ Карпъ Лагапкинъ наговорилъ даже атаману дерзостей (2). Назаровъ, замѣтивъ, что Лагапкинъ измѣнился отъ запальчивости даже въ лицѣ, сказалъ, что онъ объ этомъ поговоритъ съ казаками, которые постарше

---

(1) Уральцы стали ходить въ Москву съ 1818 г. Съ 1837 г. ходили въ Москву уральцы и оренбургскіе казаки, почему полкъ и получилъ названіе *своднаго казачьяго полка отдѣльнаго оренбургскаго корпуса*. Впослѣдствіи командировка этого полка въ Москву была уничтожена. См. Приказъ по военн. вѣдомству 20 мая 1861 г.

(2) Ур. в. арх., № 51.

его (1). — Лагашкинъ дерзко отвѣтилъ: „что, развѣ молодые не такъ служатъ, какъ старые“?—Толпа заголосила: „что говоритъ Лагашкинъ, на то и мы согласны; что за нимъ, то—и за нами“!—Казаки соглашались дать лучше цѣлый полкъ, чѣмъ *сто четыре* казака. Когда Назаровъ спросилъ Лагашкина: „чей ты“? Лагашкинъ отвѣчалъ: „развѣ ты не знаешь меня? Есть когда не знаешь, справься по бумагамъ“.—Всѣхъ мятежниковъ было до 50 человѣкъ, въ томъ числѣ отецъ Лагашкина, казаки: Петръ Семенычевъ, Иванъ Фроловъ, Семенъ Ботовъ, Андрей Голубовъ, Тимоѳей Александровъ, Семенъ Синильниковъ, Яковъ Думчевъ и другіе. Казакъ Иванъ Фроловъ, выслушавъ увѣщанія полковника Поликарпова, замѣтилъ: „что вы насъ уговариваете?!—Дядя вашъ, Давидъ Мартемьяновичъ (2), въ прежнее замѣшательство тоже уговаривалъ и хотѣлъ надѣть на насъ по штату кафтаны, но мы не согласились; хотя и потеряли тогда нѣсколько казаковъ, а все-таки свое отстояли,—тоже будетъ, видно, и теперь“! Нѣсколько человѣкъ было арестовано и посажено подъ караулъ. Когда стали допрашивать Михаила Лагашкина, зачѣмъ онъ разстраиваетъ сына и племянника и волнуетъ казаковъ; то Лагашкинъ отвѣчалъ: „я—отставной казакъ, а они—служащіе,—ихъ дѣло, а не мое; для чего мнѣ навязываться съ своими совѣтами“! Казаки Семенъ Синильниковъ и Яковъ Думчевъ явились въ присутствіе войсковой канцеляріи и требовали, чтобы арестованные были освобождены, такъ какъ они посланы были въ канцелярію, по приговору всего войска. Присутствующіе въ канцеляріи позвали Семена Ботова и спросили, исполнилъ ли онъ приказаніе начальства относительно наемки 104 чел.; Ботовъ отвѣчалъ: „нѣтъ, не исполнилъ и исполнять не хочу, а послѣдую міру. Изъ

(1) Лагашкину было 28 лѣтъ.

(2) Бородинъ, бывшій войсковой атаманъ.

Москвы пріѣхали казаки Андрей Голубовъ и Тимоѳей Александровъ, которые говорятъ, что въ Москвѣ о неспособныхъ никакого распоряженія не слышно, и что всѣ казаки продолжаютъ службу должнымъ порядкомъ".—Иванъ Фроловъ на вопросъ корпуснаго адъютанта, штабсъ-капитана Березовскаго, кончена-ли наемка 104 чел., отвѣчалъ: „не кончена, да и не кончится, потому что *начальство требуетъ незаконнаго*".—Въ концѣ іюля того же (1825) года состоялась конфирмація, въ силу которой служащихъ казаковъ прогнали сквозь строй чрезъ 1000 человѣкъ по три раза, а отставныхъ чрезъ 500 чел. по разу; Петра Семенычева и Карпа Лагашкина отдали въ солдаты, а прочихъ оставили въ войскѣ.

Такимъ образомъ, вся первая четверть настоящаго столѣтія прошла на Уралѣ въ постоянной борьбѣ казаковъ съ властями, старавшимися служить видамъ правительства. Мы видѣли, что перемѣна названія казаковъ изъ *Яицкихъ* въ *Уральскихъ* не измѣнила ихъ прежней закваски: „*служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять*". Кочкинъ пиръ и протестъ гвардейцевъ-казаковъ противъ формы могутъ служить достаточнымъ тому доказательствомъ. Въ этой борьбѣ казаковъ съ властями главными коноводами были казаки-раскольники, которые старались придать своему протесту характеръ борьбы за старую вѣру и старинные обычаи. *На мѣстѣ Кочкина пира скоро появились два черные осмиконечные креста, сохранившіеся доселѣ.* Мы уже знаемъ, что Яицкіе казаки, протестуя противъ властей, всегда становились подъ знамя вѣры: предъ самымъ убійствомъ своего атамана Тамбовцева, генерала Траубенберга и другихъ они служатъ молебенъ и съ колокольнымъ звономъ, съ хоругвями и крестами, въ сопровожденіи облаченнаго въ ризы духовенства, идутъ вооруженные противъ своихъ властей; въ Яицкомъ городкѣ совершается молебствіе и въ то время, какъ казаки, въ числѣ

3000 чел., выступаютъ противъ генерала Фреймана и завязываютъ съ нимъ бой на рѣкѣ Ембулатовкѣ. Тоже дѣлается и теперь: потомки Яицкихъ казаковъ— Уральцы, во все время борьбы съ властями, постоянно собираются въ Успенской часовнѣ и молятся здѣсь *„о дарованіи побѣды надъ врагомъ“*; скитская братія усиливаетъ свои молитвы, увеличиваетъ число поклоновъ и налагаетъ на себя добровольный постъ. Успенская часовня сдѣлалась въ это время самымъ любимымъ мѣстомъ общественной молитвы и богослуженій протестующихъ, или *несогласныхъ* казаковъ, которые постоянно находились въ Уральскѣ и внимательно слѣдили за дѣйствіями властей.

Въ ноябрѣ 1826 года Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ, вслѣдствіе предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, поручилъ уральскому прокурору собрать свѣдѣнія *„подъ рукой безъ всякой огласки“* о старообрядческихъ молельняхъ, часовняхъ и другихъ пріютахъ раскола, находящихся въ Уральскѣ. Въ отвѣтъ на это предписаніе, прокуроръ Анадольскій донесъ Эссену слѣдующее: „часовня въ Уральскѣ одна (Успенская) и выстроена болѣе 20 лѣтъ тому назадъ; священниковъ при ней двое. Священники для этой часовни выписываются изъ иргизскихъ монастырей и другихъ мѣстъ, безъ посвященія епархіальныхъ архіереевъ, а чрезъ старѣйшихъ тѣхъ монастырей чиноначальниковъ такое достоинство получаютъ; а по прихотямъ здѣшняго начальства часто смѣняются, особенно отъ именуемаго *„хозяина“* той часовни, т. е. ктитора, каковую обязанность отправляетъ нынѣ отставной есаулъ и оренбургскій первой гильдіи купецъ, *Ларіонъ Мизиновъ*, который какъ приходами, такъ и расходами завѣдываетъ одинъ непосредственно. Въ часовнѣ украшеній не имѣется, потому что капиталисты мало на то жертвуютъ, ибо всякій изъ нихъ имѣетъ въ домѣ своемъ отдѣльную молельню, подъ

названіемъ „образной комнаты“ (1). Въ часовнѣ причетъ неопредѣлительный, изъ однихъ дьячковъ казачьяго сословія состоящій. На молитву въ часовню значительные чиновники весьма мало и очень рѣдко приходятъ, а по большей части молятся въ домахъ, гдѣ всѣ требы совершаются, даже пріобщаются *запасными дарами*, доставляемыми изъ иргизскихъ монастырей. Около часовни значительныхъ чиновниковъ, по волѣ здѣшняго начальства, погребаютъ безвозвращно (2). При отправленіи требъ духовныхъ на домахъ, обходятся безъ посредства священника; такіе попы: Севелій *Сумкинъ*, Михайло *Пятовъ* и Петръ *Севрюгинъ*. Первый изъ нихъ отправляетъ служеніе у бывшаго войсковаго атамана Петра Назарова, а прочіе у себя на домахъ и у главныхъ начальниковъ. Дѣйствія самозванныхъ поповъ суть: крещеніе дѣтей, исповѣдь и пріобщеніе. *Главнѣйшій* изъ нихъ *проповѣдникъ и учитель раскола Яковъ Тарасовъ*, который преподаетъ наставленія и совѣты по части раскола. *Нерѣдко въ домахъ управляютъ моленьемъ дѣвицы или вдовы*. Если кто изъ чиновниковъ повѣнчается въ единовѣрческой церкви изъ брачныхъ видовъ; то послѣ этого *секретно* обращаются въ часовню и *полу-*

(1) Такія *образныя* комнаты и теперь можно встрѣтить въ любомъ казачьемъ домѣ, особенно по форпостамъ. *Образная* отличается отъ другихъ комнатъ чистотой и опрятностью; въ ней находится большой со стеклами шкапъ, въ которомъ сверху до низу размѣщены иконы, а предъ ними повѣшена лампада. Казачья семья собирается сюда на молитву и, только въ случаѣ тѣсноты помѣщенія, рѣшается жить въ *образной*; въ противномъ же случаѣ, *образная* комната исключительно служитъ мѣстомъ молитвы. Полы въ *образной* по большей части крашеные.

(2) Здѣсь, напримѣръ, покоится прахъ Артемія Севрюгина, бывшаго начальника лейбъ-гвардіи уральской сотни, пользовавшагося милостивымъ вниманіемъ Императора Павла I, который называлъ его «Севрюговъ». Надъ могилой Севрюгина находится желѣзный памятникъ съ чугунною плитою. Здѣсь же погребены: Дмитрій Мазиновъ и его сынъ Иванъ, нечаянно застрѣлившійся на охотѣ въ 1827 г.; гранитный памятникъ надъ могилой послѣдняго невредимъ доселѣ. Ур. в. вѣд. 1874 г., № 32.

чаютъ въ ней *исправу*, т. е. молитву очищенія отъ церковнаго брака. Также если бы дѣти были окрещены въ церкви, то опять перекрещиваются въ часовнѣ" (1).

Это донесеніе Анадольскаго Эссену достаточно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какое значеніе пріобрѣла Успенская часовня, имѣвшая постоянныя сношенія съ иргизскими монастырями, въ глазахъ уральскихъ раскольниковъ вообще и, въ частности, въ глазахъ уральской аристократіи. 11 апрѣля 1827 г. Анадольскій сдѣлалъ оффиціальный запросъ благочинному уральскихъ церквей Іоасафу Корчагину: „бываютъ ли на исповѣди и у св. причастія присутствующіе въ Уральской войсковой канцеляріи и городской полиціи"?—Благочинный далъ отрицательный отвѣтъ.

Итакъ оказывается, что люди, которые должны бы идти впереди неразвитыхъ и безграмотныхъ казаковъ, сами были заражены расколомъ и предразсудками, или же относились къ дѣламъ вѣры индифферентно; даже *сама полиція, во главѣ съ своими присутствующими, находилась на сторонѣ раскола.* Понятно послѣ этого, какое широкое распространеніе долженъ былъ получить расколъ въ Уральскомъ войскѣ при указанныхъ условіяхъ; тѣмъ болѣе, что недостатка въ вліятельныхъ расколоучителяхъ среди казаковъ не было: ихъ доставляли и Иргизскіе монастыри, и Уральскіе скиты, особенно Сергіевскій скитъ. Самымъ большимъ вліяніемъ среди уральскихъ раскольниковъ пользовался Яковъ Михайловичъ Тарасовъ, упоминаемый Анадольскимъ въ его донесеніи Эссену. Въ религіозномъ отношеніи Тарасовъ былъ загадочнымъ человѣкомъ: молиться онъ никуда не ходилъ и на домахъ ни у кого не молебствовалъ; отличаясь безпристрастнымъ отношеніемъ къ вопросамъ вѣры, въ жизни онъ всегда держался строгихъ пра-

(1) Выписка изъ дѣлъ Уральск. войск. архива.

вилъ благоразумія; по отзывамъ лично знавшихъ его людей, онъ скорѣе походилъ на философа-начетчика, чѣмъ на сектатора-раскольника. Вотъ какъ, между прочимъ, характеризуетъ Тарасова одинъ изъ уральцевъ въ частномъ письмѣ ко мнѣ, отъ 16 декабря 1877 года:

„Яковъ Михайловичъ Тарасовъ обладалъ большою начитанностью изъ св. писанія; въ бесѣдахъ былъ тихъ: не спорилъ, а убѣждалъ; иногда говорилъ не въ пользу раскольниковъ, но они, хотя мало убѣждались, снисходили ему и уважали его за умъ,— такъ Тарасовъ былъ симпатиченъ!—Къ нему обращались за разными совѣтами и богатые, и бѣдные, а болѣе всего—къ его компетентности въ разборѣ родословныхъ, при начинавшихся сватовствахъ; онъ же бывалъ и миротворцемъ въ семейныхъ распряхъ; у него была школа для обучавшихся читать и писать. Въ 1848 году мнѣ привелось слышать разговоръ Тарасова съ начетчиками стариками о вѣрѣ. Кромѣ книжнаго знанія, Яковъ Михайловичъ отличался бойкой діалектикой, но безъ софистическихъ уловокъ. Все, что онъ говорилъ, было твердо, ясно. Онъ, сколько я помню, училъ болѣе другихъ примѣнять писаніе къ жизни на основную тему: *„вѣра безъ дѣлъ мертва есть“*. — За всѣмъ тѣмъ Тарасовъ не могъ быть неподозрительнымъ для людей, оффиціально преслѣдовавшихъ расколъ. Онъ умеръ въ пятидесятыхъ годахъ въ глубокой старости и бѣдности“ (1).

Но были люди и другаго рода, которые, не смотря на свое невѣжество, едвали не больше Тарасова вліяли на раскольниковъ. Тарасовъ, какъ видно, будилъ чувства и мысль старообрядцевъ, напирая больше на духъ христіанскаго ученія, на необходимость для спасенія добрыхъ дѣлъ, а были такіе руководители, которые въ дѣлахъ вѣры обращались исключительно

(1) Какъ смотрѣли на Тарасова простые казаки, увидимъ дальше (въ гл. IV).

къ своему властолюбію и, при случаѣ, къ уловкамъ разнаго рода, позволительнымъ и непозволительнымъ. Тарасовъ не ради корыстолюбія бесѣдовалъ о вѣрѣ и училъ дѣтей грамотѣ, а потому умеръ въ бѣдности, хотя, при своемъ громадномъ вліяніи на другихъ, онъ могъ бы нажить большія средства; но „*кая польза человѣку, аще міръ всь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?*“ повторялъ нерѣдко Яковъ Михайловичъ, когда заходила у него съ другими рѣчь о средствахъ къ жизни и о богатствѣ. Не таковъ былъ часовенскій попъ Василій.

Попъ Василій происходилъ изъ Мордвы. Гдѣ онъ находился прежде, намъ неизвѣстно; знаемъ, впрочемъ, что раньше онъ гдѣ-то былъ священникомъ и, лишившись мѣста, тѣмъ самымъ пригодился раскольникамъ, искавшимъ себѣ въ это время попа. Они охотно его приняли, *исправили* и сдѣлали, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, своимъ попомъ въ Успенской часовнѣ. Василій, по отзывамъ знавшихъ его, былъ невѣжественъ и грубъ; но это-то и послужило ему въ пользу, какъ лучшее средство властвовать надъ умами своихъ прихожанъ: *его боялись и потому исполняли всь его приказанія*. Скромные попы не имѣли такого успѣха среди уральскихъ старообрядцевъ, какъ *суровый и бранчивый мордвинъ Василій*: къ скромнымъ попамъ уральскіе раскольники всегда относились критически и нерѣдко контролировали ихъ дѣйствія, чего не осмѣливались дѣлать предъ Василіемъ, повинуясь ему всегда и во всемъ безусловно. Василій, какъ увидимъ, на долго оставилъ по себѣ память въ Уральскомъ войскѣ: его именемъ благословляли потомъ стариковъ, для совершенія требъ; имя его писали въ разрѣшительной молитвѣ, которую влагали въ руки умершихъ раскольниковъ.

IV.

Причины, благопріятствовавшія усиленію раскола въ Уральскомъ войскѣ, въ первой четверти настоящаго столѣтія. — Послѣдніе казачьи атаманы и ихъ отношеніе къ расколу. — Холера 1830 и 1831 г. въ Уральскомъ войскѣ.—Раскольничьи амулеты и Успенская часовня въ холерный годъ. — Сношенія съ Иргизскими монастырями Уральскаго войска въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка.—Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе.— Графъ Перовскій и наказный атаманъ Покатиловъ, ихъ отношеніе къ уральскому расколу.—Хивинскій походъ 1839 г. и предсказанія о немъ раскольниковъ. Увеличеніе числа храмовъ въ Уральскомъ войскѣ и обращеніе Успенской часовни въ единовѣрческую церковь.

Расколъ въ Уральскомъ войскѣ особенно усилился въ царствованіе Императора Александра I. Заботы правительства о введеніи новаго военногражданскаго устройства въ Уральскомъ войскѣ отвлекли его вниманіе отъ раскольниковъ, а смѣлые протесты казаковъ противъ новаго положенія требовали строгой осторожности по отношенію къ расколу въ войскѣ и его предѣлахъ. Вслѣдъ за тѣмъ открылась отечественная война, когда вовсе было уже не до раскольниковъ. Между тѣмъ, казаки, отстаивая прежній строй своей общины, сближались все болѣе и болѣе съ ревнителями старины и старой вѣры, дѣйствуя съ ними заодно. Мы видѣли, что въ это время возникаютъ на Уралѣ Садовскіе скиты, Бударинскій скитъ; а Сергіевскій скитъ и Успенская часовня въ Уральскѣ дѣлаются главными притонами раскола во всемъ войскѣ. Не мало содѣйствовало усиленію раскола среди казаковъ и то обстоятельство, что, въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ настоящаго столѣтія, ихъ атаманами были тоже природные казаки: Д. М. Бородинъ и П. М. Назаровъ, изъ которыхъ первый отличался религіознымъ индифферентизмомъ, а второй самъ былъ ревностнымъ раскольникомъ. Въ 1824 г., въ проѣздъ Императора Александра I чрезъ Оренбургъ, атаманъ Назаровъ былъ вызванъ туда, для чего долженъ былъ,

„противъ души и совѣсти“, сбрить свою большую бороду. Вскорѣ послѣ этого, онъ былъ отставленъ отъ должности атамана, и жилъ въ Уральскѣ частнымъ человѣкомъ, пользуясь большимъ вліяніемъ на казаковъ и оставаясь, попрежнему, въ расколѣ; раскольническій попъ Савелій Сумкинъ (1) отправлялъ у него на дому богослуженіе и совершалъ разныя требы (2).

Мѣсто Назарова занялъ снова Д. М. Бородинъ, бывшій до него атаманомъ и проживавшій въ это время въ своей деревнѣ, теперешнемъ Бородинскомъ форпостѣ. Второе вступленіе Бородина въ атаманское достоинство сопровождалось большимъ торжествомъ, какъ передаютъ живые очевидцы и свидѣтели этого обстоятельства. Д. М. Бородинъ былъ любимцемъ казаковъ, которые, какъ-бы желая указать на его силу и значеніе въ войскѣ, обыкновенно выражались: *„атаманъ Бородинъ—въ войскѣ одинъ“*. Дѣятельность этого атамана была *въ свое время* одною изъ разумныхъ и, какъ говорится, была *по душѣ* казакамъ, хотя были недовольные и имъ, составлявшіе какъ бы исключеніе. Это былъ послѣдній войсковой атаманъ изъ казачьяго сословія; со смертію его, въ атаманы назначались лица иногородніе. Чтобы понять нерасположеніе казаковъ къ преемникамъ Бородина, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о частной жизни *этого любимца Уральскаго войска* и объ отношеніи его къ казакамъ.

Отличаясь индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, Бородинъ нерѣдко покровительствовалъ раскольникамъ и скитской братіи, хотя открыто и не сталъ за расколъ, за что ему позволялось многое. Будучи уже 65 лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ свою жену и

---

(1) См. донесеніе прокурора Аладольскаго военному губерн. Эссену, въ 3 гл. настоящ. очерка, стр. 56.

(2) 26 марта 1822 г. былъ изданъ указъ, которымъ разрѣшалось всѣмъ старообрядцамъ держать у себя бѣглыхъ поповъ, если только послѣдніе до своего побѣга не совершили уголовнаго преступленія.

сошелся съ М. Е. К., очень красивой женщиной изъ порядочной фамиліи. Жена атамана, оставленная мужемъ, помѣстилась въ отдѣльномъ флигелѣ, окруживъ себя монахинями—раскольницами и разными странницами, которыя чрезъ свою госпожу старались вліять и на ея мужа. Между тѣмъ ея супругъ велъ самый открытый и, подъ часъ, не безукоризненный образъ жизни: давалъ у себя въ домѣ балы, обѣды, посѣщалъ другихъ. Домъ его былъ лучшимъ въ Уральскѣ по величинѣ, архитектурѣ и убранству. Бородинъ жилъ какъ владѣтельный герцогъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ. Въ ясные лѣтніе вечера, его нерѣдко можно было видѣть на балконѣ, который выходилъ на улицу и былъ накрытъ маркизами и обставленъ цвѣтами. Сюда подавали чай; хозяйничала фаворитка атамана М. Е. К.; тутъ же присутствовали нѣкоторые изъ родныхъ атамана и его наперстницы, нисколько не стѣсняясь предосудительнымъ поведеніемъ радушныхъ хозяевъ. Около дома почти всегда собиралась большая толпа народа, привлекаемая пѣсельниками, которыя, помѣстившись подъ балкономъ, потѣшали господъ и публику. Но было нѣчто и посущественнѣе, что влекло народъ къ атаманскому дому: во время каждаго подобнаго чаепитія, уральская Помпадуръ, одѣтая въ парчу, золото и дорогіе каменья (1), изъ своихъ рукъ бросала народу цѣлыя корзины конфектъ и любовалась толпою мальчишекъ, торопившихся собирать лакомства. За конфектами съ балкона летѣли мѣдныя и мелкія серебряныя монеты, въ подбираніи которыхъ принимали дѣятельное участіе и взрослые.

Не смотря на то, что Бородинъ слишкомъ былъ ревнивъ къ своей власти, лица, пользовавшіяся благо-

---

(1) Въ то время, между уральскими женщинами, были въ большемъ употребленіи *сороки* (родъ кокошника), изъ которыхъ нѣкоторые вѣсили около 10 фунтовъ и стоили тысячи рублей; а парчевые рукава съ широкими золотыми галунами можно встрѣтить и теперь на богатой уралкѣ, которой не коснулась цивилизація.

склонностью его наперстницы, всегда получали лучшія мѣста. Ревнители раскола также не упускали случая, когда и гдѣ было возможно и нужно, пользоваться вліяніемъ на атамана и его наперстницы. Вообще конецъ двадцатыхъ годовъ былъ самымъ веселымъ временемъ на Уралѣ. Спокойны и довольны были казаки-раскольники и единовѣрцы, зная, что Давидъ Мартемьяновичъ не дастъ ихъ въ обиду другимъ; аресты, Кочкинъ пиръ, опустошительные пожары 1807 и 1821 г., неурожай хлѣбовъ въ 1810 и 1821 г. и конскіе падежи,—все забылось. Уральцы, какъ бы опьяненные счастливыми днями, забылись до того, что и не замѣтили, какъ къ нимъ пожаловала страшная и еще небывалая у нихъ гостья—холера, появившаяся въ Уральскѣ въ началѣ августа 1830 года. Городъ былъ оцѣпленъ. Весельчаки забились по угламъ и дрожали отъ страха смерти. Всѣ пріуныли и не знали, что дѣлать. Не было ни одной улицы, гдѣ бы въ нѣсколькихъ домахъ не слышно было стона больныхъ и вопля родныхъ о похищенныхъ смертію; на рѣдкой улицѣ не встрѣчался гробъ, а по Большой улицѣ гроба несли вереницами. Паника достигла высшей степени. Нѣкоторые дома, опустошенные холерой, были закрыты, а у другихъ не отворялись ставни потому, что обитатели ихъ не хотѣли ни видѣть, ни слышать, что происходило внѣ ихъ дома. *Церкви стали переполнятся народомъ*, откуда нерѣдко выводили заболѣвшихъ, а нѣкоторые сами выходили, шатаясь на ногахъ. За всенощной, наканунѣ Успенія, въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ вдругъ заболѣло трое причетниковъ—и къ утру ихъ не стало. Смертность усилилась до того, что мѣста, отведеннаго за девять лѣтъ до этого подъ кладбище, не достало; отвели новое, гдѣ тѣла бросали уже въ общую яму, не заботясь класть головой на востокъ; яму закрывали и заливали известью. Носились слухи, что второпяхъ похоронили нѣсколько человѣкъ живыми, которые, по заявленію кладбищенскаго сторожа, кричали въ могилахъ; ихъ отрывали,

но находили уже мертвыми. Въ теченіе мѣсяца (1) всего въ войскѣ умерло 1909 чел., 915 м. и 994 ж. пола (2). Холера похитила многихъ храбрыхъ воиновъ, сослуживцевъ Потемкина и Суворова (3); не пощадила она любимца Уральскаго войска—атамана Д. М. Бородина, который скончался 15 августа; въ тотъ же день умерла и его жена. Никто не хотѣлъ читать псалтирь надъ тѣломъ атамана, и только силой заставляли приходить для этого молодыхъ причетниковъ. Атласные сарафаны съ дорогими позументами и серебряными пуговицами, принадлежавшія атаманшѣ, женскія рубахи съ парчевыми рукавами, атласныя одѣяла, тонкое бѣлье и другія вещи Бородиныхъ въ предотвращеніе заразы, были сожжены, за городомъ (4).

Спустя пять дней по смерти Бородина, изъ Оренбурга пріѣхалъ въ Уральскъ артиллерійскій полковникъ Покатиловъ, который энергически принялся за дѣло поданія помощи страдающимъ отъ холеры: онъ снабдилъ временныя больницы всѣмъ нужнымъ; поощрялъ лѣчившихъ и ухаживавшихъ за больными; учредилъ комитетъ попеченія о больныхъ и во главѣ его сталъ самъ. Въ 1831 году холера снова повторилась въ Уральскѣ; но умершихъ было уже менѣе 1830 г. на 849 чел. обоего пола (5).

Раскольники, во время холеры, пустили въ ходъ разные амулеты, состоявшіе изъ маленькихъ записо-

---

(1) Съ 7 августа по 6 сентября.

(2) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 13.

(3) Напр. есаулы: Дурмановъ и А. Бородинъ участвовали при долговременной осадѣ Очакова Потемкинымъ, переходили съ Суворовымъ Альпы и участвовали въ войнѣ 1813 и 1814 г.

(4) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 10. Д. М. Бородинъ умеръ 70 л. отъ роду. Портретъ его, хранившійся въ Уральской войсковой гимназіи, писанъ В. А. Тропининымъ въ 1826 г., когда Бородину было 63 лѣтъ.— У Рябинина годъ смерти Бородина показанъ невѣрно, именно 1829, когда Бородинъ былъ еще живъ (ч. I, 75).

(5) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 15.

чекъ, зашитыхъ въ тряпочку; амулеты эти носили на крестѣ; ихъ также приклеивали на косякахъ дверей и оконъ; они заключали въ себѣ слѣдующія слова: „*Христосъ съ нами уставися вчера, и днесь, и во вѣки*“. Рядомъ съ записочками на косякахъ обозначались дегтемъ кресты. Дѣти, вѣроятно, изъ подражанія старикамъ, нестрили свое тѣло, особенно лобъ, дегтярными крестиками (1). Многимъ изъ этихъ несчастныхъ дѣтей пришлось осиротѣть; но общее бѣдствіе, постигшее уральцевъ, напомнило взрослымъ христіанскія обязанности: всѣ сироты были разобраны въ дѣти оставшимися въ живыхъ, а нѣкоторымъ было оказано отъ казны особое пособіе, безъ различія вѣроисповѣданій (2).

Успенская часовня, имѣвшая прихожанъ во всѣхъ концахъ Уральскаго войска, была поставлена въ крайнее затрудненіе, во время холеры: служившіе при ней попы не могли успѣвать повсюду, чтобы напутствовать и погребать *часовенскихъ* прихожанъ. Вслѣдствіе этого, они самовольно благословили нѣсколько стариковъ и разослали ихъ по войсковымъ предѣламъ, уполномочивъ совершать церковныя требы и другія священническія обязанности. Такіе старики, по большей части, выбирались изъ скитской братіи, гдѣ въ нихъ недостатка не было. Сергіевскій скитъ, не смотря на подписку основателя не принимать безпаспортныхъ, попрежнему, давалъ у себя пріютъ разнымъ бѣглымъ и разстриженнымъ попамъ, нисколько не опасаясь полиціи и ея „присутствующихъ членовъ“, которые сами были раскольники. Въ это время разъискивался въ Сергіевскомъ скиту бѣглый разстриженный попъ Аѳанасій Макаровъ. Оренбургскій

(1) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 15.

(2) Тамъ же № 12.

губернаторъ, графъ Сухтеленъ (1) писалъ по этому случаю полковнику Покатилову, временно исправлявшему должность войсковаго атамана: „*Умоляю* уральскихъ *чиновниковъ* способствовать мнѣ въ поимкѣ преступника и разстриги Макарова, недостойнаго участія *добродушныхъ и нравственныхъ* людей, каковыми я признаю вообще *уральцевъ*. При семъ нужнымъ считаю присовокупить, *что я всегда желаю избѣгать всякаго нарушенія обрядовъ вѣры и старинныхъ обычаевъ*, коихъ, можетъ быть, они уже чрезмѣрно придерживаются, но терпѣть укрывательство бѣглыхъ невозможно“ (2). Не смотря, однакоже, на мольбы начальника края, „*добродушные и нравственные*“ уральцы не оправдали его надеждъ: Макаровъ не былъ выданъ.

Сношенія уральскихъ казаковъ съ иргизскими монастырями продолжались и въ это время; уральцы доставляли иргизской братіи цѣлые воза всякой рыбы и ея продуктовъ: икру, вязигу, клей, балыки; а сами, какъ бы въ отдарье, получали изъ монастырей дары для причастья, мyро, книги, поповъ и т. п. Связь иргизскихъ монастырей съ уральскими казаками тѣмъ была прочнѣе, что въ числѣ иргизской братіи были монахи изъ коренныхъ уральцевъ, какъ это видно изъ списковъ монастырскихъ жителей (3). Иргизскіе монастыри и сами дорожили прочной связью съ Уральскимъ войскомъ, которое доставляло значительныя матеріальныя средства для монастырей и деньгами, и натурой, а изъ-за матеріальныхъ выгодъ

---

(1) Генералъ-адъютантъ, гр. Сухтеленъ былъ преемникъ Эссена, назначеннаго въ 1830 г. С.-петербургскимъ губернаторомъ. Сухтеленъ умеръ въ Оренбургѣ въ 1833 году.

(2) Ур. в. вѣд. 1876 г. № 42.

(3) Рукопись преосвященнаго Іакова, хранящаяся въ нижегородской семинарской библіотекѣ (№ 3774), стр. 282—291. Слич. Прав. Собес. 1857, стр. 376 и 522.

иргизская братія на все была готова: за деньги монахи заочно отпѣвали умершихъ, иногда человѣкъ по 50 вдругъ, за цѣлый годъ и болѣе, давали желающимъ причастіе въ руки и оставляли его въ ихъ домахъ во время разъѣздовъ по войсковымъ предѣламъ; очистительную и сороковую молитву родильницѣ читали въ монастыряхъ заочно надъ платкомъ или полотенцемъ, которое, по пріѣздѣ домой, слѣдовало только потрясти надъ родильницею и новорожденнымъ младенцемъ. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай, занесенный въ рукопись преосвященнаго Іакова: „Расколъ бѣглопоповской секты по саратовской епархіи“ (1). Въ 1834 году, въ Уральскѣ умеръ одинъ весьма богатый чиновникъ, который хотя и держался раскола, но бриль бороду. Такъ какъ онъ умеръ скоропостижно, то раскольническимъ попамъ было запрещено отпѣвать его. Несчастная вдова, пораженная неожиданною кончиною мужа, отправилась въ иргизскій Преображенскій монастырь и просила настоятеля заочно отпѣть умершаго мужа; но настоятель рѣшительно заявилъ, что этого никакъ нельзя сдѣлать, потому что покойный *бриль бороду*. Находчивая чиновница хорошо, видно, понимала религіозныя убѣжденія и стойкость иргизскихъ монаховъ: она предложила настоятелю большую сумму; *деньги подѣйствовали* скорѣе всякихъ просьбъ и слезъ неутѣшной вдовы: *скоропостижно умершій былъ отпѣтъ соборно*, а чтобы не подать повода къ соблазну, на погребеніи были помянуты имена многихъ другихъ умершихъ (2). Не смотря на такое лицемѣріе и корыстолюбіе иргизской братіи, уральскіе казаки постоянно обращались въ иргизскіе монастыри съ своими духовными нуждами; а ревностные помощники въ распространеніи раскола получали

(1) Прав. Собесѣдн. 1857 г., стр. 376, замѣчаніе.

(2) См. въ рук. л. 285. Слич. Пр. Собесѣдн. 1857 г., стр. 565.

отсюда иконы, книжки, крестики, просфоры и т. п., и дорожили этими вещами, какъ православные богомольцы дорожатъ тѣми же предметами, полученными ими изъ Кіева и Іерусалима. Въ холерный годъ иргизская братія значительно пополнила свои средства, отпѣвая заочно сотни умершихъ холерой уральскихъ казаковъ, которые были зарыты безъ всякаго напутствія и отпѣванія.

Начиная съ 1829 года, правительство стремится къ обращенію иргизскихъ монастырей въ единовѣріе: 27 іюля 1829 г. былъ обращенъ въ единовѣрческій Нижневоскресенскій монастырь; обращеніе другихъ монастырей не обошлось безъ открытаго протеста иргизской братіи и безъ сильныхъ мѣръ со стороны правительства. Въ мартѣ 1837 г. былъ обращенъ Средненикольскій монастырь, преобразованный въ 1843 г., по Высочайшей волѣ, въ женскую единовѣрческую обитель (1). Въ 1841 г. обращены въ единовѣрческіе монастыри Воскресенскій и Преображенскій, а чрезъ два года упраздненъ и Покровская женская обитель, часовня которой была употреблена на постройку церкви въ г. Николаевскѣ, во имя св. Іоанна Предтечи (2).

Съ уничтоженіемъ иргизскихъ монастырей, какъ притоновъ раскола, многіе монахи и монахини, не желавшіе принять единовѣріе, удалились въ уральскіе раскольничьи скиты, гдѣ ихъ приняли съ распростертыми руками, какъ гонимыхъ за вѣру; но со смертію атамана Д. М. Бородина и оренбургскаго военнаго губернатора Сухтелена, не желавшаго затрогивать уральскихъ раскольниковъ, обстоятельства измѣнились и здѣсь: на расколъ обратили вниманіе и на Уралѣ.

---

(1) Прав. Собесѣдн. 1858 г., стр. 254.

(2) Тамъ же, стр. 257. Подробности объ обращеніи иргизскихъ монастырей въ единовѣріе смотр. въ Прав. Собесѣдн. 1858 г., 231—264.

По смерти Сухтелена, оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи графъ, Василій Алексѣевичъ Перовскій, одинъ изъ достопамятныхъ дѣятелей Николаевскаго царствованія. Графъ Перовскій родился около 1795 г.; слѣдовательно, при назначеніи въ Оренбургъ, ему было не болѣе 38 лѣтъ. По воспитанію и образованію онъ принадлежалъ къ Александровскому времени. Обладая общими свойствами лучшихъ Александровскихъ людей; онъ имѣлъ и много своеобразнаго, принадлежащаго лишь ему одному. При необыкновенныхъ дарованіяхъ и сильномъ умѣ, Перовскій отличался цѣльнымъ, самостоятельнымъ характеромъ, чѣмъ напоминаетъ собою людей прошлаго вѣка. Характеръ этого человѣка сложился подъ вліяніемъ той необыкновенной школы всякихъ лишеній, которая выпала на его долю: участвуя въ знаменитой Бородинской битвѣ, онъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ (1); въ февралѣ 1814 г. онъ очутился въ Орлеанѣ и бѣжалъ изъ плѣна въ Россію.

Въ качествѣ адъютанта знаменитаго графа П. В. Кутузова, онъ сопровождалъ вмѣстѣ съ нимъ, великаго князя Николая Павловича въ его образовательныхъ путешествіяхъ по Россіи и Европѣ; въ это путешествіе и началось сближеніе Перовскаго съ будущимъ Государемъ. Въ роковое время 14 декабря 1825 года, Перовскій явился однимъ изъ самыхъ преданныхъ новому Государю лицъ. Заодно съ нѣкоторыми другими лицами, окружавшими Государя, Перовскій былъ предметомъ дерзкихъ выходокъ со стороны народной толпы, собравшейся на Исакіевской площади и подъучаемой мятежниками: ему нанесли ударъ въ спину полѣномъ. Въ 1828 г. онъ изслѣдовалъ, по Высочайшей волѣ, безпорядки въ Черномор-

(1) Его записка о бѣдствіяхъ, которыя пришлось ему вынести, напечатана въ Русск. архивѣ 1865 г.

скомъ краѣ; участвовалъ во взятіи Анапы, которую князь Меньшиковъ громилъ со стороны моря; затѣмъ отправился къ Государю подъ Варну, гдѣ получилъ рану въ лѣвую часть груди; рана оказалась не смертельной — и пулю вырѣзали. Въ 1830 г. Перовскій получилъ мѣсто директора канцеляріи начальника морскаго штаба, а чрезъ три года послѣдовало его назначеніе въ Оренбургъ (1). Таковъ былъ новый начальникъ Оренбургскаго края и, какъ части его, Уральскаго войска.

Графъ Перовскій, занявъ новый постъ, скоро убѣдился, что примѣненіе новыхъ правилъ и отмѣна прежнихъ обычаевъ, предписанныхъ пунктами штата 1803 г., постоянно встрѣчали скрытое сопротивленіе въ Уральскомъ войскѣ. Требованія начальства исполнялись только для виду, въ сущности же прежніе порядки оставались въ полной силѣ. Вооруженіе и обмундированіе, по новому положенію, вводилось такъ медленно, что къ 1830 году были обмундированы по формѣ только гвардейскія части и городовая команда, прочіе же казаки отправляли службу по старому. Войсковое начальство, извлекая изъ того свои выгоды, смотрѣло на упущенія казаковъ сквозь пальцы и настаивало на исполненіи новаго положенія только тогда, когда опасалось навлечь на себя отвѣтственность (2). Перовскій, воспользовавшись тѣмъ, что въ войскѣ не было атамана, рѣшился приступить къ выполненію своего плана; но для этого ему нуженъ былъ надежный человѣкъ, который бы не имѣлъ ничего общаго съ интересами казачьяго сословія, и не оказывалъ послабленія и пристрастія къ обычаямъ

---

(1) Русск. Архивъ 1878 г., кн. 3. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: посланіе къ Перовскому въ стихахъ и письмо къ нему Жуковскаго, съ которымъ графъ былъ въ самой тѣсной дружбѣ; а также—собственное письмо Перовскаго къ Ю Ѳ. Самарину.

(2) Рябининъ Уральское казачье войско, ч. I, стр. 75.

старины. Выборъ графа палъ на полковника Покатилова, исправлявшаго должность войсковаго атамана, по смерти Бородина.

По ходатайству Перовскаго, полковникъ Покатиловъ получилъ Высочайшее повелѣніе принять на себя званіе и обязанности *наказнаго* атамана Уральскаго казачьяго войска, а вскорѣ—и чинъ генералъ-маіора. — Намъ уже извѣстно, что до этого времени атаманы избирались изъ казаковъ, а потому понятно, что назначеніе на этотъ постъ Покатилова, какъ лица неказачьяго происхожденія, не могло нравиться войску. Въ Уральскѣ было много чиновниковъ, людей вліятельныхъ, богатыхъ и умныхъ, которые, по смерти Д. М. Бородина, разсчитывали занять его мѣсто; эти-то лица сильно были оскорблены предпочтеніемъ, оказаннымъ совершенно постороннему, по происхожденію, человѣку. Они употребляли всѣ мѣры и усилія, чтобы вооружить общественное мнѣніе противъ новаго атамана; придирались ко всякому случаю, чтобы представить его поступки въ невыгодномъ свѣтѣ и возбудить въ массѣ къ нему недовѣріе (1). Впрочемъ, не смотря на разныя интриги чиновниковъ, Покатиловъ успѣлъ расположить къ себѣ значительную часть войска, и первое время пользовался любовію и уваженіемъ уральцевъ. Покатиловъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселый, ловкій и честный человѣкъ; въ обращеніи съ другими онъ былъ находчивъ и вѣжливъ до обязательности. Простые казаки, какъ бы въ комплиментъ Покатилову, такъ выражались о немъ: *„настоящій Подкатиловъ, — такъ и подкатился къ намъ масляным блиномъ“* (2).

Вступивъ въ управленіе войскомъ, Покатиловъ, согласно намѣреніямъ Перовскаго, старался слить

(1) Секр. дон. Перовскаго воен. министру, отъ 25 сент. 1833 г. объ отставномъ полковникѣ Стахѣ Мизиновѣ.

(2) Ур. в. вѣд. 1868, № 33, стр. 6.

разные классы общества и уравнять, по возможности, лицъ незначительныхъ фамилій съ вліятельными и значительными. Выходя изъ такого принципа, Покатиловъ прежде всего обратилъ вниманіе на Уральскъ, какъ главный центръ казачьей жизни и дѣятельности. Когда новый атаманъ поближе познакомился съ городскимъ обществомъ, онъ былъ изумленъ дикостью и неразвитостью уральскихъ барынь и барышень, затворничествомъ женщинъ. Уральскіе аристократы-казаки держали своихъ женъ и дочерей взаперти, какъ боярынень до-петровской Руси, или какъ гаремныхъ заключенницъ. Сами затворницы, однакожъ, не только на это не претендовали, а, напротивъ, съ какою-то гордостію и самодовольствомъ указывали на то, какъ на отличительный признакъ отъ *„черпаго народа“*. Затворничество уралокъ сдѣлалось еще болѣе суровымъ, когда, по случаю разныхъ волненій въ войскѣ, былъ поставленъ въ городѣ на постоянныя квартиры баталіонъ солдатъ. Изъ опасенія за своихъ женъ и дочерей, аристократы, во главѣ съ атаманомъ П. М. Назаровымъ, настояли на томъ, чтобы за городомъ были построены казармы, куда солдаты и были переведены. Въ 1831 г. при этихъ казармахъ, благодаря заботамъ и благотворительности атамана Покатилова и баталіоннаго командира Лихошерстова, была выстроена деревянная однопрестольная церковь, во имя Казанской Божіей Матери,—это была *первая православная церковь* въ Уральскомъ войскѣ.

Предпріимчивый и энергичный атаманъ рѣшился вывести уральскихъ женщинъ изъ закоснѣлаго состоянія и затворничества. Съ этою цѣлію, онъ сталъ устраивать въ своемъ домѣ вечера съ танцами, на которые приглашалъ молодыхъ дѣвицъ и женщинъ съ ихъ необщительными матушками. Слушать музыку, по убѣжденію уральскихъ матронъ, было грѣхомъ, а танцовать—величайшимъ грѣхомъ; но находчивый и веселый хозяинъ заставилъ ихъ привыкнуть къ тому и другому. Начались *уральскія ассамблеи*, на

которыхъ, впрочемъ, не было *кубка большаго орла.* Сначала танцовали только жены иногородныхъ чиновниковъ, при чемъ недостатокъ кавалеровъ восполнялся польскими дворянами изъ ссыльныхъ въ уральскій баталіонъ, послѣ возстанія въ Польшѣ, въ 1831 году. Пошли балы и вечера, смѣняемые по временамъ маскарадами, въ которыхъ появлялись маски въ разнообразныхъ костюмахъ; скоро у Покатилова стали даваться домашніе спектакли. Въ 1836 году былъ открытъ клубъ; пустились въ танцы и молодые уральцы и уралки, и родители уже не мѣшали имъ въ этомъ *„благородномъ“* удовольствіи. Покатиловъ сдѣлался душею молодаго уральскаго общества; въ освобожденіи затворницъ ему помогала отчасти одна изъ знатныхъ уральскихъ барынь, А. А. Д., которая замѣняла у Покатилова на вечерахъ хозяйку, такъ какъ онъ былъ въ то время вдовъ.

Такимъ образомъ, патріархальная неподвижность и замкнутость Уральскаго городскаго общества была тронута: начались сношенія съ иногородными, на которыхъ до этого времени казаки смотрѣли съ недовѣріемъ; открылся обмѣнъ мыслей, взглядовъ и убѣжденій.

Но въ то время, какъ рѣзвилась и потѣшалась молодежь, Покатиловъ зорко присматривался къ тому, что дѣлалось по форпостамъ, хуторамъ и раскольническимъ скитамъ. Здѣсь велась противъ атамана опасная интрига: чиновники, оскорбленные уравненіемъ лицъ знатныхъ фамилій, къ которымъ они принадлежали, съ незначительными, старались вооружить казаковъ противъ Покатилова, указывая на введеніе *новыхъ* перемѣнъ, угрожавшихъ казачьей независимости. — Особенно были недовольны Покатиловымъ совѣтникъ войсковой канцеляріи, полковникъ С. Мизиновъ и есаулъ Севрюгинъ, люди безпокойные, клязные и вредные, которые своимъ вліяніемъ могли

возбудить волненіе въ войскѣ (¹). Скоро соединились съ чиновниками и приверженцы старообрядства, оскорбленные дѣйствіями правительства, старавшагося вводить православіе, и ожесточенные закрытіемъ нѣкоторыхъ часовенъ и моленныхъ домовъ, подтвержденіями не носить на службѣ бородъ и быть одѣтыми по установленной формѣ. Основными требованіями уральскихъ раскольниковъ были: свободный покрой платья, съ сохраненіемъ наёмки на службу, борода и старообрядческая часовня. Между тѣмъ, графъ Перовскій энергично принялся за исправленіе упущеній, введеніе перемѣнъ и преслѣдованіе пристанодержательствъ въ Уральскомъ войскѣ. Не терпя старообрядства, особенно потому, что оно относилось враждебно къ умственному развитію страны, и вообще было тормазомъ народнаго образованія, Перовскій предписалъ Покатилову, чтобы всѣ земляпки въ уединенныхъ мѣстахъ были обысканы, а ихъ таинственные жильцы разосланы по своимъ мѣстамъ; скиты же до времени велѣно было оставить: наложить руку на нихъ Перовскій считалъ преждевременнымъ. Предположено было также устроить нѣсколько церквей въ самомъ Уральскѣ и по форпостамъ верхней и нижней дистанціи. Заботы по устройству церквей выпали на долю Покатилова, который всегда безпрекословно исполнялъ волю и желанія графа Перовскаго. Раскольники, узнавъ о намѣреніяхъ Покатилова, озлобились еще больше противъ атамана; чиновники, недовольные имъ, также не упускали ни одного случая, чтобы дѣйствовать на умы простыхъ казаковъ: они возбуждали ихъ къ ропоту, указывая на различныя стѣсненія, напр. на перемѣну наряда на годичную службу при городѣ и на передовыхъ постахъ, сдѣланнаго для того, чтобы имѣть всѣхъ *обмундированными по надлежащей формѣ*. Не мало также имѣли

(¹) Доп. полковн. Покатилова Перовскому, отъ 15 декабря 1834 г.

вліянія на массу и возвращенные въ это время изъ Сибири ссыльные казаки; нѣкоторые изъ нихъ поселились въ раскольническихъ скитахъ (1), возбуждая долголѣтними страданіями своими общее участіе раскольниковъ, а разсказами и толками—живое сочувствіе народа (2). Такимъ образомъ возникла оппозиціонная партія, и къ ней примкнула значительная часть войска.

Весною 1837 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ нынѣ царствующій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ совершалъ путешествіе по Россіи, и намѣревался также посѣтить Уральскъ. Недовольные атаманомъ рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы затѣять дѣло, уговоривъ войско принести жалобу на притѣсненія атамана и оренбургскаго начальства. Между казаками распространился слухъ, что отъ Наслѣдника подосланы въ Уральскъ лазутчики, которые *„пріѣхали раньше для выпытыванія нуждъ казачьихъ и списываютъ городъ“*. Въ домѣ старшины Назарова начались собранія и совѣщанія коноводовъ (3) дѣла, подъ предсѣдательствомъ отставнаго полковника Стахѣя Мизинова. Прошеніе было составлено старшиною Ивановымъ, а переписано урядникомъ Григоріемъ Митрясовымъ, которому зачинщики пригрозили смертію, если онъ откажется писать или будетъ о томъ кому-либо разсказывать. Подача прошенія Наслѣднику была возложена на семерыхъ казаковъ (4). Въ

---

(1) Напр. Петръ Ивановъ Клочешковъ, жившій въ поморскомъ скиту, близъ Бородинскаго форпоста.

(2) Записка, поданная Покатиловымъ Перовскому въ іюнѣ 1837 г. Слич. у Рябинина ч. I, 76.

(3) Главныхъ коноводовъ было девять человѣкъ: полковникъ Мизиновъ, старшины: Е. Назаровъ, Д. Мизиновъ, С. Ивановъ, Ларіонъ Своркинъ, А. Мизиновъ; есаулы: Д. Александровъ, Г. Севрюгинъ и В. Городинъ-Мишинъ.

(4) Ѳедоръ Ширявсковъ, Савелій Ларминъ, Ив. Филичевъ, Ив. Фроловъ, Асафъ Бахаревъ, Фролъ Паленовъ и Никифоръ Ереминъ.

этомъ прошеніи казаки особенно напирали на злоупотребленія Покатилова и на то, что войсковымъ атаманомъ не долженъ быть иногородный.

Вотъ сущность нѣкоторыхъ пунктовъ прошенія, направленныхъ противъ атамана: 1) „въ противность прежнимъ граматамъ и указамъ (1), неотмѣненнымъ никакимъ указомъ, *войсковымъ атаманомъ назначенъ, по произволу оренбургскаго начальства, генералъ-маіоръ Покатиловъ изъ иногороднаго сословія* и состоявшій, въ царствованіе Александра I, подъ военнымъ судомъ, по личной на него жалобѣ въ Оренбургѣ всей конной артиллерійской казачьей роты; войсковые чиновники опредѣляются въ должности не общимъ выборомъ, а по желанію атамана; при отправленіи службы войско отягощается атаманомъ излишними денежными поборами, поступающими въ войсковую сумму, а не въ руки казаковъ, и внѣ службы — общими немаловажными сборами, не исключая и самыхъ бѣдныхъ, совершаемыми строгимъ и вымогательнымъ образомъ; 2) недвижимое войсковое имѣніе, приносившее войску ежегодно значительный доходъ, куплено за безцѣнокъ генералъ-маіоромъ Бородинымъ въ собственность, а частное, купленное въ 1817 г. родственниками и приверженцами Бородина за высокую цѣну изъ войсковыхъ суммъ, обращено въ казармы; а генералъ-маіоръ Покатиловъ, разломавъ эти строенія, построилъ, безъ согласія войска, на ихъ мѣстахъ новыя, что сопряжено было съ большими убытками для войска; 3) въ противность Высочайшему именному повелѣнію, чрезъ оренбургскаго военнаго губернатора Эссена, въ 1817 г., Покатиловъ купилъ на общественныя деньги домъ покойнаго атамана Бородина съ дворомъ и мебелью у наслѣдницы Бородина старшинской жены Донсковой, за сорокъ слишкомъ тысячъ рубл. да

---

1) Грам 15 дек 1765 г., указъ 22 дек. 1803 и Высоч. пов. кн. Родионовому, 10 декабря 1804 г.

на перестройку его употребилъ нѣсколько тысячъ рублей; въ избѣжаніе же отвѣтственности, сдѣлалъ отъ имени войсковой канцеляріи, исключая старшаго совѣтника полковника Визанова, небывшаго съ прочими чиновниками согласнаго, представленіе къ оренбургскому военному губернатору и чрезъ него испросилъ на то Высочайшее разрѣшеніе, чѣмъ войско чувствительно обижается, такъ какъ домъ этотъ, по извѣстнымъ обывателямъ причинамъ, могъ бы отойти безъ покупки на войско".—Мы не будемъ указывать на другіе пункты прошенія, которыхъ всѣхъ восемь (1), а укажемъ на то, чего желали добиться просители. Они просили: 1) *замѣны атамана Покатилови* другимъ изъ войска *чиновникомъ, выбраннымъ цѣлымъ обществомъ;* 2) производства слѣдствія чрезъ чиновниковъ, *которые бы ни въ чемъ не зависѣли отъ оренбургскаго губернатора*, и при депутатахъ отъ казачьяго сословія; 3) удаленія отъ должностей во время производства слѣдствія атамана, прокурора и другихъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ съ ними заодно, 4) вмѣсто бывшаго прокурора опредѣлить Егора Анадольскаго, отставленнаго по происками атамана (2).

Въ половинѣ іюня Государь Наслѣдникъ прибылъ въ Уральскъ и оставался здѣсь недолго. 15 іюня, въ его присутствіи, былъ заложенъ *православный* Александро-Невскій соборъ, а 16-го предположенъ былъ отъѣздъ. На разсвѣтѣ казаки, которые должны были подать просьбу, собрались въ домъ Ѳедота Ширявскаго; послѣ совѣщаній, они отправились на Большую улицу, гдѣ собралась многочисленная толпа народа, ожидав-

(1) Копія съ просьбы находится при дѣлахъ Уральскаго войск. архива, по описи № 81, а также въ архивѣ оренб. генералъ-губ. подъ № 205. Сущность всей просьбы изложена у Рябинина, ч. I, стр. 78—79.

(2) Въ донесеніи своемъ военному министру, 9 іюля тогоже (1837) года за № 16, Перовскій опровергаетъ по пунктамъ справедливость жалобы казаковъ.

шая проѣзда Наслѣдника. Скоро Его Высочество сѣлъ въ экипажъ и тихо поѣхалъ по городу, прощаясь съ уральцами; у Оренбургскихъ воротъ экипажъ остановился, потому что впереди стояла, отдѣлившись отъ народа, небольшая группа казаковъ: это были уполномоченные. Когда Его Высочество пожелалъ узнать причину такой остановки, то увидѣлъ подлѣ кареты нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на колѣняхъ, изъ которыхъ одинъ (Асафъ Бахаревъ) держалъ въ рукахъ бумагу. Адъютантъ, бывшій при Наслѣдникѣ, принялъ просьбу и передалъ ему—экипажъ двинулся дальше (1).

Заговорщики-чиновники и особенно раскольники-казаки были въ восторгѣ; вѣсть о томъ, что Его Высочество принялъ просьбу, скоро облетѣла все войско; всѣ ждали перемѣны къ лучшему и назначенія новаго атамана изъ казачьяго сословія.

Между тѣмъ Покатиловъ тотчасъ же, по отъѣздѣ Наслѣдника, послалъ донесеніе о случившемся графу Перовскому, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ, что самъ онъ не рѣшается арестовать *„изверговъ“*, дабы не подать повода къ большему раздраженію, и проситъ губернатора пріѣхать въ Уральскъ для разбора дѣла. Изъ Оренбурга немедленно были отправлены въ Уральскъ войска, въ составѣ 5 полковъ (2), одного баталіона и 8 конныхъ орудій. До прибытія Перовскаго, главное начальство надъ войсками было поручено полковнику Павлову. Въ своемъ донесеніи военному министру (3), Перовскій такъ объясняетъ необходимость вооруженнаго занятія Уральска: „Духъ единомышленія и *чуждое всякаго благоразумія и сговорчивости упорство раскольниковъ*, подъ наружнымъ спокойствіемъ (сохранившимся, благодаря благоразумію атамана, который воздержался отъ кру-

(1) Рябининъ, ч. I, стр. 79.

(2) 4 полка башкиръ и 1 оренбургскій казачій полкъ.

(3) Отъ 22 іюня, за № 9, и отъ 29 іюня, за № 12.

тыхъ мѣръ и вообще умѣлъ избѣгнуть малѣйшаго повода къ большему раздраженію), *скрывало броженіе*, а потому начать разборъ этого дѣла, не обезпечивъ себя увѣренностью въ успѣхѣ, было бы опасно. Могло вспыхнуть возмущеніе и его надо бы подавлять военною силою, тогда какъ теперешній отрядъ имѣетъ видъ экзекуціи" (¹). Перовскій предлагалъ воспользоваться происшествіемъ, чтобы, подъ предлогомъ строгаго наказанія виновныхъ, ввести всѣ необходимыя реформы въ Уральскомъ войскѣ: отмѣну наемки, *распространеніе общихъ узаконеній имперіи о раскольникахъ и на уральцевъ*, введеніе мундировъ и строгой очередной службы, выслать изъ войска и перечислить въ другое вѣдомство или сословіе всѣхъ безпокойныхъ и участвовавшихъ въ послѣднемъ дѣлѣ казаковъ.

Когда войска, отправленныя изъ Оренбурга, вступили въ Уральскъ, казаки пришли въ ужасъ; многіе поспѣшили на нижнюю линію, другіе же бросились въ скитскія трущобы, чтобы тамъ укрыться отъ ожидаемой опасности. Оставшіеся въ городѣ не осмѣливались выйти на улицу; дома всѣ затворились; опасаясь, что войска предадутся насилію и грабежу, многіе держали своихъ женъ, дочерей и дѣтей въ подпольяхъ и подвалахъ, — словомъ, изумленію и страху казаковъ не было предѣловъ. Пріѣзжаетъ Перовскій и объявляетъ городъ на военномъ положеніи, а охрану порядка и тишины ввѣряетъ временному коменданту, полковнику Геке; вслѣдъ за тѣмъ была учреждена военно-судная коммиссія по полевому уголовному уложенію—и началось разслѣдованіе дѣла. Результатъ сужденій коммиссіи былъ таковъ: виновныхъ чиновниковъ, наиболѣе вредныхъ въ войскѣ, опредѣлено было выслать на житье въ отдаленныя губерніи, поручивъ ихъ тамъ надзору полиціи, другихъ—оставить на мѣстѣ, но съ тѣмъ, чтобы не выбирать ни въ какія

(¹) Доп. отъ 29 іюня 1837 г., № 12. Сл. у Рябинина, ч. I, 80.

общественныя должности и имѣть за ними строжайшее наблюденіе; казаковъ, участвовавшихъ въ подачѣ просьбы, подвергнуть тѣлесному наказанію и сослать въ Сибирь на поселеніе; тѣхъ, которые участвовали въ распространеніи толковъ и составленіи прошенія, выключить изъ войсковаго званія и опредѣлить, по усмотрѣнію начальства, на службу въ регулярныя войска. Приговоръ этотъ Высочайше былъ конфирмованъ и приведенъ въ исполненіе въ сентябрѣ того же года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ обычаго взысканія, изъ Уральскаго войска было выкомандировано четыре полка, которые и должны были оставаться на внѣшней службѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (¹). — *Такъ кончилась интрига чиновниковъ и раскольниковъ противъ атамана Покатилова и распоряженій графа Перовскаго*, касательно Уральскаго войска!

Съ этого времени графъ Перовскій началъ настойчиво преслѣдовать мысль объ искорененіи раскола въ войскѣ. Раскольничьи часовни и моленные дома были закрываемы, подъ тѣми или другими благовидными предлогами; распространителей раскола ловили и наказывали по всей строгости законовъ; сводные браки строго были воспрещены, и виновные были отдаваемы подъ судъ. Чтобы привлечь раскольниковъ къ единовѣрію, на мѣстное начальство и духовенство возложили обязанность слѣдить, дабы записанные въ извѣстномъ приходѣ казаки непремѣнно исполняли таинства брака, крещенія и покаянія; дѣти отъ сводпобрачившихся признавались незаконнорожденными, а самые браки—недѣйствительными. О чиновникахъ, преданныхъ расколу, наказный атаманъ обязанъ былъ

(¹) Каждый полкъ состоялъ изъ 550 чел.; слѣдов. всѣхъ казаковъ было выкомандировано 2200 чел. Одинъ полкъ былъ отправленъ на Кавказъ, другой—въ Бессарабію, третій—въ Финляндію, а 4-й до Хивинскаго похода оставался на Уралѣ. (См. Ур. в. арх., № 53, стр. 45); Рябининъ же почему-то говоритъ, что два полка были отправлены на Кавказъ и два въ Польшу (ч. I, стр. 81).

вести подробныя вѣдомости и дѣлать частыя донесенія оренбургскому военному губернатору, а наиболѣе упорныхъ—не представлять ни къ какимъ повышеніямъ по службѣ и не допускать ни къ какимъ должностямъ по войску. Въ то же время обращено было вниманіе на увеличеніе церквей въ войскѣ и числа единовѣрческаго духовенства (1).

До тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, какъ мы уже знаемъ, въ Уральскомъ войскѣ не было ни одной православной церкви, такъ что жившіе въ войскѣ православные, для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, должны были обращаться за 150 верстъ и болѣе отъ Уральска. Преосвященный Аркадій, тогдашній епископъ оренбургскій, во время обозрѣнія епархіи, замѣтилъ этотъ недостатокъ и вошелъ въ Святѣйшій Сунодъ съ представленіемъ о необходимости устройства въ Уральскѣ хотя одной православной церкви, на ряду съ единовѣрческими (2). Въ 1830 г. указомъ Сунода разрѣшено было устроить въ Уральскѣ православную церковь, что и было приведено въ исполненіе въ слѣдующемъ же году: при военныхъ казармахъ какъ мы видѣли, была построена православная церковь, во имя Казанской Божіей Матери. Сверхъ того, изъ трехъ единовѣрческихъ церквей, которыя предположено было воздвигнуть въ Уральскѣ, по желанію самихъ казаковъ, одну разрѣшено обратить въ православную, во имя св. Александра Невскаго, съ наименованіемъ собора. Государь Наслѣдникъ (нынѣ царствующій Государь Императоръ), во время пребыванія своего въ Уральскѣ въ іюнѣ 1837 г., собственными руками положилъ первый ка-

(1) Рябининъ, ч. I, стр. 82.

(2) Тамъ же, стр. 283. Переписка по этому дѣлу хранится въ уральскомъ Александро-Невскомъ соборѣ; изъ нея, между прочимъ, видно, что атаманъ Д. М. Бородинъ старался отклонить устройство православной церкви въ Уральскѣ, но его преемникъ В. О. Покатиловъ энергично принялся за осуществленіе желанія преосвященнаго Аркадія.

менѣ въ основаніе новаго собора, постройка котораго продолжалась тринадцать лѣтъ. Въ 1850 г. соборъ былъ освященъ епископомъ оренбургскимъ и уфимскимъ Іосифомъ, въ присутствіи оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Обручева, преемника и предшественника графа Перовскаго (1).

Въ годъ основанія Александро-Невскаго собора, въ Уральскѣ было воздвигнуто еще два единовѣрческихъ храма: Крестовоздвиженскій и Предтеченскій; съ этого же времени появляются въ войскѣ и форпостныя церкви: въ 1837 г. была выстроена *первая форпостная церковь* въ Сахарной станицѣ (2), въ честь Введенія во храмъ Божія Матери, а въ слѣдующемъ году—въ Бударинскомъ (3) форпостѣ, во имя Преображенія Господня. Объ устройствѣ этихъ храмовъ главнымъ образомъ заботился атаманъ Покатиловъ, который, въ концѣ декабря 1838 г., скончался, какъ говорятъ, скоропостижно, послѣ ужина (4).

Мѣсто Покатилова занялъ *Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ*, состоявшій до того времени чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Перовскомъ. Этотъ любимецъ Перовскаго оставилъ по себѣ въ Уральскомъ войскѣ добрую память. Знавшіе его близко, кромѣ хорошаго, ничего объ немъ не говорятъ. Оставивъ постъ атамана, онъ жилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ; затѣмъ онъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Саратовъ, откуда, послѣ одной не-

---

(1) Перовскій былъ оренбургскимъ губернаторомъ съ 1833—1842 и съ 1850—1857; въ промежутокъ же этого времени, съ 1842—1850, военнымъ губернаторомъ былъ Обручевъ.

(2) На полпути отъ Уральска къ Гурьеву.

(3) На полпути отъ Уральска къ Сахарной станицѣ.

(4) В. О. Покатиловъ погребенъ при Михайло-Архангельскомъ соборѣ, въ Уральскѣ; надъ его могилой, находящейся въ оградѣ, по лѣвую сторону храма, до сихъ поръ сохранилась чугунная плита съ надписью о времени его кончины. Сынъ его, бывшій илецкимъ атаманомъ, также скончался скоропостижно, въ 1876 г.

счастной для него исторіи съ христіанскимъ мальчикомъ, зарѣзаннымъ жидами, удалился въ Москву и жилъ въ крайней бѣдности.

М. Л. Кожевниковъ вступилъ въ управленіе Уральскимъ войскомъ какъ разъ въ то время, когда шли приготовленія къ походу Перовскаго въ Хиву. Между казаками давно уже шли разные толки объ этомъ походѣ. Народъ пріунылъ, и, нужно замѣтить, пріунылъ не оттого, что нужно было идти въ походъ,— къ походамъ казаку не привыкать, — а оттого, что среди уральскихъ казаковъ издавна существовало убѣжденіе, что „*Хива—заклятая страна*, и будетъ взята только въ послѣднее время, вмѣстѣ съ Іерусалимомъ и Царьградомъ". Раскольники достали изъ своихъ сундуковъ засаленныя и крѣпко потертыя тетрадки, въ которыхъ отыскивали различныя пророчества о Царьградѣ, Хивѣ, антихристѣ и т. п., и читали ихъ неграмотнымъ казакамъ. Въ одной изъ такихъ тетрадокъ говорилось (1): „антихристъ титинъ преисподней, и нарицаетъ себѣ имя поеврейски *авадонъ*, поэллиски (2) *апполонъ*, а погречески *понотартъ*, а пороссійски *антихристъ*, возжжетъ огнь неугасимый, проліетъ кровь яко воду. никакія силы его одолѣти не могутъ; только его угонятъ войско *казаки урядою брадатыя, съ крестами*, а Царьградъ будетъ взятъ тремя царями... и останется единъ царь, именемъ Константинъ... Книга Максима Грека: когда русскій народъ турковъ побѣдятъ, и Царьградомъ начнутъ владѣти, тогда антихристъ явится въ самое взятіе Царьграда".—Къ этому начетчики прибавляли, что „какъ завоюютъ Хиву, такъ кругомъ свѣта пойдутъ въ Іерусалимъ, гдѣ гробъ Господень, а изъ Іерусалима опять же кругомъ свѣта пойдутъ въ Царь-

(1) Тетрадь написана полууставомъ и безграмотно; здѣсь удерживается правописаніе подлинника.

(2) Поеллиноки?

градъ, и какъ Царьградъ розмутъ, такъ и міру— конецъ".—Особенный авторитетъ и популярность въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ тогда раскольникъ — начетчикъ Тарасовъ.

Въ черновыхъ бумагахъ покойнаго быто-писателя уральскихъ казаковъ, І. И. Желѣзнова, намъ, между прочимъ, встрѣтился слѣдующій весьма любопытный разговоръ его съ однимъ изъ казаковъ, по случаю похода въ Хиву Перовскаго: „Лишь только разнеслась молва на счетъ хивинскаго похода, — говоритъ казакъ,—народъ гурьбой повалилъ къ Тарасову, желая узнать: будетъ-ли дѣйствительно походъ и чего нужно ждать отъ похода, если онъ состоится. Насчетъ того будетъ-ли походъ, Тарасовъ прямо говорилъ, что не знаетъ и знать этого не можетъ: не Святъ-де Духъ,—а насчетъ того, счастливъ-ли будетъ походъ, прямо такъ и рѣзалъ: *„нѣтъ! не бывать успѣху!*— Или пойдутъ, да не дойдутъ,—говорилъ онъ,—или дойдутъ да не воротятся, потому что время еще не приспѣло".—„Послѣ, когда уже походъ формально обозначился, — продолжалъ разсказчикъ, — начальство, должно полагать, запретило Тарасову говорить, и онъ скрытничалъ: придетъ къ нему какая нибудь старушка, заливается слезами (знамо, сына иль бо внука вьюноша (1) снаряжаетъ въ походъ) и спроситъ что и какъ Яковъ Михайловичъ, будетъ-ли удача"?—А Тарасовъ только и скажетъ: „Молись, молись, касатушка! безъ воли Божіей и волосъ съ головы не спадетъ. Господь поможетъ—единъ побіетъ тысящу, а тысяща побіетъ тьму".—Это ужъ онъ говорилъ такъ только, чтобы успокоить народъ, а потихоньку-то, межъ близкими людьми, прямо такъ и рѣзалъ, что не будетъ удачи".

— „А кто такой былъ Яковъ Михайлычъ?" спросилъ собесѣдникъ разскащика.

---

(1) *„Вьюношъ"* вмѣсто *„юноша"* и до сихъ поръ весьма употребительно среди простыхъ казаковъ, равно какъ и у крестьянъ.

— „Какъ кто такой?—Неужто ты не зналъ его?—Хорошъ же гусь, нечего сказать“,—замѣтилъ казакъ не безъ иронiи.

— „Да вѣдь Якова Михайлыча Тарасова все обчество наше знало,—да что обчество,—ребятишки-то градскiе, чай, всѣ знали его. Онъ жилъ въ Новоселкахъ и дѣлалъ удочки не хуже аглицкихъ; може статься, и ты, когда былъ мальчушкой, покупывалъ у него удочки-то,—припомни-ка?!“

Собесѣдникъ отрицательно покачалъ головой. Старикъ разскащикъ съ досадой махнулъ рукой, и потомъ заговорилъ: „вы всѣ таковы,—не въ обиду тебѣ будь сказано,—къ примѣру, какого нибудь балалаечника или скоморошника изъ нашего брата вы знаете, а такихъ людей, каковъ былъ покойный *Яковъ Михайлычъ*, вы не знаете,—да вѣдь это, батюшка, *былъ столпъ старой вѣры! это былъ такой грамотный, такой начетчикъ, какихъ еще свѣтъ не видывалъ!*—Онъ всѣ книги, сколько ихъ ни есть въ Расеи,—дай ему Богъ царство небесное,—и рукописныя и печатанныя—всѣ отъ доски до доски прочелъ, и потому самому ни одинъ церковный священникъ, ни одинъ благочинный спорить съ нимъ не могли: всѣхъ ихъ Тарасовъ побѣждалъ, *всѣхъ*, значитъ, *сильнѣе былъ* насчетъ божественнаго-то писанiя и *насчетъ* всего, что касается до *креста, до симпросфорiя, до аллилуiа* и и прочаго такого,—одно слово, покойникъ *Тарасовъ всю подноготную зналъ*. Вотъ отъ него-то я своими ушами слышалъ, что Хиву возьмутъ предъ кончиной мiра. Жаль, касатикъ, что Яковъ Михайлычъ умеръ (¹): онъ довелъ бы тебя насчетъ этой статьи до тонкости“!

— „Да Тарасовъ могъ и сболтать, наобумъ сказать!“ замѣтилъ собесѣдникъ.

(¹) Разговоръ происходилъ въ 1861 г., а Тарасовъ умеръ въ пятидесятыхъ годахъ.

— „Нѣтъ, касатикъ, не грѣши!“—сказалъ старикъ съ жаромъ и видомъ недовольства,—„Тарасовъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать и наобумъ говорить; онъ былъ человѣкъ испытанный: о чемъ и когда онъ ни предсказывалъ, ничто, сударь мой, во лжѣ не оставалось. Къ примѣру: лѣтъ за десять до хивинскаго похода, была у нашего царя войпа съ туркомъ. Армія наша зашла въ Туретчину; вездѣ, на каждомъ, значитъ, шагу била и гнала турскую армію и подошла близехонько къ самому Царьграду. По газетамъ слышно было, что стоитъ наша армія отъ Царьграда близехонько, всего какихъ-нибудь въ 20 иль бо въ 40 верстахъ. Чиновники наши, что газеты читаютъ, бывало, говорятъ намъ, что, не нынѣ—завтра, армія наша вступитъ въ Царьградъ; а Тарасовъ, — царство ему небесное, — говорилъ, что этого быть не можетъ, что время еще не приспѣло: „наплюйте мнѣ въ глаза, — говорилъ онъ, — что есть когда возьмутъ наши Царьградъ“.

— „Да вѣдь наши ужь близко отъ Царьграда?!“ говорятъ, бывало, ему казаки.

„Нужды нѣтъ, что близко, — отвѣтитъ онъ,—и ближе будутъ, а всетаки не возьмутъ; и подъ стѣнами постоятъ, а все-таки вернутся вспять“.

„Оно такъ и случилось,—замѣтилъ разскащикъ,—прошло сколько-то времени—слышимъ: замиренье съ туркомъ; армія наша вернулась домой, и Царьграда не видала. Иль бо вотъ что еще скажу насчетъ Царьграда же: передъ тѣмъ, какъ быть войнѣ подъ Севастополемъ, наши пошли за Дунай, въ Туретчину, значитъ,—и хлестко было пошли, правду сказать, вездѣ били турка; всѣ думали, что туркамъ капутъ пришелъ, что Царьградъ будетъ за нами. А Тарасовъ,—царство ему небесное, — покачивалъ только головой да поговаривалъ: „время не приспѣло, время не приспѣло, братцы“!—Оно такъ и вышло: наши подошли только еще подъ Силистру, — „это важнѣющая крѣпость турецкая“, пояснилъ разскащикъ,—да, подошли,

говорю, наши только подъ Силистру, какъ слышимъ, за турка вступились французъ и англичанинъ да, не говоря худаго слова, вломились къ намъ въ Расею, то есть подъ Севастополь; турокъ-то и остался въ сторонѣ, и до сихъ поръ владѣетъ Царьградомъ. Значитъ, правду сказалъ покойный Яковъ Михайлычъ, что-де время не приспѣло. Хоть не меня спроси, другихъ—и всякъ скажетъ, что Яковъ Михайлычъ зря, наобумъ, никогда не болталъ, — всякое его слово попадало въ точку. Вотъ хоть-бы насчетъ все той же Хивы: есть когда, по-твоему, Тарасовъ наобумъ говорилъ; то, разсуди на милость, съ чего жъ взяли сами хивинцы говорить тѣ же рѣчи, что для Хивы еще время не приспѣло, значитъ, и у нихъ въ книгахъ о томъ написано".

— „Когда жъ и кому объ этомъ говорили хивинцы"? спросилъ собесѣдникъ.

— „А вотъ когда".—отвѣчалъ разскащикъ—Когда Василій Алексѣевичъ Перовскій задумалъ идти на Хиву, то приказалъ всѣхъ хивинскихъ купцевъ, которые въ ту пору прибыли въ Оренбургъ съ караваномъ, задержать. Не помѣстно ли было въ Оренбургѣ, или почему другому,—не умѣю тебѣ сказать, — а также большую партію хивинцевъ пригнали къ намъ, въ Уральскъ; помѣстили ихъ въ солдатскихъ казармахъ и приставили къ нимъ караулъ изъ нашихъ казаковъ, словно будто бы къ плѣнникамъ. Хорошо!—Хивинцы сильно пріупыли,—и нельзя было не пріупыть: до кого не коснись, своя рубаха къ тѣлу ближе. Хорошо! Надзоръ за хивинцами былъ не такой, какой бываетъ за настоящими арестантами: не ковали ихъ, не запирали въ секретныя, пускали ихъ на базаръ за покупками, и къ нимъ свободно допускали желающихъ, къ примѣру: татаръ, киргизовъ".

„Такимъ манеромъ добыли они отъ своей братіи басурмановъ какую-то книгу и вычитали въ ней, что *для Хивы время не приспѣло*, — вычитали это,

сударь мой, и совершенно переродились: дотолева были унылы, печальны, неговорливы, а тутъ—повеселѣли, словно-бы и не въ плѣну сидятъ, — откуда взялись рѣчи, пошли сказки, смѣхи,—одно слово, переродились хивинцы, будто и не въ плѣну, будто и не до нихъ касается. Дѣло, замѣть, было въ серединѣ зимы; Перовскій былъ уже съ отрядомъ далеко въ степи. Отъ Василья Алексѣевича часто приходили въ Уральскъ письма къ Матвѣю Львовичу (1), нашему атаману,—что въ отрядѣ все обстоитъ-де благополучно, что отрядъ-де подвигается впередъ. Въ ту пору сложили у насъ въ отрядѣ пѣсню и прислали списокъ съ нея въ Уральскъ. Въ пѣснѣ были такія слова:

„Славно, братцы, пришло время—
Мы идемъ всѣ на Хиву!
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу“ (2).

---

(1) Кожевниковъ. Нѣкоторыя изъ писемъ графа Перовскаго къ М. Л Кожевникову напечатаны въ Ур. в. вѣд за 1869 г., № 17.

(2) «Черезъ Эмбу перейдемъ,
Ко Усть-Урту подойдемъ.
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы воры.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны ни-почемъ.
Джибаги прокляты сбросимъ,
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплыя допосимъ.
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію запьемъ,—
Винну порцію запьемъ;
Закричимъ мы въ разъ «ура»!
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ;
Расколотимъ въ ихну долю
Всѣхъ хивинцевъ п.....въ»!

И прочее такое, все насчетъ того, что русскіе скоро-скоро зададутъ хивинцамъ перц-аз-ра. Хорошо! Родственникъ мой, урядникъ Чапуринъ все время находился въ караулѣ при хивинцахъ, покуда они содержались у насъ въ городѣ. Вотъ онъ-то. этотъ Чапуринъ, и пересказывалъ хивинцамъ, что слышно было изъ отряда,—знамо дѣло, говорилъ и про пѣсню, переводилъ слова ея хивинцамъ,—а они и въ усъ не дуютъ, подсмѣиваются и подшучиваютъ. „Спору нѣтъ“,—говоритъ однажды старый хивинецъ Чапурину,—„русскіе люди храбрые. може, всѣхъ храбрѣе и воинственнѣе (воинственнѣе), особенно вы, *джаикъ-урусы* (1); а нашей Хивы все-таки не видать вамъ, какъ своихъ ушей: *время еще не пристало*. Хотя вашъ Перовскій и смѣло пошелъ на Хиву,—говорилъ хивинецъ, — однако не на добро: иль бо къ нашимъ въ руки попадетъ и одну чапу съ Бек(ов)ичемъ испіетъ, иль бо испужается и съ полпути вернется назадъ“.—„Оно такъ и вышло,—замѣтилъ разскащикъ“.—„Хоша нашему брату и прискорбно было слышать такія рѣчи отъ хивинцевъ, а все-таки супротивъ этого ничего не подѣлаешь: что правда, то-правда! А всего важнѣе, сударь мой, та вещь, что хивинцы почитай слово-въ-слово говорили то же, что говорилъ и нашъ Яковъ Михайлычъ Тарасовъ; выходитъ, что *Хива страна—подъ закляттемъ*, — до поры-до-времени покорить ее никакимъ манеромъ нельзя“ (2).

Изъ этого разсказа старика-казака, который самъ былъ въ походѣ съ Перовскимъ, видно, какимъ громаднымъ авторитетомъ пользовался въ войскѣ Тарасовъ, какъ начетчикъ, мудрецъ и предсказатель. Понятно послѣ этого. какое впечатлѣніе должны были производить его слова на массу безграмотнаго и неразвитаго населенія, особенно на тѣхъ, которымъ при-

---

(1) Яицкіе, или уральскіе казаки.

(2) Ур. в. арх., № 53, стр. 50—57.

шлось провожать въ походъ своихъ родныхъ и близкихъ сердцу людей. „Чудное дѣло“! говорилъ объ этомъ очевидецъ казакъ.—„Сколько на своемъ вѣку видалъ я проводовъ; сколько разъ и самому доводилось оставлять родимую сторону, а ужъ такихъ проводовъ съ роду не видывалъ: *стонъ, вой, плачъ, рыданье со всего свѣта.* Какъ теперь смотрю, схватитъ иная женщина за шею сына, да такъ и замретъ, хошь водой разливай. Да что объ этомъ говорить,—не диво, что мать обнимаетъ сына,—иная, словно въ чаду, отъ сына къ лошади кинется, обовьетъ ее руками вокругъ шеи да и повиснетъ,—виситъ да плачетъ;—одно слово разставаніе было горькое! *А все оттого, что подъ Хиву шли, а Хива подъ заклятьемъ,*—это всѣ мы знали и чуяли, что походъ дешево не обойдется“ ([1]).

14 ноября 1839 года уральцы, въ составѣ двухъ полковъ, выступили въ походъ изъ Калмыковской крѣпости, а графъ Перовскій съ своимъ отрядомъ изъ Оренбурга; оба отряда соединились у р. Темира. Походъ, какъ извѣстно, не удался. Пройдя 650 верстъ отъ Оренбурга, Перовскій долженъ былъ вернуться назадъ: жестокая зима, бураны и непроходимыя снѣга, завалившіе путь и всѣ корма, лишили отрядъ всякой возможности идти дальше ([2]): „Безразсудно и грѣшно было бы мнѣ,—писалъ Перовскій атаману Кожевникову,—вести на вѣрную, безполезную и безславную гибель людей, которые вѣрою и правдою послужатъ еще царю и отечеству“ ([3]). — Въ концѣ іюня 1840 года, Перовскій въ своемъ письмѣ къ А. Я. Булгакову, между прочимъ, замѣчаетъ: „Я здѣсь (въ

([1]) Ур. в. арх., № 53, стр. 67 и 69.

([2]) См. приказъ Перовскаго объ отступленіи въ Р. арх. 1878 г., № 5, стр. 12. Интересныя письма В. И. Даля объ этомъ походѣ напечатаны въ Р. арх 1867 г., а его отчетъ о хивинской экспедиціи помѣщенъ, безъ его имени, въ Чт. Общ. Ист. и Др. за 1860 г. кн. I

([3]) Ур. в. вѣд. 1869 г., № 17.

Петергофѣ) уже недѣлю, встрѣченъ и принимаемъ какъ всегда, къ великому удивленію нѣкоторыхъ господъ, которые, Богъ вѣсть почему, полагали, что я въ полнѣйшей опалѣ. Его Величество милостиво сказалъ мнѣ, что несчастный исходъ возложенной на меня экспедиціи только утверждаетъ его въ убѣжденіи, что онъ не ошибся, поручивъ его мнѣ, что моею твердостью и рѣшительностію спасенъ отрядъ, гибель котораго была бы неминуема, въ случаѣ колебанія съ моей стороны. Словомъ теперь, какъ и всегда, мнѣ остается удивляться справедливости и здравому сужденію нашего Государя. До сихъ поръ, съ кѣмъ я ни говорилъ, это единственный человѣкъ, который, не бывши на мѣстѣ, судитъ о дѣлѣ, какъ будто онъ былъ тамъ“ (1).

Какъ бы то ни было, а Тарасовъ восторжествовалъ: несчастный исходъ хивинскаго похода еще болѣе укрѣпилъ вѣру казаковъ въ его необыкновенную начитанность и чистоту его жизни; голосъ его въ вопросахъ вѣры получилъ рѣшающее значеніе. Между тѣмъ, Перовскій, возвратившись изъ хивинской экспедиціи, принялся за продолженіе начатаго имъ дѣла на Уралѣ: онъ, попрежнему, преслѣдовалъ расколъ и раскольниковъ, заботясь о построеніи церквей: въ 1841 году въ Уральскомъ войскѣ было построено еще четыре церкви: Вознесенская въ Красномъ умстѣ, Успенская въ Январцевскомъ форпостѣ, Знаменская въ Кулагинской крѣпости и Покровская въ Сарайчиковскомъ форпостѣ. Въ 1842 г. скончался послѣдній попъ Успенской раскольнической часовни Василій (2). Воспользовавшись этимъ случаемъ, Перовскій настоялъ, чтобы Успенская часовня была обращена въ единовѣрческую церковь, существующую доселѣ на томъ

---

(1) Русскій архивъ 1878 г., № 5, стр. 45.

(2) Тотъ самый, о которомъ было упомянуто въ 3 главѣ настоящаго очерка.

же мѣстѣ. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и настойчивости графа Перовскаго и трудамъ наказныхъ атамановъ Покатилова и Кожевникова, въ Уральскомъ войскѣ было устроено, сверхъ прежнихъ семи храмовъ, еще одиннадцать церквей: пять въ самомъ Уральскѣ, изъ нихъ двѣ православныя, и шесть по форпостамъ: двѣ по верхней линіи, — отъ Уральска къ Оренбургу,—и четыре по нижней дистанціи,—отъ Уральска къ Гурьеву. Въ 1842 году, графъ Перовскій былъ пожалованъ въ члены государственнаго совѣта, а на его мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ. Къ какимъ результатамъ привели крутыя и рѣшительныя мѣры Перовскаго, относительно уральскаго раскола, увидимъ дальше.

V.

Результаты мѣръ графа Перовскаго, по отношенію къ уральскому расколу. — Некудышники и попы, по выбору общества. — Бударинскій попъ Я. М. Г—въ. — Новые переселенцы на Уралъ изъ внутренней Россіи.—Вторичное назначеніе въ Оренбургъ В. А. Перовскаго, его увольненіе и смерть. — А. А. Катенинъ и А. Д. Столыпинъ —*Мѣры Столыпина къ ослабленію раскола въ войскѣ.* — Состояніе образованія въ войскѣ до Столыпина и при немъ.—Открытіе духовнаго училища въ Уральскѣ. — Мастера и мастерицы и ихъ вліяніе на массу.—Устройство новыхъ школъ.— Священникъ Савва Севрюгинъ и его записка о причинахъ упорства раскольниковъ. — Средства, предложенныя имъ къ ослабленію раскола. — Осмотръ раскольническихъ скитовъ въ 1858 г. и составъ ихъ обитателей.

Смѣлыя и рѣшительныя мѣры Перовскаго противъ раскола привели совершенно къ противоположнымъ результатамъ, чѣмъ онъ надѣялся и желалъ: Уральское войско не было еще приготовлено къ нововведеніямъ, о которыхъ заботился Перовскій. Правда, чиновники, какъ болѣе образованная часть войска, иногда и переходили изъ раскола въ единовѣріе; но простые казаки тѣмъ упорнѣе держались старины и

предразсудковъ, чѣмъ настойчивѣе вынуждали ихъ къ обращенію въ православіе или единовѣріе. Между тѣмъ, въ оффиціальныхъ отчетахъ того времени, ежегодно показывалось значительное число присоединившихся къ единовѣрію, наприм. въ 1842 г. ихъ значилось 5396 душъ обоего пола (1); но жестоко ошибется тотъ, кто станетъ судить объ ослабленіи раскола въ Уральскомъ войскѣ по этимъ оффиціальнымъ цифрамъ. Дѣло въ томъ, что частные начальники, чисто изъ корыстныхъ расчетовъ, нерѣдко приписывали подчиненныхъ имъ казаковъ,—не спрашивая даже о желаніи послѣднихъ,—къ какому-нибудь приходу, или просто выставляли въ отчетѣ произвольную цыфру; а иногда и сами казаки, въ избѣжаніе преслѣдованій со стороны духовныхъ и гражданскихъ властей, записывались въ единовѣріе, чѣмъ и ограничивалось ихъ обращеніе. Въ 1842 г. число обратившихся особенно велико потому, что въ этомъ году, какъ намъ извѣстно, Успенская раскольническая часовня была обращена въ единовѣрческую церковь, а этого было уже достаточно, чтобы составители отчетовъ сочли всѣхъ прихожанъ Успенской часовни обратившимися въ единовѣріе. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что когда, съ переходомъ Перовскаго на службу въ Петербургъ, мѣры строгости противъ раскольниковъ уменьшились, числа обратившихся въ отчетахъ удивительно понизились: въ 1842 г. ихъ было 5396 душъ, въ 1844 — 2617; въ 1846—336; въ 1847—не было обращенныхъ вовсе; 1848 г. — 30 чел., въ 1849 г.— 45 человѣкъ (2).

Сверхъ того, оказалось, что многіе изъ означенныхъ въ числѣ обратившихся, попрежнему, ходили въ молитвенные дома и старались воспользоваться всякимъ появленіемъ странствующихъ раскольничьихъ

---

(1) Рябининъ, ч. I, стр. 83.

(2) Тамъ же.

поповъ, чтобы у нихъ перекрещивать дѣтей и перевѣнчиваться самимъ. Въ Успенской часовнѣ ежегодно крестилось отъ 1360 до 1460 младенцевъ; съ преобразованіемъ же часовни въ церковь, число крестившихся не возрастало выше 270 младенцевъ въ годъ, а въ другихъ церквахъ, во всѣхъ вмѣстѣ, оно не превышало 230, такъ что каждый годъ въ одномъ Уральскѣ оставалось не крещенныхъ младенцевъ 920 чел. Изъ сопоставленія этихъ цыфръ, можно до нѣкоторой степени видѣть, сколь было пріятно для Успенскихъ прихожанъ обращеніе ихъ часовни въ церковь, штатъ которой окончательно былъ утвержденъ указомъ 23 августа 1846 года. Между тѣмъ въ это время произошло значительное оскудѣніе священства въ тогдашнемъ старообрядческомъ мірѣ, такъ что даже у московскихъ раскольниковъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, оставалось только три попа, съ лишеніемъ которыхъ поповцы боялись утратить и свою вѣру. Но и при нихъ „многіе раскольники лишены были душеспасительныя пищи, младенцы ихъ многіе не получали святаго мyропомазанія, старые и молодые безъ исповѣди своихъ духовныхъ отцевъ и безъ причастія тѣла и крови Христовой помирали и погребались отъ своихъ, сущей братіи, безъ разрѣшенія молитвы, за что совѣсть повсечастно угрызала ихъ“ (1). Это оскудѣніе поповъ коснулось и уральскихъ раскольниковъ.

До своего преобразованія въ церковь, Успенская часовня имѣла прихожанъ во всѣхъ концахъ войсковой территоріи, такъ что служившіе при ней попы не могли успѣвать повсюду, чтобы удовлетворять религіознымъ нуждамъ „*часовенскихъ*“ прихожанъ. Вслѣдствіе этого, они самовольно благословляли когонибудь изъ стариковъ, который и долженъ былъ исполнять священническія обязанности въ мѣстахъ наи-

(1) Истор. очеркъ австр. священства, Монастырева, стр. 27.

болѣе отдаленныхъ отъ Уральска; такъ, напримѣръ, было сдѣлано въ холерное время 1830 и 1831 г. Когда Успенская часовня была обращена въ церковь, священники не стали принимать на себя никѣмъ неданной имъ власти благословлять другихъ, для совершенія церковныхъ требъ въ войскѣ; тогда благословеніе, полученное отъ бывшихъ часовенскихъ поповъ, стало преемственно передаваться отъ одного старика къ другому. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ бывшихъ часовенскихъ прихожанъ отдѣлились къ Никольской уральской церкви (1), а другіе обратились къ австрійской лжеіерархіи. Вслѣдствіе такого раздѣленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за отсутствіемъ сколько-нибудь грамотныхъ стариковъ, преемство благословенія прекратилось, и сектанты, не желавшіе присоединиться ни къ Никольской церкви, ни къ австрійцамъ, остались безъ священниковъ и даже безъ *благословённыхъ стариковъ;* въ такомъ положеніи очутились, напримѣръ, жители Бударинскаго и сосѣднихъ съ нимъ форпостовъ. Сдѣлавшись, по мѣстному выраженію, „*некудышниками*“ (2), не имѣя ни священника, ни благословеннаго старика, Бударинскіе сектанты чувствовали себя въ какомъ-то неловкомъ положеніи. Между ними начались сходки и сборища, на которыхъ судили и толковали, что необходимо-де избрать и благословить всѣмъ обществомъ старика, хотя-бы и малограмотнаго, который бы исполнялъ требы, а то „*что мы за христіане*“! говорили казаки. Сказано-сдѣлано: выборъ общества палъ на старика Я. М. Г—ва. Этотъ казакъ, избранный въ „попы“, все время служилъ въ линейной стражѣ; объ его грамотности ничего не было извѣстно: никто

(1) О возникновеніи этой церкви, основанной въ 1859 г., будетъ сказано дальше.

(2) Т. е. *никуда* непринадлежащіе: ни къ церкви, ни къ часовнѣ, ни австрійцамъ.

его не считалъ ни грамотнымъ, ни начетчикомъ. Не смотря на это, Г—въ принялъ предложеніе общества и ревностно принялся за свое дѣло: началъ крестить, исповѣдывать, пріобщать и брачить, не разсуждая о недѣйствительности совершаемыхъ имъ якобы таинствъ. Довѣріе, оказанное обществомъ Г—ву, возъимѣло свое дѣйствіе. Сдѣлавшись „попомъ", по выбору общества, Г—въ не только измѣнилъ образъ своихъ мыслей, но и образъ самой жизни: онъ началъ одѣваться прилично своему новому положенію, а съ большой теплой шапкой не разставался даже и лѣтомъ, чѣмъ рѣзко отличался отъ своихъ пасомыхъ. Схоронивъ свою жену, онъ началъ проводить суровый образъ жизни: выкопалъ у себя на заднемъ дворѣ землянку, поселился въ ней одинъ и повелъ отшельническій образъ жизни. Сюда собирались на молитву его приверженцы, но землянка скоро оказалась тѣсной для собраній, и его стали приглашать въ дома. Вскорѣ Г—въ устроилъ нѣчто въ родѣ клира: двѣ женщины изъ рода покойнаго начетчика К. С. Ч—ва, хорошо знавшаго грамоту, исполняли у Г—ва обязанности дьячковъ; онѣ могли бѣгло читать и звучно пѣть, — большаго Г—въ отъ нихъ и не требовалъ. „Дьячки"-женщины всюду сопровождали своего „батюшку" и пользовались отъ всѣхъ почетомъ и уваженіемъ: гдѣ только онѣ появлялись съ своимъ „*батюшкой*", тамъ имъ—и столъ, и угощеніе, и деньги. Особенно Г—въ и его причтъ пользовались большею честію, когда въ 1848 году Бударинскій и сосѣдніе съ нимъ форпосты посѣтила холера. Г—въ въ это время почти не жилъ и дома: его постоянно водили изъ дома въ домъ, возили изъ форпоста въ форпостъ, изъ хутора въ хуторъ, при чемъ, разумѣется, труды „*батюшки*" и его клирошанокъ щедро награждались. Иногда случалось, что Г—въ приходилъ къ больному въ то время, когда послѣдній находился уже въ предсмертной агоніи, но запоздалый Г—въ и тутъ получалъ должное за скитское покаяніе. Когда холера

усилилась, Г—въ, не успѣвая вездѣ, самъ избралъ и благословилъ другаго, подобнаго себѣ старика А. А. Н—на, жившаго въ Б—кѣ, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ для церковныхъ требъ. Съ этихъ поръ дѣла у Г—ва пошли гораздо успѣшнѣе. При отпѣваніи умершихъ, Г—въ и его помощникъ Н—ъ клали покойникамъ въ руки разрѣшительную молитву или *„рукописаніе“*, *въ которомъ*, вмѣсто подписи отца духовнаго, *обозначалось имя* послѣдняго часовенскаго *попа о. Василія*, умершаго въ 1842 г.,—такимъ уваженіемъ пользовался суровый мордвинъ Василій и послѣ своей кончины!—Бракосочетаніе въ церкви, по мнѣнію Г—ва, было величайшимъ грѣхомъ, а потому вѣнчанныхъ въ церкви онъ принималъ въ число своихъ пасомыхъ не иначе, какъ прочитавъ надъ ними очистительную молитву и наложивъ на нихъ эпитемію, за что каждый разъ получалъ особую плату.

На первой недѣлѣ Великаго поста, прихожане Г—ва собирались въ какой-нибудь домъ и приглашали сюда своего *„батюшку“*; Г—въ, явившись въ собраніе, прочитывалъ всѣмъ *скитское покаяніе* и на всѣхъ налагалъ одинаковую эпитимію. Прослушавшіе это покаяніе и исполнившіе эпитимію считались совершившими христіанскій долгъ исповѣди.

Г—въ, впрочемъ, не ограничивался одними требоисправленіями; онъ старался подѣйствовать на своихъ приверженцевъ и краткими категорическими наставленіями, въ родѣ слѣдующихъ: *„Умоляю васъ, братія моя, не мышайтесь крестомъ и не сообщайтесь съ церковными, велико бо есть въ томъ грѣхъ Богу“* и т. п.

Сосѣдніе киргизы даютъ иногда казакамъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, свои названія, нерѣдко удачно характеризующія ту личность, къ коей они относятся. Г—въ также скоро сдѣлался извѣстенъ киргизамъ, входя съ ними въ разныя торговыя предпріятія, и получилъ отъ нихъ названіе *„утрюкъ мулла“*, что значитъ—ложный попъ.

Благодаря своей прибыльной профессіи и нравственному убожеству той среды, въ которой вращался, Г—въ благоденствовалъ вполнѣ и немудрено, если онъ скопилъ себѣ порядочныя средства на черный день. Но прискорбнѣе всего то, что этотъ фактъ, по заявленію мѣстной газеты (1), не единственный: „въ Уральскомъ войскѣ,—замѣчаетъ она,—и теперь найдется немало Г—выхъ, которые живутъ припѣваючи, на счетъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ своихъ собратій".

Въ то время, какъ бударинскіе казаки избирали обществомъ стариковъ, для совершенія церковныхъ требъ, изъ своей же среды; другіе принимали къ себѣ разныхъ разстриженныхъ и бѣглыхъ поповъ, которые ихъ брачили, исповѣдывали, пріобщали и крестили ихъ дѣтей. Въ случаѣ недостатка такихъ бродягъ, они обращались въ Сергіевскій скитъ или же сами благословляли какого-либо старика, подобно Бударинскимъ сектантамъ. Преслѣдованіе такихъ поповъ и странствующихъ расколоучителей, со стороны властей, не достигали цѣли, потому что эти *гости* тщательно укрывались своими поклонниками, которыхъ всегда было достаточно въ войскѣ. Между тѣмъ богатый рыбою Уралъ не переставалъ манить къ себѣ жителей центральной Россіи; немало благопріятствовала переселеніямъ сюда и удивительная дешевизна въ то время жизненныхъ продуктовъ на Уралѣ: за 20 к. асс. здѣсь, въ пятидесятыхъ годахъ, можно было купить пудъ пшеничной муки; ф. мяса стоилъ отъ 2 до 3 к. асс., возъ лучшихъ арбузовъ—20 и 30 к., сотня кизяковъ (2)—20 к. асс. и т. п. Особенно много сюда шло изъ губерній Симбирской, Казанской, Нижегородской (3),

---

(1) Ур. в. вѣд. 1873 г. № 19.

(2) Дрова, приготовляемыя изъ навоза.

(3) Наиболѣе зажиточные купцы-иногородцы, проживающіе до сихъ поръ въ Уральскѣ, по преимуществу нижегородцы, напр. братья Ванюшины.

Тульской, Рязанской и Саратовской. Такъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, сюда переселилось до десяти семей изъ одной деревни Кочемы (1), или Фельчакова, георгіевскаго уѣзда рязанской губерніи. Старовѣры-казаки принимали переселенцевъ съ полною охотою; предлагали имъ помощь на первое обзаведеніе; пріискивали для нихъ работу и, въ концѣ концевъ, увлекали ихъ въ свою секту.

Генералъ-лейтенантъ Обручевъ и преемникъ Кожевникова наказный атаманъ уральскаго войска К. К. Геке относились къ расколу довольно пассивно; дорожа, можетъ быть, своею популярностью въ войскѣ, или же, не чувствуя себя достачно къ тому подготовленными, они опасались затрогивать вопросы вѣры и возбуждать въ казакахъ недовольство, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, могло перейти въ открытое возмущеніе и причинить немало хлопотъ правительству.

Въ пятидесятомъ году въ Уральскѣ былъ освященъ вновь отстроенный соборъ, во имя св. Александра Невскаго,—единственная до сихъ поръ православная церковь во всемъ Уральскомъ войскѣ, если не считать Казанской военной, устроенной при казармахъ и приписанной къ Александро-Невскому собору. Въ томъ же году, намѣсто уволеннаго отъ должности военнаго губернатора Обручева, назначенъ снова генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи В. А. Перовскій. Еще въ 1837 г. Перовскій писалъ изъ Оренбурга къ А. Я. Булгакову (2): „Мое мѣсто не такъ видно и не такъ почетно, но оно даетъ мнѣ возможность доказать, что я могу быть полезенъ. Скажу больше: *на немъ я сдѣлался необходимъ* и въ настоящее время трудно было-бы замѣнить меня; *такъ много начато здѣсь дѣлъ, ключъ отъ которыхъ въ рукахъ у*

(1) Кочема въ 50 верстахъ отъ Гусляцъ.

(2) Русск. архивъ 1878 г., № 5, стр. 33.

одного меня. Словомъ, если я осужденъ пробыть здѣсь еще нѣсколько лѣтъ, то надѣюсь, послѣ меня сохранится слѣдъ, который вознаградитъ меня за остальную жизнь".

По увольненіи Обручева, дѣйствительно не могли сдѣлать лучшаго выбора, назначивъ на его мѣсто В. А. Перовскаго, хорошо изучившаго Оренбургскій край, въ первое управленіе имъ. Но на этотъ разъ Перовскій, повидимому, отправился на прежнее мѣсто служенія нѣсколько съ иными взглядами на расколъ, получивъ, по выраженію его друга, В. А. Жуковскаго „*опытъ сердца*". Вотъ что, между прочимъ, писалъ ему этотъ другъ (1) изъ Бадена, въ іюлѣ 1851 года: „это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствія, съ *новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на земное, съ новыми понятіями о жизни*, взятыми въ изъустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и *стремленіе исполнять волю Спасителя тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе*—лучшей дороги ты избрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что тебѣ сказали тѣ святыя ночи ожиданія смерти, въ которыхъ изъ Своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель. Ты человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. *Возьми съ собою своего Спасителя въ земную дѣятельность; пусть будетъ Онъ съ тобою на оренбургскомъ губернаторствѣ*" (2).

Неблагопріятные результаты, къ которымъ привели смѣлыя и рѣшительныя мѣры противъ раскола, научили Перовскаго быть осторожнѣе и вѣротерпимѣе, по отношенію къ уральцамъ. Въ 1850 г. послѣдовалъ рядъ указовъ (3), которыми воспрещались въ

---

(1) В. А. Жуковскій.

(2) Русск. архивъ 1878 г., № 3, 378.

(3) 2 февр., 5 іюня и 8 октября.

казачьихъ земляхъ розыски о незаконнорожденныхъ и опредѣлялся порядокъ зачисленія ихъ и сохраненія родовыхъ фамилій, при записи дѣтей въ станичныя книги. Но сводные браки преслѣдовались попрежнему: такъ уральскіе казаки Давыдовы и Бѣлугинъ были отданы Перовскимъ за такіе браки подъ судъ. Впрочемъ вниманіе Перовскаго скоро было отвлечено отъ раскола военными событіями: Севастопольской войной и походомъ въ степь, который Перовскій совершилъ въ 1853 г. Памятникомъ этого похода, извѣстнаго подъ именемъ *Ахмечетскаго*, остался фортъ Перовскій. Въ нынѣшнее царствованіе Перовскій былъ пожалованъ въ графы. Въ 1857 г. тяжкая болѣзнь заставила его покинуть службу, а 8 декабря того же года его не стало: онъ умеръ въ Алупкѣ, въ Крыму, и погребенъ въ приморской скалѣ Георгіевскаго монастыря.

Преемникомъ графа Перовскаго былъ генералъ-адьютантъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ. Въ то же время наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска былъ назначенъ полковникъ, а впослѣдствіи генералъ-маіоръ свиты Его Величества, Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ. Новый атаманъ далеко не походилъ на своего предшественника, К. К. Геке по своимъ отношеніямъ къ уральскимъ раскольникамъ.

Дѣятельность А. Д. Столыпина въ Уральскомъ войскѣ вообще и, въ частности, въ исторіи раскола прошла небезслѣдно. Занявъ мѣсто наказнаго атамана, онъ тотчасъ же обратилъ вниманіе на всѣ стороны быта уральцевъ и преимущественно на расколъ. Чтобы ознакомиться со взглядомъ Столыпина на уральскій расколъ и съ его мѣропріятіями въ отношеніи раскола, перейдемъ къ изложенію фактовъ, заимствованныхъ нами изъ оффиціальныхъ бумагъ уральскаго войсковаго архива.

Въ 1858 году (1) Столыпинъ доносилъ оренбургскому епископу Антонію: „Съ 1842 г. всего некрещенныхъ въ Уральскомъ войскѣ младенцевъ 13,800; за исключеніемъ одной трети умершихъ дѣтей, оставалось некрещенныхъ 9200 чел. Прибавьте къ этой страшной цыфрѣ то, что число раждающихся далеко больше теперь, чѣмъ до 1842 г. Спрашивается: можно ли вопросъ о расколѣ откладывать, когда ежегодно, ежедневно раждаются и умираютъ дѣти, непринятыя въ нѣдра церкви?—И это происходитъ не въ одномъ уголкѣ Уральскаго войска, а въ цѣлой Россіи! — Ясно, что каждый день промедленія есть тяжкій грѣхъ на душѣ тѣхъ, которымъ Государь Императоръ поручилъ разборъ этого вопроса; *тяжкій грѣхъ на душѣ ѳеологовъ-схоластиковъ*, которые буквѣ придаютъ болѣе важности, чѣмъ духу, *которые вливаютъ желчь въ ученіе христіанское, въ ученіе любви*, и тѣмъ превращаютъ вопросъ о расколѣ въ вопросъ безъисходный, въ государственную язву“ (2).

Въ то время какъ новорожденные оставались и умирали безъ крещенія, взрослые вступали въ незаконное сожительство. Такъ, казакъ Иртецкаго форпоста Ѳедотъ Савинъ въ апрѣлѣ 1857 года, безъ бракосочетанія, вступилъ въ непозволительное супружество съ дочерью казака Рубежнаго форпоста Ѳедота Плотникова—Евдокіею (3), которая въ 1855 году такимъ же образомъ выходила въ замужество за казака Требушинскаго хутора, Григорія Сладкова, но, проживъ съ нимъ два года, развелась (4). Иногда такіе противозаконные браки казаковъ совершались

---

(1) Въ іюлѣ мѣсяцѣ.

(2) Въ Ур. в. архивѣ.

(3) Рапортъ священника Январцевской Успенской церкви, Виссаріона Голованичева, къ благочинному уральскихъ единовѣрческихъ церквей, протоіерею Саввѣ Назарову, отъ 15 октября 1857 г, за № 51

(4) Рапортъ къ нему же за № 33, въ ноябрѣ 1855 года.

и внѣ войсковыхъ предѣловъ: такъ, казакъ Кирсановскаго форпоста, Ѳедоръ Варѳоломеевъ Чистоблинниковъ, обвѣнчался въ Казани съ Екатериной Михайловой. Виновные въ сводныхъ бракахъ были отданы подъ судъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои находились на внѣшней службѣ; но ихъ также велѣно было предать суду, по окончаніи срока службы и по возвращеніи ихъ въ войско.

Страхъ отвѣтственности предъ судомъ, недостатокъ въ иныхъ мѣстностяхъ бѣглыхъ поповъ и вліяніе со стороны епархіальной власти заставили нѣкоторыхъ, вопреки ихъ желанію, вѣнчаться въ единовѣрческихъ церквахъ. Напримѣръ, закоренѣлые Разсыпинскіе раскольники, не имѣя бѣглыхъ поповъ, рѣшились, по предложенію преосвященнаго Антонія, обвѣнчать своихъ дѣтей въ уральской Успенской церкви, съ присоединеніемъ ихъ къ единовѣрію (1); примѣру ихъ послѣдовали и раскольники Бураннаго форпоста. Но скоро страхъ отвѣтственности предъ закономъ исчезъ, такъ какъ казаки Семенъ Бѣлугинъ, Иванъ и Семенъ Давыдовы, находившіеся подъ судомъ за сводные браки, были освобождены (2). Между тѣмъ, Антоній, не зная объ этомъ, обратился къ Столыпину съ письмомъ, прося его оказать какое-либо содѣйствіе въ пресѣченіи сводныхъ браковъ (3). Столыпинъ отвѣчалъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ оказать въ этомъ дѣлѣ никакого содѣйствія, и ссылается на предписаніе генералъ-аудиторіата, полученное имъ относительно дѣла о сводныхъ бракахъ казаковъ Давыдовыхъ и Бѣлугина. Въ заключеніе своего письма, Столыпинъ говоритъ, что ему извѣстны тѣ наставленія, которыя преосвященный Антоній далъ

---

(1) Письмо еп. Антонія къ Столыпину, отъ 10 янв. 1858 г., за № 70. Въ Ур. в. арх.

(2) Впослѣдствіи они были удалены изъ войска въ Богатинскій форпостъ, находящійся почти на самомъ берегу Каспійскаго моря.

(3) Отнош. еп. Антонія, отъ 14 декабря 1857 г. Тамъ же.

протоіерею Назарову, касательно принятія изъ раскола желающихъ вѣнчаться въ церкви; при этомъ Столыпинъ просилъ преосвященнаго, чтобы онъ уполномочилъ его частнымъ образомъ передать протоіерею Назарову, дабы послѣдній былъ снисходительнѣе въ данномъ случаѣ. „Такъ какъ изъ рѣшенія вышеприведенныхъ казаковъ“, — замѣчаетъ атаманъ,—„всякій знаетъ, что въ сводномъ бракѣ онъ можетъ жить безнаказанно, а потому *ни одинъ казакъ не пойдетъ вѣнчаться въ церковь, если его заставятъ исповѣдываться и пріобщаться*“ (1). Преосвященный Антоній, какъ это видно изъ его отвѣтнаго письма къ атаману, согласился съ его мнѣніемъ. Надо, впрочемъ замѣтить, что Столыпинъ лично былъ весьма недоволенъ исходомъ дѣла о сводныхъ бракахъ, въ пользу подсудимыхъ, и свое недовольство высказалъ въ конфиденціальномъ письмѣ къ оренбургскому генералъ-губернатору, А. А. Катенину. „Я получилъ отъ вашего превосходительства, писалъ Столыпинъ, предписаніе, по которому освобождаются казаки Давыдовы и Бѣлугинъ, бывшіе подъ судомъ за сводные браки, и въ тотъ же самый день получилъ я увѣдомленіе *о новыхъ семи сводныхъ бракахъ*. Вотъ фактъ, который такъ краснорѣчивъ, что я считаю всякія умствованія съ моей стороны излишними. На словахъ я высказалъ вашему превосходительству правила, которымъ я неизмѣнно слѣдовалъ и буду слѣдовать въ теченіе всей службы моей; я говорилъ вамъ, что, по моему убѣжденію, администрація какого бы то ни было края должна управляться одной идеей; частные начальники въ администраціи, если они не проникнуты этой общей идеей и не дѣйствуютъ въ духѣ главнаго начальника, суть люди вредные, даже и тогда, когда мысли ихъ правильны, но несовершенно сливаются съ главноуправ-

(1) Тамъ же. Письмо Столыпина къ Антонію, отъ 26 декабря 1857 г., № 441.

ляющей мыслію. Чтобы сдѣлалось съ машиной, еслибъ одно изъ колесъ ея повернулось въ противоположную сторону?—Потому: *подъ чьимъ бы я начальствомъ ни служилъ, я постоянно буду*, подобно колесу машины, *слѣдовать по данному мнѣ направленію;* кто бы ни служилъ подъ моимъ начальствомъ, *никому не позволю свернуться съ пути, указаннаго мною!*

Бываютъ случаи, когда въ человѣкѣ долгъ службы и личныя убѣжденія не сходятся; тогда добросовѣстный подчиненный долженъ просить начальника разъяснить ему главную мысль, которую, можетъ быть, онъ превратно понимаетъ, — одинъ изъ такихъ случаевъ представляется мнѣ нынѣ; потому прошу ваше превосходительство о назиданіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаю высказать и мои личныя убѣжденія".

Указавъ на то, что уральскіе казаки-раскольники не отличаются религіознымъ фанатизмомъ, Столыпинъ продолжаетъ: „покорство же начальству до сихъ поръ такъ сильно въ казакахъ, что, будучи почти всѣ раскольники, *они вѣнчаются въ церквахъ* единственно *потому, что это приказано:* дѣло о сводныхъ бракахъ Бѣлугина и Давыдовыхъ было единственное, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ командованія войскомъ моего предмѣстника; только когда распространился слухъ, что Давыдовы будутъ освобождены, поступило второе дѣло о казакахъ *Краснятовыхъ* (1). Раждаются вопросы: могутъ ли мѣры, принятыя противъ раскольниковъ фанатиковъ въ религіозномъ отношеніи, распространяться и быть такъ же снисходительными въ отношеніе *политическаго раскола?* — Нѣтъ! *Противъ политическаго раскола* въ военномъ и пограничномъ

(1) Сводныхъ браковъ было весьма много; но дѣло въ томъ, что нелегко было въ этомъ уличить виновныхъ. Столыпинъ, напримѣръ, не упоминаетъ о сводныхъ бракахъ казаковъ Савина, Сладкова и Чистоблинникова, о чемъ было сказано нами выше.

народопаселеніи, *считающемъ своею отчизною не Россію*, а Уральскую землю, *надо принимать мѣры энергичныя*. Можетъ ли начальникъ какого бы то ни было войска руководствоваться тѣми же правилами, какъ гражданскій начальникъ, управляющій населеніемъ, неподходящимъ подъ военную дисциплину, т. е. можетъ ли онъ прибѣгать къ увѣщаніямъ, рискуя, разумѣется, не быть послушаннымъ и этимъ дать почувствовать казаку, что онъ далеко свободнѣе солдата, потому что существуютъ у его начальника желанія, которыя не суть приказанія и *которымъ разрѣшено не повиноваться?*—Нѣтъ! *Военный начальникъ долженъ запрещать или позволять*; среднее, т. е. увѣщаніе, или—другими словами — изъявленіе желанія, на которое казакъ или солдатъ можетъ отвѣтить отказомъ, существовать для военнаго начальника не можетъ, безъ ущерба для дисциплины".

Таковъ былъ взглядъ на дѣло отношенія къ уральскому расколу ближайшаго начальника казаковъ, ихъ наказнаго атамана Столыпина. Дальше мы увидимъ, насколько дѣло отвѣчало этимъ теоретическимъ соображеніямъ, а теперь обратимся снова къ небезъинтересному письму Столыпина. „Отъ общихъ вопросовъ,— продолжаетъ онъ, — перехожу къ частнымъ, которые возражаются, вслѣдствіе освобожденія безъ взысканія виновныхъ въ сводныхъ бракахъ казаковъ Давыдовыхъ и Бѣлугина. Это освобожденіе имѣло уже свои послѣдствія, какъ ваше превосходительство видите изъ первыхъ строкъ моего письма. *Теперь* сводные браки, или, чтобы вѣрнѣе сказать, *прелюбодѣйныя связи будутъ совершаться каждый день*. Долженъ ли я, подобно предмѣстнику моему, компрометировать власть свою, отдавая подъ судъ виновныхъ, чтобы они были прощены, и тѣмъ доказывать имъ, что я иду противъ желанія Государя моего, находя вину тамъ, гдѣ онъ ея не находитъ; долженъ ли я покровительствовать разврату, дозволяя его"?

„Въ тяжбахъ, которыя неминуемо возродятся для полученія наслѣдства, надо ли считать дѣтей отъ сводныхъ браковъ законными или незаконными (1)?— Если считать ихъ законными, то какъ различать живущихъ въ сводныхъ бракахъ отъ живущихъ прелюбодѣйно? Смѣю увѣрить ваше превосходительство, что различія тутъ нѣтъ: казаки, которые говорятъ, что они вѣнчаны неизвѣстнымъ бѣглымъ попомъ—лгутъ; *уральцы* такъ *мало религіозны*, что не нуждаются въ благословеніи духовномъ, къ тому же *бѣглые попы слишкомъ* рѣдко заѣзжаютъ въ войско и *дорого берутъ*. Если бы непремѣнно нужно было вѣнчаться у попа, то казакъ скорѣе пойдетъ къ единовѣрческому, *потому что дешевле*. Прочитывая письмо свое, я невольно сомнѣваюсь, что не довольно ясно передалъ нѣкоторыя свои мысли. Я говорилъ, что противъ уральскаго раскола необходимы мѣры энергическія; но Боже меня упаси разумѣть подъ этимъ *религіозное гоненіе*"!

„Итакъ, рискуя утомить вниманіе вашего превосходительства, я принужденъ объясниться, — я долженъ опредѣлить точнѣе энергичныя мѣры, мною предложенныя, не то я уподоблюсь модпымъ торгашамъ громкихъ, но пустыхъ рѣчей; уподоблюсь теперешнимъ умствователямъ, которые указываютъ на зло, не указывая на средства для искорененія его. Начать ли мнѣ съ того, что лучшее средство для искорененія раскола есть: *усиленіе народнаго образованія, устройство церквей, образованіе самихъ священниковъ*? Все это есть неопровержимая истина, есть конечно *любимая мысль* Государя *Императора*, пото-

---

(1) Вопросы эти, какъ извѣстно, рѣшены Государственнымъ Совѣтомъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 19 апрѣля 1874 г., и тогда же утверждены Высочайшею властію. См. «Правила о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ, инструкція чинамъ полицейскихъ управленій по этому предмету, разныя формы и циркуляры» Симбирскъ 1876 г. Составилъ Гребенчуковъ.

му въ маленькой сферѣ моей и я буду всѣми силами работать къ осуществленію оной; но все это еще въ будущемъ,—необходимы энергичныя мѣры въ настоящемъ. Оставлю, какъ уже я сказалъ, громкія рѣчи журналистамъ, буду говорить параграфами:

§ 1. *Разъ уже прощенные не могутъ быть наказаны;* но если Государь Императоръ узнаетъ отъ вашего превосходительства, что *расколъ въ Уральскомъ войскѣ есть безвѣріе, а не фанатизмъ,* и не можетъ сравняться съ расколомъ русскимъ, по выпеизложеннымъ мною причинамъ, если онъ узнаетъ послѣдствія своего милосердія,—можетъ быть, почтетъ онъ нужнымъ парализировать дѣйствіе прощенія, имъ дарованнаго. Парализировать оное можно слѣдующими указами: а) дѣти отъ сводныхъ браковъ рожденныя, какъ блудно прижитыя, считаются незаконными и не имѣютъ права на наслѣдство; б) впредь сводныхъ браковъ въ Уральскомъ войскѣ не признавать, потому не отдавать за оные подъ судъ, а считать ихъ блудодѣяніемъ, предоставляя мѣстному начальству наказывать за оное военнодисциплинарными мѣрами.

§ 2. Уничтожить скиты въ Уральскомъ войскѣ, а на мѣсто оныхъ учредить единовѣрческіе монастыри. Поручить мнѣ составить по сему предмету предположеніе, но пока не оглашать сей мѣры.

§ 3. Предложить секретно мѣстному духовенству не слѣдить строго за отпаденіями. Вѣнчать раскольниковъ какъ православныхъ, не принуждая предъ тѣмъ исповѣдываться и пріобщаться.

§ 4. На бумагѣ считать расколъ уничтоженнымъ въ войскѣ Уральскомъ, то есть нигдѣ оффиціально не поминать о немъ. Правительство докажетъ этимъ свое пренебреженіе къ политическому значенію раскола.

Въ заключеніе скажу, что мѣры, предлагаемыя мною, разумѣется, не уничтожатъ раскола; но уменьшатъ политическое значеніе онаго. Вѣнчанные въ церквахъ, разумѣется, не будутъ всею душею при-

надлежать къ ней; но вошедшіе разъ въ церковь, можетъ быть, пойдутъ и вторично, а благодать Божія сильна“ (1)!

Изъ этого письма А. Д. Столыпина видно, какія онъ желалъ употребить мѣры къ ослабленію раскола въ политическомъ отношеніи. и какого онъ былъ взгляда на самый расколъ въ Уральскомъ войскѣ.

Главными и болѣе существенными мѣрами вообще къ ослабленію раскола, какъ мы видѣли, онъ считалъ: устройство церквей, образованіе духовенства и усиленіе народнаго образованія въ войскѣ, о чемъ онъ постоянно и заботился во все время своего управленія войскомъ. При немъ были построены церкви въ форпостахъ: Кушумскомъ (хуторѣ), Горячинскомъ, Бударинскомъ и Сламихинскомъ (хуторѣ), Ильинская церковь — въ Илецкомъ городкѣ и Никольская—въ Уральскѣ, какъ увидимъ это дальше. Прежде дѣти уральскаго духовенства воспитывались въ уфимской семинаріи; но отдаленность отъ Уральска уфимской семинаріи (2), незначительное количество и мизерность войсковыхъ стипендій были причиною того, что въ Уфимскую семинарію поступало крайне ограниченное число войсковыхъ воспитанниковъ, такъ что за все время существованія Уфимской семинаріи до 1859 года изъ нея вышло только десять человѣкъ изъ дѣтей уральскаго духовенства, которые кончили полный семинарскій курсъ, но и тѣ не всѣ поступили въ духовное званіе. Чтобы облегчить доступъ къ образованію дѣтямъ священно-церковно-служителей и вообще поднять уровень образованія въ войсковомъ духовенствѣ, Столыпинъ исходатайствовалъ позволеніе на от-

---

(1) Въ Ур. в. арх. Дѣло о построеніи церквей Никольской — въ Уральскѣ—и Ильинской въ Илецкомъ городкѣ. Письмо отъ 26 декабря 1857 г., № 40.

(2) Уральскъ отъ Уфы отстоитъ на 600 слишкомъ верстъ.

крытіе духовнаго четырехкласнаго училища въ самомъ Уральскѣ, которое и было имъ открыто въ 1859 году. До 1863 г. оно существовало на средства, отпускаемыя изъ войсковаго капитала, а въ 1863 году было окончательно утверждено святѣйшимъ Сѵнодомъ съ тѣмъ, чтобы на содержаніе его расходовалось 1478 р.. и до тѣхъ поръ, покуда этотъ расходъ не будетъ покрываться остатками отъ свѣчной суммы войсковыхъ церквей, опредѣлено отпускать въ счетъ ассигнованной суммы 500 р. изъ войсковаго капитала; кромѣ того, сиротамъ и бѣднымъ воспитанникамъ велѣно производить бурсачныя деньги по 28 р. 26 коп. въ годъ—каждому (1). Съ учрежденіемъ въ Уральскѣ духовнаго училища и съ открытіемъ въ Самарѣ духовной семинаріи, дѣтямъ войсковаго духовенства представлялась полная возможность получить первоначальное духовное образованіе въ своемъ родномъ городѣ, проживая у родителей или родственниковъ и знакомыхъ; за семинарскимъ образованіемъ также не нужно было ѣхать въ Уфу, за шесть сотъ слишкомъ верстъ, а всего за 280, въ сосѣдній городъ Самару, имѣвшій и имѣющій постоянныя торговыя сношенія съ Уральскомъ.

Въ первое время смотрителемъ училища былъ назначенъ протоіерей православнаго Александро-Невскаго собора А. П. Добровидовъ, который преподавалъ церковное пѣніе, по напѣву православныхъ церквей; но потомъ мѣсто это занялъ священникъ единовѣрческой церкви Николай Назаровъ, который ввелъ, вмѣсто православнаго, единовѣрческое пѣніе, и самое училище было названо „единовѣрческимъ“ (2). Открывая это училище, Столыпинъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что оно всегда будетъ имѣть достаточное количество учащихся, изъ коихъ значительная часть постарается получить семинарское образованіе и, такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ устранится

(1) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 29, стр. 2.

(2) Это послѣднее названіе оно удержало и до сихъ поръ.

недостатокъ священно-служителей, спеціально подготовленныхъ къ своему званію; но училище, къ сожалѣнію, не оправдало впослѣдствіи надеждъ Столыпина (1), что, впрочемъ, зависѣло уже не отъ него.

Что касается народнаго образованія въ Уральскомъ войскѣ, то оно до этого времени почти исключительно находилось въ рукахъ „*мастеровъ*“ и „*мастерицъ*“, состоявшихъ изъ отставныхъ казаковъ-чиновниковъ и старыхъ вдовъ и дѣвицъ, *коихъ* по ихъ выраженію, „*Господь сподобилъ грамоти*“. Курсъ образованія у этихъ педагоговъ состоялъ въ изученіи азбуки, складовъ, часослова, псалтири и „кануновъ“. Отъ учащагося требовалось, чтобы онъ могъ бѣгло читать только тѣ книги, которыя изучалъ, и ему не ставилось въ вину, если онъ не могъ прочитать ни одной страницы изъ Евангелія на славянскомъ или русскомъ языкѣ. Плата за обученіе взималась не погодно и не помѣсячно, а по предметамъ, напр., за обученіе чтенію часослова 12 р., за псалтирь 30 р. асс. (2) и т. п.

Посѣтителю такой „мастерской“ представлялась слѣдующая картина: десятка два мальчиковъ и дѣвочекъ читали всѣ вслухъ и нѣсколько на распѣвъ свои уроки: въ одномъ углу твердили азбуку; въ другомъ—гнусливо напѣвали какой-либо „канунъ“; изъ третьяго угла слышалось: „Богородице, *обрадованная* Марія“; изъ четвертаго; „*и во вѣки вѣкомъ*“.—Учащіеся по временамъ украдкой взглядывали то на мастерицу, то на висѣвшую на стѣнѣ „*двухвостку*“ (3), которая

---

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 29. По случаю открытія въ 1870 году Уральской войсковой гимназіи, мѣстная газета старалась провести мысль о безполезности уральскаго духовнаго училища и о необходимости закрыть его; но получила за это предостереженіе—и училище существуетъ до сихъ поръ.

(2) Уральск. в. вѣд. 1868 г., № 6.

(3) Широкій ремень, разрѣзанный на концѣ на двое и навязанный на черенокъ.

была единственнымъ педагогическимъ средствомъ къ усиленію вниманія и прилежанія въ учащихся.

А. Д. Столыпинъ, смотрѣвшій на образованіе какъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ ослабленію раскола, не могъ не обратить вниманія на такое ненормальное положеніе народнаго образованія въ Уральскомъ войскѣ. Кромѣ того, мастера и мастерицы всегда были блюстителями старыхъ обрядовъ и обычаевъ; забивая головы учащихся, они много содѣйствовали религіозной изолированности казаковъ, и способствовали поддержанію нравственнаго застоя ихъ даже въ то время, когда были предпринимаемы противъ такого односторонняго направленія мѣры со стороны высшаго войсковаго начальства. Само собою понятно, что оставлять дѣло народнаго образованія въ такомъ видѣ было невозможно,—нужны были школы, на устройство которыхъ Столыпинъ и обратилъ вниманіе. Впрочемъ, на первое время, въ виду недостатка учителей для народнаго образованія, атаманъ Столыпинъ обратился къ тѣмъ же мастерамъ и мастерицамъ, устроивъ только надъ ихъ обученіемъ контроль. Съ этою цѣлію учреждено было имъ особое общество грамотности, состоявшее изъ подполковниковъ Чурѣева, Обратнова, войсковаго старшины Петра Бородина, ротмистра Мизинова и нѣсколькихъ торговыхъ казаковъ. Это общество, открытое 5 марта 1859 года, должно было слѣдить за дѣломъ обученія мастеровъ и мастерицъ и имѣть особый запасный капиталъ, для поощренія лучшихъ изъ нихъ и для удовлетворенія различныхъ нуждъ въ дѣлѣ обученія. Учрежденіе и открытіе этого общества было встрѣчено многими весьма сочувственно. Въ самый день его открытія, учители уральскаго войсковаго училища, состоявшіе изъ казачьихъ офицеровъ, пожертвовали въ распоряженіе общества 5% изъ своего годоваго жалованья, что составило 100 р., хотя жалованье ихъ не превышало 285 р. въ годъ, а нѣкоторые получали

не болѣе 55 р., т. е. менѣе пяти рублей въ мѣсяцъ (1). Поставивъ такимъ образомъ дѣло мастеровъ и мастерицъ, Столыпинъ продолжалъ заботиться о пріисканіи народныхъ учителей и открывалъ школы. До 1857 г. во всемъ войскѣ было только одно училище въ Уральскѣ (2) съ 75 мальчиками, а чрезъ два года явилось уже 32 школы, въ которыхъ было до 800 учащихся, въ томъ числѣ 65 дѣвочекъ въ трехъ женскихъ школахъ. Эти школы находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Уральскѣ 6, въ Илецкомъ городкѣ 2, въ Гурьевѣ 2, въ Сакмарскѣ 1 и еще въ 21 форпостѣ, по одной школѣ въ каждомъ (3). Къ сожалѣнію, школы, открытыя Столыпинымъ, плохо и туго прививались къ своей почвѣ: „въ эту кашу“,—по выраженію одного уральца,—„не доставало масла: денегъ и расположенія казаковъ учить дѣтей своихъ“.—На постройку зданій для школъ особаго капитала не было отпущено, а потому пришлось прибѣгать къ пожертвованіямъ, когда же ихъ оказывалось недостаточно, то постройка возлагалась на самихъ жителей. При открытіи школъ также упущено было изъ виду другое важное условіе ихъ существованія: на жалованье учителямъ и на поддержку школъ не было ассигновано какой-либо опредѣленной суммы. Слѣдствіемъ этого было то, что школы, почти вслѣдъ за своимъ открытіемъ, стали приходить въ упадокъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ явилась необходимость закрыть нѣсколько школъ за неимѣніемъ въ нихъ учениковъ и учителей, остальныя же поддерживались понудительными мѣрами (4).

---

(1) См. журналъ: «Воспитаніе» за 1859 г., стр 81. Слич. тамъ же стр. 340.

(2) Преобразованное въ 1870 г. въ классическую гимназію.

(3) Тамъ же. Мѣры новаго начальства Ур. каз. войска къ народному образованію. М. Курилина.

(4) Докладн. Зап. исправл. д. нак. атамана самарскому и оренб. генералъ-губернатору, под. 12 янв. 1863 г. № 171. Слич. Рябининъ, ч. I, стр. 91.

Считая, на ряду съ школою, устройство церквей, образованіе народа и развитіе войсковаго духовенства радикальными мѣрами къ ослабленію раскола, Столыпинъ сознавалъ, что на все это требовалось время и средства, а между тѣмъ, въ виду раскольнической пропаганды, необходимы были неотложныя и энергичныя мѣры, которыми онъ считалъ: 1) признаніе дѣтей, рожденныхъ отъ сводобрачившихся, незаконными; 2) уничтоженіе въ войскѣ раскольническихъ скитовъ, съ замѣною ихъ единовѣрческими монастырями; 3) бракосочетаніе раскольниковъ, изъявившихъ желаніе вѣнчаться въ церквахъ, безъ принужденія ихъ къ исповѣди и причастію; и 4) уничтоженіе раскола на бумагѣ, при оффиціальной перепискѣ. Всѣ эти мѣры, какъ мы видѣли, были изложены имъ, въ видѣ четырехъ параграфовъ, въ письмѣ къ А. А. Катенину, который, раздѣляя мнѣніе атамана, вошелъ по этому дѣлу въ сношеніе съ военнымъ министромъ.

Между тѣмъ Столыпинъ, продолжая изучать расколъ, въ январѣ 1858 г., обратился къ священнику Успенской уральской церкви Саввѣ Севрюгину (1), прося его разъяснить, въ чемъ именно заключаются главныя причины упорства раскольниковъ противъ присоединенія ихъ къ православной церкви. О. Савва, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ и совѣщаній съ раскольниками, сообщилъ Столыпину, что *главная причина упорства раскольниковъ заключается въ „тяжкословныхъ порицательствахъ на двуперстное сложеніе“*, содержащихся въ новопечатныхъ книгахъ. Эти *„тяжк-*

---

(1) Савва Севрюгинъ сначала былъ богатый торговый казакъ, раскольникъ и начетчикъ; потомъ перешелъ въ Успенскую церковь, и въ началѣ 50-хъ годовъ прямо изъ казаковъ былъ рукоположенъ въ Уфѣ въ священника къ Успенской церкви. Будучи священникомъ, о. Савва былъ ревнителемъ церкви.—постоянныя собесѣдованія съ раскольниками были его всегдашнимъ искреннимъ желаніемъ; и не безъ успѣха подвизался онъ въ борьбѣ съ расколомъ: за обращеніе многихъ изъ раскольниковъ къ Церкви онъ получилъ скуфью и орденъ св. Анны 3 степени.

кословныя порицательства на двуперстное сложеніе", по замѣчанію о. Саввы, потрясаютъ не малую часть Россіи, способствуя не ослабленію, а усиленію и распространію раскола. „Коноводы раскола,—говоритъ о. Савва,—нарочито покупаютъ книги съ этими „порицательствами" для указанія простодушнымъ чадамъ Церкви, и для совращенія *воспитанныхъ со млекомъ матери въ двуперстномъ сложеніи* въ расколъ. Эти порицательства и клятвы на обряды дали раскольникамъ поводъ къ большему ожесточенію. Если ученѣйшіе церковные проповѣдники,—продолжаетъ о. Савва,—такъ жестоки на обряды, то невѣжды послѣ этого за свои обряды готовы на всѣ дерзости,—они ни книгамъ, ни лицамъ Церкви великороссійской никакого довѣрія не даютъ. При этомъ они указываютъ, что и до сихъ поръ печатается въ псалтиряхъ, что Церковь не избавляетъ клятвъ своихъ сыновъ православныхъ; но, взирая на множество тысячъ питомцевъ ея, *знаменующихся въ два перста*, всѣхъ предаетъ проклятію. Хотя Церковь, по снисхожденію, и разрѣшила единовѣрцевъ отъ клятвъ, опредѣленныхъ соборомъ 1667 г., но все-таки двуперстное сложеніе тяжкословныхъ порицательствъ не избавляется. Единовѣрческимъ священникамъ явственно не дается въ дѣйствіяхъ тайнъ той прямой благодатной силы, какъ православнымъ священникамъ; ибо воспрещается имъ исповѣдывать и пріобщать Христовыхъ таинъ православнаго, кромѣ смертной нужды, гдѣ нѣтъ православнаго священника. Обряды не должны нарушать существа вѣры; св. апостолъ Павелъ сказалъ: „*Уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу. Не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ*" (1 Кор. 4, 19). Чего важнѣе,—говоритъ о. Савва,—у самихъ проповѣдниковъ и столповъ церкви въ совершеніи страшныхъ Христовыхъ таинствъ, егда въ благословеніи освящается хлѣбъ въ тѣло, а вино въ кровь, явилось разнорѣчіе: св. Василій Великій совершеннымъ глаголомъ освящать велѣлъ: „*хлѣбъ сей самое тѣло Господа нашего Іисуса Хри-*

ста“ и проч., а св. Іоаннъ Златоустъ—несовершеннымъ глаголомъ: „*сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего*“ и проч. Глаголы показуютъ разность, а въ призываніи сила едина; слѣдовательно, разнословіе ни мало не вредитъ силѣ, кольми паче пальцы“,—замѣчаетъ о. Савва.—„Моника вопроси св. Амвросія Медіоланскаго о постѣ субботнемъ, да научитъ хранити обычай церквей, въ нихъ же живетъ; Амвросій отвѣчалъ: „въ Римѣ поститеся, якоже постятся въ Римѣ, а въ Медіоланѣ, якоже тамо постятся, ибо сицевая отмѣна въ таковыхъ вещахъ не раздѣляется“.—Вотъ самое драгоцѣнное слово къ миролюбію! Но да не дерзнется мое недостоинство на творепіе проповѣдниковъ вѣры и да не будетъ онымъ въ досадѣ, ибо они, можетъ быть, въ свое время полагали строгость паче снисхожденія, якоже св. апостолъ Павелъ палицу употребилъ и сатанѣ предалъ тѣхъ въ изможденіе плоти, а инде весьма миловалъ: со іудеи іудействовалъ, съ немощными былъ немощенъ, да іудеи и немощныя пріобрящетъ: „*всѣмъ бихъ вся, да всяко нѣкія спасу*“ (1 Кор. 9, 22).—Строгость безъ времени не приноситъ пользы ближнему, а ведетъ къ погибели. Тяжкословныя порицательства даютъ легкое средство раскольнику обличать насъ, а для простодушныхъ составляютъ величайшій соблазнъ,—и каковъ можетъ быть успѣхъ, при такихъ порицательствахъ, къ обращенію изъ раскола? — Необходимо уничтожить всѣ эти „*тяжкословныя порицательства*“, дабы они не служили опорою упорства раскольниковъ; тогда будетъ легко возводить ихъ къ познанію истины, и мы тогда возъимѣемъ благую надежду, что наши труды не будутъ тщетны, якоже нынѣ. Необходимо также, чтобы цензурные духовные комитеты не пропускали ни одной книги, безъ точныхъ основаній и соображеній правоты и истины; чтобы книги отнюдь не клонились къ укоризнѣ св. Церкви, ибо раскольники ничего не относятъ къ сочинителямъ и цензорамъ, а прямо къ Церкви. Тогда книги новѣй-

шихъ изданій, съ кротостію взывающія къ раскольникамъ, примутъ должное дѣйствіе" (1).

Получивъ эту записку о. Саввы, Столыпинъ препроводилъ ее, при особомъ письмѣ, къ оберъ-прокурору святѣйшаго Сунода, А. П. Толстому, который довелъ о томъ до свѣдѣнія Государя Императора и московскаго митрополита Филарета (2); послѣдній пожелалъ прочитать самую записку о. Саввы и возвратилъ ее съ своими замѣчаніями (3).—При помощи того же о. Саввы, пользовавшагося большимъ довѣріемъ казаковъ, Столыпинъ узналъ, что главными пропагандистами раскола въ войскѣ были иногородные торговцы: Симаковъ (4) и Мальцевъ, снимавшій участки въ башкирскомъ отдѣленіи; а между уральцами самыми вредными, въ возбужденіи неповиновенія начальству, были казаки Краснятовы, отданные подъ судъ за сводные браки; у Краснятовыхъ былъ и главный притонъ бѣглыхъ поповъ. При помощи о. Саввы и содѣйствіи своихъ агентовъ, Столыпинъ также узналъ, что всѣхъ раскольниковъ въ войскѣ было 53,500 обоего пола, въ томъ числѣ 26,000 м. пола и 27,500 женскаго.

Эта страшная цифра озадачила Столыпина не на шутку; разсчитывая на опытность о. Саввы, онъ попросилъ его изложить свои соображенія, относительно ослабленія раскола въ Уральскомъ войскѣ, что почтенный пастырь и не замедлилъ исполнить.

Отецъ Савва (Севрюгинъ) предложилъ съ своей стороны слѣдующія мѣры къ ослабленію раскола въ Уральскомъ войскѣ: 1) воспретить отправленіе церковныхъ службъ въ раскольническихъ домахъ и мо-

---

(1) Въ Ур. в. архивѣ. Дѣло, начатое 14 декабря 1857 г.

(2) См тамъ же письмо оберъ-прокурора къ Столыпину, отъ 6 ноября 1858 г.

(3) Къ сожалѣнію, этихъ замѣчаній въ дѣлѣ, которымъ мы пользовались, нѣтъ.

(4) Симаковъ принадлежалъ прежде къ Церкви.

лельняхъ: „не будь оныхъ, — замѣчаетъ о. Савва,— безъ прибѣжища въ праздничные дни у нѣкоторыхъ весьма бы чувства могли пробудиться на испытаніе и стоны". Указывая на раскольническіе скиты, какъ главный притонъ старообрядцевъ, о. Савва замѣчаетъ, что *скитскіе монахи* и монахини, помимо отправленія богослуженія въ своихъ молельняхъ, усиливаютъ расколъ и тѣмъ, что *разсылаютъ по мірскимъ домамъ грамотныхъ лицъ, для отправленія богослуженія на дому*, а потому 2) онъ предлагаетъ уничтожить всѣ раскольничьи скиты, тѣмъ болѣе, что „миряне отъ монаховъ и монахинь, всяко слово пріемлютъ за основаніе и, безъ всякой повѣрки, имъ слѣдуютъ, а скитскіе обитатели употребляютъ всѣ мѣры, чтобы внушить нерасположеніе къ св. Церкви, для *мнимаго* прибытка на свои прихотныя роскоши". 3) О. Савва находитъ нужнымъ воспретить старикамъ-монахамъ и монахинямъ напутствованіе предъ смертію сыновъ Церкви: „дойдено нами, даже всѣмъ извѣстно, что иногда слабый всячески требуетъ священника для напутствованія; но къ нему приводятъ раскольника, и больной по необходимости соглашается принять напутствіе отъ явившагося грамотника". При этомъ о. Савва сообщаетъ, что *новорожденныхъ младенцевъ* нерѣдко *крестятъ бабки или* сами *старики въ домахъ*, по настоянію самихъ родильницъ, хотя мужья послѣднихъ и желали бы, чтобы дѣти ихъ были крещены въ Церкви. Изъ этого, между прочимъ, видно, сколь сильно вліяніе женщинъ въ Уральскомъ войскѣ на своихъ мужей, въ религіозномъ отношеніи.— „Чиновники и *казаки*, бывающіе на внѣшней службѣ,—говоритъ о. Савва,—почти всѣ присоединяются тамъ къ Церкви и исполняютъ обязанность христіанина; но какъ только возвращаются сюда, *по настоянію* родственниковъ или *женъ своихъ*, опять *переходятъ въ расколъ*, тѣмъ болѣе, что правительство не преслѣдуетъ ихъ за уклоненіе отъ христіанскихъ обязанностей".—Указывая на это явленіе въ Уральскомъ

войскѣ, о. Савва выражаетъ желаніе того, чтобы 4) было обращено на это уклоненіе отъ Церкви служащихъ казаковъ должное вниманіе гражданской власти. 5) Врачущихся изъ раскола въ Церкви, по мнѣнію о. Саввы, слѣдуетъ обязать подписками, чтобы они своихъ дѣтей крестили въ Церкви и, когда они подростутъ, не совращали ихъ въ расколъ. „Исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ,—замѣчаетъ о. Савва,—должно зависѣть отъ власти гражданской, ибо священство въ этомъ отношеніи ничего сдѣлать не въ состояніи; но единовѣрческому духовенству необходимо по этому предмету строго подтвердить, чтобы оно не дѣлало никакого потворства раскольникамъ, а заботилось о благосостояніи св. Церкви". 6) Въ заключеніе всего, о. Савва считаетъ полезнымъ *устроять публичные диспуты раскольниковъ съ православными;* но на эти диспуты должны быть допускаемы только люди знающіе, начитанные и благоразумные какъ съ той, такъ и съ другой стороны; православные должны опираться въ своихъ опроверженіяхъ и возраженіяхъ на старопечатныя книги, такъ какъ новопечатнымъ книгамъ раскольники не вѣрятъ. Придавая важное значеніе такимъ диспутамъ, о. Савва замѣчаетъ, что это средство обоюдоострое; что плохіе диспутанты и оппоненты, вмѣсто пользы, могутъ принести только вредъ: „если,—говоритъ онъ,—православныя лица не докажутъ раскольникамъ на всѣ ихъ вопросы, тогда они только болѣе восторжествуютъ, нежели убѣдятся" (1).

Атаманъ Столыпинъ, получивъ донесеніе о. Саввы, обратилъ особенное вниманіе на второй пунктъ, предлагавшій уничтоженіе раскольничьихъ скитовъ, о чемъ раньше онъ думалъ и самъ (2). 30 мая того же года, онъ далъ особое предписаніе на имя чиновника

---

(1) См. донесеніе о. Саввы Столыпину, отъ 18 марта 1858 г., въ архивѣ атаманской канцеляріи.

(2) См. § 2 его донесенія А. А. Катенину, отъ 26 декабря 1857 г.

особыхъ порученій, подполковника К. Ѳ. Бизянова, который долженъ былъ отправиться въ мужскіе и женскіе скиты, находившіеся въ предѣлахъ Уральскаго войска; Бизяновъ долженъ былъ осмотрѣть эти скиты, записать имена всѣхъ старцевъ и старицъ, коимъ дозволено было доживать свои годы въ скитахъ; прочихъ же обитателей скитовъ, особенно иногородныхъ, велѣно возвратить на прежнія мѣста ихъ жительства, а коммисарамъ—подтвердить, что „если кто-либо на будущее время, противъ описи, окажется на жительствѣ въ скитахъ; то за это они строго будутъ отвѣчать, а самые скиты въ такомъ случаѣ будутъ уничтожены".

Бизяновъ, получивъ это предписаніе, тотчасъ же отправился въ скиты: Сергіевскій, Гниловскій и другіе, а 15 іюня того же года рапортовалъ (¹) Столыпину: „по порученію вашего высокоблагородія, я осматривалъ мужскіе и женскіе скиты, и нашелъ:

1) „Близъ Бородинскаго форпоста, въ женскомъ скиту, живутъ старицы, числомъ 14. Всѣ онѣ казачьяго сословія (войска Уральскаго и Илецкой станицы), кромѣ двухъ. Изъ послѣднихъ одна—крестьянка государственныхъ имуществъ, а другая оренбургская казачка; но обѣ эти старицы весьма слабы, больны, преклонныхъ лѣтъ: первой будетъ лѣтъ девяносто, а другой *около ста*. По моему мнѣнію, этихъ двухъ инокинь слѣдуетъ оставить въ скиту дожить свои годы, ибо переселеніе ихъ въ мѣста ихъ жительства будетъ для нихъ крайне тяжко, почти невозможно, потому что онѣ, какъ сказано выше, по старости и слабости, лежатъ въ постеляхъ и едва движатся. Кромѣ инокинь, въ скиту живутъ и простыя женщины; объ удаленіи ихъ изъ скита я, вмѣстѣ съ симъ, отпотусь къ коммиссару 1-го округа, ибо его въ то время, какъ я осматривалъ скиты, тамъ не было".

(¹) См. рапортъ Бизянова Столыпину за № 49, отъ 15 іюня 1853 г. Тамъ же.

2) „Въ мужскомъ Сергіевскомъ скиту живутъ старцы, числомъ 10 человѣкъ; всѣ они войсковаго сословія. Кромѣ ихъ живутъ тамъ еще: уволенный отъ службы войсковой старшина Харлампій Донсковъ, два отставные урядника и семеро отставныхъ казаковъ (трое изъ нихъ единовѣрческаго исповѣданія); иногородныхъ никого нѣтъ".

3) „Близъ Гниловскаго умета, въ женскомъ скиту, живутъ старицы числомъ 13; всѣ онѣ казачьяго сословія. Кромѣ нихъ, тамъ же живутъ: инокиня изъ крѣпостныхъ подполковника Кочемасова, двѣ послушницы-дѣвки войсковаго сословія, и нѣсколько женщинъ казачьяго сословія. Объ удаленіи изъ скита инокини крестьянки г. Кочемасова, обѣихъ послушницъ и всѣхъ простыхъ женщинъ я, вмѣстѣ съ симъ, относясь къ коммиссару 2 округа, ибо его, когда я осматривалъ скиты, тамъ не было".—Близъ Бородинскаго форпоста, Бизяновъ посѣтилъ еще скитъ, въ которомъ оказалось 5 человѣкъ *поморской секты*, а именно: двое мужчинъ, двѣ женщины и одна дѣвка. Изъ мужчинъ одинъ былъ отставной казакъ изъ Уральскаго войска, а другой вольноотпущенный; изъ женщинъ—одна войсковаго сословія, а другая иногородная; дѣвка—казачьяго сословія.—Бизяновъ, донося атаману о вышеозначенныхъ скитахъ, препроводилъ, при своемъ рапортѣ, и подробный списокъ скитскихъ жильцевъ. Изъ донесенія и списка Бизянова видно, что онъ посѣтилъ четыре скита, въ которыхъ оказалось 52 человѣка, изъ нихъ 22 муж. и 30 ж. пола; въ томъ числѣ иногородныхъ только трое, остальные же 49 чел. были изъ войсковаго сословія. Нѣкоторыя изъ женщинъ удалялись въ скиты отъ живыхъ мужей; въ скитахъ были и дѣвицы съ незакопорожденными дѣтьми. Изъ списка скитскихъ жильцевъ видно также, что нѣкоторыя изъ лицъ женскаго пола поступали сюда въ молодыхъ лѣтахъ; но большинство—были престарѣлыя, имѣвшія отъ 70 до 100 лѣтъ и жившія въ скиту отъ 2 до 60 лѣтъ.

Получивъ донесеніе Визянова и списокъ скитскихъ обитателей, Столыпинъ, между прочимъ, писалъ оренбургскому генералъ-губернатору А. А. Катенину: „я уже докладывалъ вашему превосходительству о необходимости уничтоженія скитовъ въ войскѣ, такъ какъ они служатъ разсадниками раскола, и вы, согласясь со мною, приказали мнѣ сдѣлать о томъ подробное соображеніе и заготовить это дѣло съ осторожностію. Мнѣ удалось, сколько мнѣ кажется, съ успѣхомъ приступить къ исполненію желанія вашего превосходительства".

Дѣйствительно, какъ увидимъ дальше, Столыпинъ энергично и весьма искусно повелъ задуманное имъ дѣло—и достигъ, чего желалъ.

VI.

Первые представители австрійскаго священства на Уралѣ: Виталій и Софроній.—Попытки основать самостоятельную въ Россіи іерархію; поставленіе Якова Бреднева въ патріарха московскаго.—Судъ надъ Софроніемъ и потеря его вліянія на уральцевъ.—Новыя мѣры Столыпина къ ослабленію раскола въ Уральскомъ войскѣ. — Обращеніе Сергіевскаго скита въ единовѣрческій монастырь.—Открытіе въ войскѣ церквей, на особыхъ правахъ.—Никольская церковь въ Уральскѣ и ея отличіе отъ прочихъ церквей въ войскѣ.—Церковь въ Бударинскомъ скиту.

Съ появленіемъ, такъ называемой, австрійской іерархіи за границею и въ Россіи, и расколъ на Уралѣ не остался чуждъ ея вліянію. Первымъ представителемъ этой іерархіи, появившимся среди Уральскаго войска, былъ Виталій, поставленный извѣстнымъ Софроніемъ въ 1852 году. Скоро мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Софронія. Сначала онъ былъ единственный въ Россіи епископъ, именовавшійся симбирскимъ. Но когда его непристойныя дѣянія оттолкнули отъ него старообрядцевъ, и когда въ Москвѣ явился другой лжеіерархъ Антоній Шутовъ; то корыстолюбивый и властолюбивый Софроній удалился въ Уральскъ, и

здѣсь задумалъ даже положить начало отдѣльной и независимой отъ бѣлокриницкаго митрополита старообрядческой іерархіи въ Россіи.

Остановившись въ женскомъ Садовскомъ скиту, Софроній вытребовалъ къ себѣ Виталія и бѣглаго уральскаго казака Якова Вреднева, прописнаго ревизіей, и началъ толковать имъ, что „бѣлокриницкая митрополія въ ереси, тамъ муро варили по новому чиновнику (¹), да у нихъ и древнихъ-то книгъ пѣтъ;... что „Антоній, присланный сюда изъ митрополіи, вовсе не крещенъ, такъ какъ онъ крещенъ былъ сначала въ великороссійской церкви, но потомъ пошелъ въ перекрещенцы, проклявъ то крещеніе, и его подобало бы прежде у насъ окрестить, а потомъ въ священство производить“, и т. п. Такими разсужденіями, ловко веденными, Софронію удалось склонить на свою сторону стариковъ, которые заявили ему: „ты, владыка, больше насъ знаешь, дѣлай, что хочешь“! Заручившись такими сторонниками, Софроній смѣло и рѣшительно приступилъ къ выполненію своего плана: Виталій былъ назначенъ митрополитомъ въ Новгородъ, Іаковъ предназначался въ патріархи московскіе и всея Руси, а самъ Софроній пожелалъ занять митрополичью каѳедру въ Казанской епархіи. Надъ осуществленіемъ этого плана думали недолго: 16 января 1851 г. въ шелковой палаткѣ, въ присутствіи двухъ инокинь, замѣнявшихъ дьячковъ, безъ пресвитера и діакона, была совершена Софроніемъ и Виталіемъ церемонія поставленія Іакова Вреднева въ епископа съ именемъ Іосифа, а на слѣдующій день, при той же обстановкѣ, новопоставленный епископъ былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. 18 и 19 января Софроній и Виталій взаимно возвели другъ друга въ санъ митрополитовъ, первый былъ возведенъ въ санъ митрополита казанскаго, а второй—новгородскаго.

(¹) См. «Поѣздка въ Бѣлокриницкій монастырь за муромъ». Русск. Вѣсти. 1864 г., мартъ.

Въ скоромъ времени вѣсть объ этомъ „страшномъ и законопротивномъ дѣлѣ“ дошла до Антонія и московскихъ старообрядцевъ; Софронія потребовали на судъ собора, но упорный лжемитрополитъ не явился. Снисходительные судьи три года ждали раскаянія со стороны Софронія, и все—напрасно. Наконецъ въ исходѣ 1856 года митрополитъ Кириллъ прислалъ окончательное низверженіе Софронія изъ епископскаго сана, съ воспрещеніемъ ему всякаго священнодѣйствія. Рѣшеніе это было подписано митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ, жившими за границей, а по полученіи его въ Россіи подъ нимъ подписались еще три епископа и одинъ архіепископъ. Софроній, впрочемъ, не думалъ было подчиняться и этому рѣшенію бѣлокриницкаго митрополита; но положеніе его сдѣлалось крайне неловкимъ: онъ утратилъ свое вліяніе и значеніе; имъ стали гнушаться и пренебрегать.—Такой поворотъ дѣла заставилъ Софронія невольно смириться, хотя на короткое время. Въ 1859 г., явившись добровольно на соборъ, онъ принесъ повинную, прося милости и снисхожденія. Отцы собора сжалились надъ своимъ собратомъ и опредѣлили считать его съ этого времени заштатнымъ епископомъ, управленіе же поволжскою полосою раскольничества, со включеніемъ сюда уральскихъ старообрядцевъ, поручить на время Виталію (1).

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія австрійскаго священства на Уралѣ, въ средѣ старообрядцевъ, обнаружились значительные безпорядки.

Въ это время во главѣ управленія Уральскимъ войскомъ стоялъ А. Д. Столыпинъ, задумавшій, какъ мы уже знаемъ, уничтожить раскольническіе скиты, служившіе пріютомъ бѣглыхъ и австрійскихъ поповъ, и замѣнить ихъ единовѣрческимъ монастыремъ и церквами, на особыхъ правахъ церквей благословенныхъ, или дозволенныхъ.

---

(1) Сборн. Попова, вып. V, стр. 211.

Нужно замѣтить, что *коренной расколъ въ Уральскомъ войскѣ—поповщина* или бѣглопоповцы; хотя на Уралѣ есть и безпоповцы, или, по мѣстному выраженію, *некудышники*, а также—поморцы, перекрещенцы и другіе толки, занесенные въ войско изъ внутренней Россіи, по послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ бѣглопоповцевъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. А. Катенину Столыпинъ, между прочимъ, писалъ, что уральскіе раскольники, принадлежащіе къ сектѣ поповщины, *охотно принимаютъ австрійскихъ поповъ;* сюда же принадлежали Сергіевскій скитъ и Садовской женскій скитъ. „Со вступленія моего въ завѣдываніе войскомъ,—писалъ Столыпинъ,—я получилъ свѣдѣнія о слѣдующихъ попахъ австрійскаго посвященія: *Аркадій* разъѣзжалъ внизъ по Уралу и по хуторамъ съ послѣднихъ чиселъ октября и по 20 ноября 1857 года; б) Ѳедотъ или *Ѳеодоръ* въ концѣ ноября того же года прибылъ въ Уральскъ, прожилъ здѣсь около десяти дней и затѣмъ весь декабрь провелъ въ разъѣздахъ по Нижней линіи; в) *Сильвестръ* находился въ Уральскѣ почти мѣсяцъ (1) и во второй половинѣ марта отправился во Второй округъ, въ окрестностяхъ косого и понынѣ находится и *выдаетъ себя за епископа.*—Не трудно было бы поймать всѣхъ этихъ поповъ,—замѣчаетъ Столыпинъ, — но это ни къ чему не послужитъ: у нихъ правильные паспорты; богослуженіе они производятъ такъ тайно, что уличить ихъ трудно, и съ собой никогда не возятъ вещей, которыя могли бы ихъ компрометировать. Однакожъ двое поповствующихъ: мѣщанинъ и оренбургскій казакъ посажены мною въ тюрьму, потому что они имѣли фальшивые паспорты; въ поповствованіи они не сознаются, но уличены въ фальшивости паспортовъ“ (2).

---

(1) Съ 19 февр. по 17 марта 1858 года.

(2) Дѣло въ арх. атам. канцеляріи о постр. Никольской церкви въ Уральскѣ.

Дерзость бѣглыхъ и австрійскихъ поповъ дошла до такой степени на Уралѣ, что они выдавали казакамъ свидѣтельства за своей подписью; копію съ одного изъ такихъ свидѣтельствъ Столыпинъ препроводилъ къ Катенину, оригиналъ же оставилъ у себя для пріобщенія къ дѣлу на случай, если бы возникло слѣдствіе.

Старообрядческіе архіереи также находили удобный пріютъ и ласковый пріемъ на Уралѣ. Кромѣ Виталія, сюда нерѣдко заѣзжали и другіе епископы, напр. Геннадій, Аоанасій, не говоря уже о Софроніи, который, и послѣ соблазнительной исторіи съ Вредневымъ, былъ постояннымъ посѣтителемъ уральскихъ предѣловъ и женскаго Садовскаго скита, гдѣ онъ загащивался иногда очень долго у гостепріимной матери игуменьи, обдѣлывая вмѣстѣ съ ней разныя темныя дѣлишки. Въ описываемое время уральскіе раскольники имѣли особенно частыя сношенія съ хвалынскими и ихъ архіереемъ Аоанасіемъ саратовскимъ, который былъ преданъ расколу до фанатизма. Подполковникъ Кузьминъ-Караваевъ, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ, въ началѣ марта 1858 года, доносилъ А. А. Катенину слѣдующее: „въ одномъ изъ потребниковъ, взятыхъ мною въ домовой церкви Анны Кузьминой Михайловой, найдено представляемое при семъ письмо, отъ 15 сентября безъ означенія года, подписанное какимъ то Тимоѳеемъ Чеботаревымъ (1), адресованное Аннѣ Кузьминишнѣ Кузьминой, а писанное къ милостивому государю П. В. А. — Зная, что раскольники имѣютъ въ перепискѣ особыя условныя выраженія, я не сомнѣваюсь, что подъ литерами П. В. А. надо подразумѣвать *пресвященнаго владыку*

(1) Изъ одного письма Столыпина къ Катенину видно, что этотъ Тимоѳей Чеботаревъ былъ прикащикомъ у раскольника Мальцева, снимавшаго земли въ Башкирскомъ отдѣленіи.

Аѳанасія, а подъ мельницею, которую Чеботаревъ хотѣлъ пустить въ ходъ съ 1 октября, и въ которой нужны были какія-то усовершенствованія со стороны П. В. А., — какое-нибудь раскольническое предпріятіе, и вѣрнѣе всего—*учрежденіе церкви въ уральскихъ предѣлахъ*, куда, лжеепископъ Аѳанасій ѣздилъ прошлою осенью (1). При этомъ онъ рекомендовалъ слѣдующія мѣры: „дознать секретнымъ образомъ чрезъ наказнаго атамана Уральскаго казачьяго войска (если онъ имѣетъ вѣрнаго человѣка), какое участіе принимаетъ семейство Назаровыхъ, находящееся въ родствѣ съ хвалынскими купцами Михайловыми и Кузьмиными, и семейство Чеботаревыхъ въ лжеепископскихъ дѣйствіяхъ Аѳанасія, ибо до сего времени,—писалъ онъ,—сколько я слышалъ, лжеепископы хотя являлись въ уральскихъ предѣлахъ, но принимаемы не были и почетомъ не пользовались (2), ибо уральскіе казаки и особенно казачки не терпятъ никакихъ нововведеній и стараются только соблюдать старинные обычаи. Одно изъ писемъ уралки Назаровой къ Ѳеклѣ Толетиковой, находящееся при дѣлѣ, обнаруживаетъ, между прочимъ, что осенью прошлаго (1857) года былъ въ Уральскѣ изъ Тулы старикъ бѣглый попъ Ѳеодоръ, который въ ноябрѣ совершилъ нѣсколько браковъ между казаками. Это обстоятельство указываетъ на то, что уральцы не принимаютъ лжеепископовъ и поставленныхъ ими бѣглыхъ поповъ, и если Тимоѳей Чеботаревъ хлопочетъ о распространеніи вліянія Аѳанасія на уральскихъ казаковъ; то я полагалъ бы необходимымъ остановить его, ибо уральскіе казаки, находясь постоянно въ командировкахъ и походахъ, утратили свои религіозныя мнѣнія и вовсе не чуждаются православныхъ, а вліяніе лжеепи-

(1) Рапортъ, отъ 6 ноября 1857 г. за №. 100.

(2) Видно, что Кузьминъ-Караваевъ зналъ далеко не все, что творилось среди уральскихъ старообрядцевъ.

скоповъ можетъ развить въ нихъ прежнюю ненависть къ единовѣрію и православію и, такимъ образомъ, отдалить время обращенія этого войска въ лоно единой соборной и апостольской церкви“ (1).

А. А. Катенинъ, получивъ этотъ рапортъ, 10 марта тогоже года (2) конфиденціально просилъ Столыпина доставить ему свѣдѣнія, какія только можно собрать безъ огласки, объ отношеніи уральскихъ раскольниковъ къ лжеепископамъ, при чемъ препроводилъ къ Столыпину и самую записку къ Кузьминой (3), доставленную Катенину Кузминымъ-Караваевымъ при рапортѣ, отъ 2 марта 1858 г. Отвѣта атамана на этотъ запросъ въ дѣлѣ, которое было въ нашихъ рукахъ, нѣтъ; очень возможно предположеніе, что Столыпинъ сообщилъ объ этомъ генералъ-губернатору лично, дабы избѣжать огласки и лишней переписки, тѣмъ болѣе, что Катенинъ просилъ сообщить ему о томъ *„весьма секретно“*.

Около того же времени нѣкоторые изъ уральскихъ раскольниковъ начали заражаться ученіемъ духоборцевъ и молаканъ, имѣвшихъ сильный притокъ въ селеніи Александровкѣ Самарской губерніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ раскола въ Уральскомъ войскѣ, энергичный атаманъ Столыпинъ не могъ сидѣть сложа руки. Сообщая Катенину о зараженіи уральцевъ ученіемъ молаканъ и тенденціями австрійскаго толка, Столыпинъ замѣчаетъ: *„вопросъ* общій *о расколѣ хотя и близокъ къ моей душѣ*, но онъ не составляетъ цѣли этой записки; потому я здѣсь не буду разсуждать объ узаконеніяхъ, которыя необходимо или измѣнить или вновь ввести для прекраще-

---

(1) Кузьминъ-Караваевъ рапортовалъ Катенину 2 марта 1858 г. за № 13.

(2) 1858, за № 61.

(3) Письмо это на толстой синей бумагѣ; оно приложено къ дѣлу о построеніи Никольской церкви въ Уральскѣ, стр. 103.

нія зла; я только предложу мѣры для войска, мнѣ ввѣреннаго, возможныя при существующихъ законахъ; разумѣется, мѣры эти будутъ палліативныя, потому что для совершеннаго уничтоженія зла надо искоренить *причины* онаго, а онѣ *лежатъ въ сердцѣ Россіи*".

Въ этотъ разъ Столыпинъ указалъ на слѣдующія мѣры:

1) „Необходимо уничтожить скиты".

2) „Необходимо удалить изъ войска казаковъ Краснятовыхъ, какъ людей, волнующихъ казаковъ, даже если дѣло кончится въ ихъ пользу" (1).

3) „Мальцева (2) также нужно удалить, впрочемъ, я скоро надѣюсь имѣть противъ него важныя улики".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо бы было приступить немедленно къ устройству временной общины, пока рвеніе къ Церкви не охладѣло въ старикахъ. Для сего можно пока учредить временную приписную церковь, съ прикомандированіемъ къ ней священника изъ какой-либо уральской церкви, что не превышаетъ власти епископа, между тѣмъ представленіе объ устройствѣ единовѣрческаго монастыря пойдетъ законнымъ путемъ".

Считая устройство единовѣрческаго монастыря равносильнымъ уничтоженію раскольническихъ скитовъ, Столыпинъ энергично принялся за осуществленіе этой мысли: „если намъ удастся устроить монастырь,—писалъ онъ Катенину,—тогда скиты сами собою разрушатся, ибо сосѣдство монастыря для нихъ будетъ невозможно: *монастырь надъ скитами будетъ лучшею полиціей*".

Въ виду устройства единовѣрческой общины, Столыпинъ обратился за содѣйствіемъ къ своему рев-

---

(1) Дѣло о сводныхъ бракахъ.

(2) Мальцевъ въ настоящее время уже не существуетъ — умеръ, а жена его поступила, кажется, въ Садовской скитъ.

ностному помощнику, въ дѣлѣ ослабленія раскола, о. Саввѣ Севрюгину и къ одному изъ казачьихъ офицеровъ, П. А. А—ну. При помощи и содѣйствіи этихъ лицъ, Столыпинъ прежде всего обратилъ вниманіе на скиты Сергіевскій и Бударинскій, какъ главные притоны раскола въ войскѣ. Надежды Столыпина и старанія его агентовъ не пропали даромъ. Вскорѣ о. Савва донесъ наказному атаману, что, въ бытность его въ Сергіевскомъ скиту, игуменъ и старцы этого скита заявили, что они, по преклонности лѣтъ, болѣе не въ состояніи поддерживать свой скитъ, и потому просили принять отъ нихъ скитскую часовню; при этомъ о. Савва замѣчаетъ, что разговоръ его съ старцами происходилъ въ присутствіи діакона Успенской церкви, Лазаря Алимова (1), дьячка той же церкви Павла Кузнецова и казаковъ: Алексѣя Иванова и Трофима Свѣшникова. — Смотря на Сергіевскій скитъ, какъ на *„гнѣздо раскола въ Россіи“*, Столыпинъ постарался воспользоваться этимъ случаемъ, въ видахъ совершеннаго уничтоженія Сергіевскаго скита. Въ іюлѣ 1858 г., онъ отправилъ секретный рапортъ къ генералу Балкашину, исправляющему, за отсутствіемъ Катенина, должность генералъ-губернатора, прося позволенія принять часовню Сергіевскаго скита въ вѣдомство вновь заселяющагося при немъ хутора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Столыпинъ просилъ исходатайствовать у епархіальнаго начальства дозволеніе о. Саввѣ на освященіе скитской часовни и право на ея присоединеніе къ Успенской церкви г. Уральска. Означенный рапортъ былъ препровожденъ на имя правителя канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора Арцымовича, при особомъ конфиденціальномъ письмѣ къ послѣднему отъ Столыпина. Въ этомъ письмѣ Столыпинъ называетъ желаніе Сергіевскихъ старцевъ *„вс-*

(1) Лазарь Алимовъ въ настоящее время состоитъ священникомъ въ Круглоозерной станицѣ, находящейся въ 14 верстахъ отъ Уральска.

личнымъ дѣломъ, которое,—замѣчаетъ онъ,—совершается безъ шуму и безъ всякой огласки въ войскѣ; по малѣйшее промедленіе можетъ испортить все. Какъ видите изъ рапорта,—пишетъ онъ дальше, — иноки просятъ принять церковь въ единовѣрческое вѣдѣніе. Кромѣ важнаго результата, что рушится самъ скитъ, теперь разрѣшается вопросъ и о единовѣрческомъ монастырѣ: постройки церкви и келій уже болѣе до поры-до-времени не нужно, потому что только придется поселить единовѣрческихъ монаховъ на мѣстѣ раскольничьихъ старцевъ и освятить церковь. Надо будетъ только израсходывать на нѣкоторыя поправки рублей тысячу, что я и началъ уже дѣлать, потому что имѣю на это разрѣшеніе Александра Андреевича (1). Ради Бога, только не медлите, потому что если дѣло огласится,—не только изъ Уральска, но даже изъ Москвы могутъ быть присланы огромныя суммы денегъ раскольничьимъ старцамъ, чтобы они отказались отъ первоначальнаго намѣренія—отдать церковь въ единовѣрческое вѣдѣніе".—Письмо и рапортъ были отправлены Столыпинымъ съ его домашнимъ секретаремъ Петровымъ, который, пріѣхавъ въ Оренбургъ, лично передалъ ихъ Арцымовичу. Столыпинъ, какъ видно, принялся за дѣло энергично и спѣшилъ дать дѣлу скорѣйшій ходъ, какъ бы слѣдуя внушенію русской пословицѣ: „*куй желѣзо, пока горячо*"; не медлили и въ Оренбургѣ: 24-го іюля Столыпинъ получилъ уже отъ оренбургскаго генералъ-губернатора секретное разрѣшеніе, (за № 151) на присоединеніе Сергіевскаго скита къ заселяемому подлѣ него хутору; 4 августа было получено генералъ-губернаторомъ согласіе епархіальнаго начальства на освященіе скитской часовни, а 12 августа сообщено о томъ уральскому атаману (за № 171).

---

(1) Катенина, оренбургскаго генералъ-губернатора. — Разрѣшеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, получено Столыпинымъ 5 мая 1858 г. за № 109.

Между тѣмъ, Столыпинъ еще 16 іюля, наканунѣ отправленія имъ рапорта и письма къ Арцымовичу, распорядился выдать изъ собственныхъ денегъ священнику Севрюгину 500 р. на устройство хутора при Сергіевскомъ скитѣ; для той же цѣли Столыпинъ получилъ 31 іюля еще 500 р. отъ Уральской войсковой канцеляріи (рапортъ за № 4153). 21 сентября тогоже года, было совершено освященіе часовни Сергіевскаго скита о. Саввою Севрюгинымъ (1), а 28 сентября (2) Столыпинъ получилъ конфиденціальное письмо отъ А. А. Катенина, въ которомъ начальникъ края благодаритъ уральскаго атамана за то, что обращеніе Сергіевскаго раскольничьяго скита идетъ успѣшно, не возбуждая въ войскѣ ни толковъ, ни безпокойства.

Когда скитская часовня была освящена и поступила въ вѣдѣніе уральской Успенской церкви, а самый скитъ былъ присоединенъ къ новопоселенному хутору, Столыпинъ принялся за рѣшеніе вопроса о способѣ и содержаніи монаховъ Сергіевскаго единовѣрческаго монастыря. По его мнѣнію, высказанному въ письмѣ къ Арцымовичу, самый способъ и содержаніе Сергіевскихъ монаховъ слѣдовало отнести на войсковой счетъ и на добровольныя приношенія, позволивъ монахамъ пользоваться и войсковыми угодьями; содержаніе же причта, — составъ котораго не превышалъ состава причта обыкновенной приходской церкви,—отнести исключительно на войсковой счетъ, какъ прочихъ единовѣрческихъ церквей въ войскѣ; храмъ и кельи также построить на войсковой счетъ; монастырь возвести на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился скитъ. Столыпинъ выражаетъ при этомъ опасеніе, что подробный планъ, смѣта и положеніе объ

---

(1) См. рапортъ наказному атаману коммиссара 2 округа, есаула Назарова, отъ 21 сент. 1858 г. за № 924.

(2) Письмо А. А. Катенина написано 25 сент., въ отвѣтъ на донесеніе Столыпина, отъ 18 сент. за № 46.

устройствѣ единовѣрческаго монастыря могутъ затянуть дѣло; между тѣмъ бѣглые попы могли попрежнему совращать старцевъ въ расколъ, указывая на медленность и неохоту правительства исполнить ихъ желаніе. Въ декабрѣ 1858 г. (1), Столыпинъ предложилъ Уральской войсковой канцеляріи выдать священнику Саввѣ Севрюгину, подъ росписку, изъ войсковаго капитала сто рублей на нужды Сергіевскаго монастыря и изыскать постоянный источникъ, на который бы Сергіевскій монастырь могъ содержаться, и чтобы чинамъ церкви этого монастыря можно было назначить окладное жалованье, напримѣръ, игумену наравнѣ съ священниками прочихъ церквей, и т. п.

Примѣръ Сергіевскихъ старцевъ увлекъ и другихъ. Въ началѣ октября того же года, чрезъ десять дней послѣ освященія Сергіевской часовни, Столыпинъ получилъ частное письмо отъ своего агента, П. А—а, который сообщалъ, что настоятель Бударинскаго старообрядческаго скита съ однимъ отставнымъ казакомъ, уполномоченные довѣріемъ отъ своего скита и многихъ старообрядцевъ, непріемлющихъ священства, явились къ нему, наканунѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, и убѣдительно просили его написать наказному атаману, что какъ монахи и бѣльцы Бударинскаго скита, такъ и многіе старообрядцы желаютъ избрать священника изъ бѣлаго духовенства, который бы отправлялъ богослуженіе въ Бударинской скитской часовнѣ, имѣющей освятиться въ церковь Божію; священникъ этотъ, по заявленію депутатовъ, долженъ быть рукоположенъ епархіальнымъ архіереемъ, но выборъ его остается за ними. Сообщая объ этомъ желаніи бударинской братіи, П. А—нъ проситъ разрѣшенія или самого атамана или же чрезъ него—согласія и дозволенія преосвященнаго. Отвѣчая на это письмо, Столыпинъ обѣщалъ полное удовлетво-

(1) См. его предложеніе отъ 12 декабря 1858 г. за № 83.

реніе ходатайства просителей: „Я всѣми силами буду стараться“,—писалъ онъ,—„успокоить васъ, почтенные богомольцы; часовню вашу не буду перестраивать; преосвященнаго буду просить самъ лично поставить вамъ священника по вашему выбору“.

Дѣйствительно, Столыпинъ не замедлилъ сообщить о желаніи бударинскихъ старообрядцевъ оренбургскому епископу Антонію, который увѣдомилъ атамана (1), что онъ на желаніе бударинскихъ старцевъ согласенъ, и донесъ о томъ Святѣйшему Сѵноду (2), испрашивая позволеніе на то, чтобы допустить въ Уральскѣ существованіе церквей на правахъ церквей *благословенныхъ*. Между тѣмъ, 15 ноября того же года, Столыпинъ писалъ преосвященному Антонію о движеніи среди раскольниковъ въ самомъ Уральскѣ: „по доходящимъ до меня слухамъ, каждый день собираются большія сходбища казаковъ, чтобы толковать о предлагаемомъ имъ снисхожденіи отъ вашего преосвященства; многіе уже теперь согласны, но самые закоренѣлые стали распускать слухи, что *церковь благословенная*, которую имъ предлагаютъ, есть *только ловушка для привлеченія ихъ въ православіе*; другіе же наоборотъ, чтобы окомпрометировать меня, говорили будто, что я позволилъ, чтобы священникъ ими избранный былъ *исправленъ*“.

Узнавъ объ этихъ сходбищахъ и толкахъ, атаманъ Столыпинъ пригласилъ главныхъ вожаковъ къ себѣ, чтобы лично объясниться съ ними, при свидѣтеляхъ. Когда вожаки явились къ атаману, послѣдній старался увѣрить ихъ, что никто не будетъ принуждать ихъ ходить въ православную церковь и что церковь, которую имъ обѣщалъ преосвященный Антоній, будетъ на правахъ благословенной; вмѣстѣ съ тѣмъ, атаманъ внушительно заявилъ, что онъ никогда

---

(1) Отъ 6 октября 1858 г. за № 2564.
(2) Отъ 7 октября 1858 г. за № 2565.

не дозволялъ и не думалъ дозволять, чтобы священникъ, рукоположенный по ихъ выбору архіереемъ, былъ ими *исправленъ*. Вожаки раскола отвѣчали, что объ исправленіи священника они никогда и не думали. „Тогда я",—говоритъ самъ Столыпинъ,—„слѣдуя методѣ, мною принятой, чтобы они не видѣли въ моихъ дѣйствіяхъ какого-либо понужденія, повторилъ имъ то, что и всегда имъ говорю: *не спѣшите, братцы, подумайте хорошенько,—это дѣло великое*" (1).— Собравшіеся вожаки, основываясь на заключительныхъ словахъ своего атамана, успокоились и дали слово, по возвращеніи войска съ плавни (2), подать прошеніе. Бударинскіе старцы также положили не избирать священника, который бы освятилъ ихъ часовню, до прихода войска съ плавеннаго рыболовства; предложеніе имъ для освященія часовни о. протоіерея Назарова едва не испортило все дѣло. „Вы не повѣрите, ваше преосвященство,—писалъ Столыпинъ Антонію,—какъ съ этими заблудшими дѣтьми надо поступать осторожно, — *они во всемъ полагаютъ видѣть обманъ: что имъ начнутъ бороды брить или надѣвать солдатскія шинели*" и т. п. Между тѣмъ, святѣйшій Синодъ указомъ, отъ 17 ноября 1858 г., предоставилъ преосвященному Антонію право оказывать, въ чемъ нужно, полное содѣйствіе уральскому атаману, для скорѣйшаго и успѣшнаго окончанія этого дѣла (3).

По окончаніи плавни, когда бывшіе на рыболовствѣ казаки вернулись домой, вожаки пригласили изъ ближайшихъ мѣстъ довѣренныхъ отъ общества лицъ, для обсужденія вопроса о предлагаемой имъ церкви на правахъ благословенной. Изъ оффиціальнаго до-

---

(1) См. его письмо къ преосвященному Антонію, отъ 13 ноября 1858 г.

(2) Такъ называется у казаковъ осеннее рыболовство по р. Уралу.

(3) Секретное донесеніе Антонія Столыпину, отъ 1 декабря 1858 г. за № 416.

несенія (¹) пр. Антонію атамана Столыпина по этому дѣлу видно, что старообрядцы собирались *четыре раза* на совѣщанія. *Въ первомъ собраніи* явившіеся довѣренные и слышать не хотѣли о какой бы то ни было церкви, а всѣ желали часовню, по примѣру бывшей у нихъ до 1842 г. Успенской часовни. Узнавъ объ этомъ, Столыпинъ чрезъ своего агента, есаула А—на, приказалъ внушить казакамъ, что хотя упоминаемая ими часовня была неправильная, но все-таки нѣкоторымъ образомъ въ ней былъ смыслъ, потому что для богослуженія они тогда могли доставать Св. дары изъ Иргизскихъ монастырей; теперь же, по несуществованію послѣднихъ, имъ неоткуда брать Св. дары. Старообрядцы, выслушавъ А—на и обдумавъ дѣло обстоятельно, рѣшились наконецъ просить себѣ церковь. *На второмъ собраніи* они обсуждали вопросъ объ исправленіи священника, который, по ихъ желанію, будетъ рукоположенъ архіереемъ; но не пришли ни къ какимъ положительнымъ выводамъ. *Въ третьемъ собраніи* уполномоченныя отъ общества лица выразили недовѣріе къ вожакамъ, которые раньше имѣли сужденіе по этому дѣлу съ Столыпинымъ, и пожелали сами лично видѣть и выслушать наказнаго атамана. Вслѣдствіе этого, они отправились къ атаману и доложили о своемъ желаніи. Выйдя къ депутатамъ, Столыпинъ выслушалъ ихъ и тутъ же сказалъ имъ: „вы можете войти съ просьбою о церкви съ тѣмъ, чтобы священникъ былъ рукоположенъ по вашему выбору русскимъ епископомъ, и чтобы *дѣла духовныя шли черезъ меня*“! — Но недовѣрчивые казаки просили отъ атамана письменнаго удостовѣренія въ исполненіи даннаго имъ слова, на что Столыпинъ съ удовольствіемъ согласился—и тутъ же далъ

(¹) Отъ 28 ноября 1858 г., за № 79. См. стр. 164 «Дѣла о построеніи Никольской церкви въ Уральскѣ». Въ арх. атаманской канцеляріи.

имъ своеручную подписку. Выслушавъ лично своего атамана и заручившись отъ него подпиской, довѣренные единодушно и съ восторгомъ приняли предложеніе; многіе изъ нихъ крестились и говорили: „*ну, слава Богу, что у насъ будетъ церковь, а то срамъ, что мы до сихъ поръ были раскольники*“!

Въ подпискѣ атамана, данной депутатамъ, между прочимъ, была слѣдующая фраза: „*дѣла духовныя будутъ идти къ его преосвященству чрезъ атамана*“,— вотъ эта-то фраза и не понравилась старообрядцамъ, почему они предложили измѣнить ее такъ: „*и состоялъ* (священникъ) *подъ вѣдѣніемъ наказнаго атамана, а не подъ духовнымъ*“. — Столыпинъ согласился и измѣнилъ фразу, согласно желанію депутатовъ. *На четвертомъ собраніи*, старообрядцы положили молиться на эктеніяхъ за Государя Императора и архіерея,— „ибо, — замѣтили изъ нихъ нѣкоторые, — безъ этого обѣдня будетъ неправильная“. Во время этихъ совѣщаній было, между прочимъ, замѣчено, что вліяніе австрійскихъ лжепоповъ заставило нѣкоторыхъ раскольниковъ замѣтить съ ироніею: „*не лучше ли намъ, братцы, взять католическаго священника*“!?

Столыпинъ, препровождая просьбу старообрядцевъ объ устройствѣ церкви къ преосвященному Антонію, замѣчаетъ: „прошу, ваше преосвященство, написать на резолюціи одно слово: „*разрѣшаю*“,—иначе они во всякой реторической фразѣ видятъ обманъ; они сами говорятъ, что если бы митрополитъ Платонъ въ своемъ разрѣшеніи не написалъ словъ подобныхъ слѣдующимъ: „*съ немощными быть немощнымъ*“, — они бы всѣ пошли въ единовѣрческую церковь, но „*это*,—они говорятъ,—*ужъ крайне обидно*“.— Одновременно съ увѣдомленіемъ преосвященнаго Антонія, Столыпинъ препроводилъ и рапортъ (1) о томъ оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору.

---

(1) Отъ 28 ноября 1858 г., за № 80.

Но лишь только отправленъ былъ этотъ рапортъ, начальникъ Илецкой станицы, есаулъ Сладковъ прислалъ на имя уральскаго наказнаго атамана приговоръ илецкихъ старообрядцевъ о желаніи имѣть такую же церковь, какъ и уральскіе старовѣры. Этотъ приговоръ и при немъ рапортъ есаула Сладкова были вручены атаману лично довѣренными отъ илецкихъ раскольниковъ, которые убѣдительно просили Столыпина похлопотать объ устройствѣ для нихъ церкви на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ просятъ уральцы (1). — Основанія эти были выражены уральскими старовѣрами въ ихъ просьбѣ, представленной атаманомъ преосвященному, и заключались въ слѣдующихъ шести положеніяхъ:

1) „По преданности къ древнимъ церковнымъ обрядамъ сдѣлать имъ церковь".

2) „Избрать имъ, по ихъ усмотрѣнію, желаемаго священника, поставленнаго россійскимъ епископомъ".

3) „Церковь освятить этимъ священникомъ по древнимъ церковнымъ книгамъ, обрядамъ и правиламъ".

4) „Въ церкви этой антиминсъ бы былъ древній, освященный не ближе патріарха Іосифа".

5) Богослуженіе и Св. таинства совершать по древнимъ правиламъ и старопечатнымъ книгамъ не ближе патріаршества Іосифа".

6) „Для поддержанія благолѣпія въ церкви и наблюденія по церкви за всѣми отчетами избрать имъ изъ среды прихожанъ трехъ попечителей съ тѣмъ, чтобы священникъ всѣ церковныя дѣла, какъ то: книги метрическія и другія повстрѣчаемыя обстоятельства представлялъ прямо въ канцелярію наказнаго атамана и состоялъ подъ вѣдѣніемъ наказнаго атамана, а не подъ духовнымъ" (2).

(1) Рапортъ Столыпина оренбургскому генералъ-губернатору, отъ 6 декабря 1858 г., за № 81.

(2) Смотр. въ томъ же дѣлѣ стр. 183, № 4057. Слич. Уральское казачье войско. Рябинина, ч. I, стр. 283, замѣчаніе. Здѣсь обозначены

Преосвященный Антоній снисходительно согласился на устройство въ Уральскѣ церкви, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, назвавъ такую церковь *„благословенною“*. Но онъ не предвидѣлъ, какое впечатлѣніе произведетъ на уральскихъ старовѣровъ эпитетъ, приданный имъ ихъ церкви. „Я былъ въ восторгѣ.—писалъ Столыпинъ оберъ-прокурору св. Синода,—что все уже рѣшено, и назначилъ собраніе для прочтенія письма преосвященнаго Антонія. Вдругъ доносятъ, что всѣ опять разошлись въ мнѣніяхъ, а изъ-за чего все это произошло? — Преосвященный въ своемъ разрѣшеніи назвалъ церковь, просимую старообрядцами, *„благословенной“*. Это выраженіе крайне обидѣло старообрядцевъ: *„наша церковь,*—говорили они,—*есть Восточно-каѳолическая, Соборная и Апостольская, а не благословенная*“; этимъ выраженіемъ насъ опять отдѣляютъ отъ Церкви и мы чувствуемъ ту же обиду, какую сдѣлалъ намъ митрополитъ Платонъ, назвавъ Греко-россійскую церковь—единовѣрческою“.—Никакъ я не могъ убѣдить ихъ и, взявъ письмо, *написалъ разрѣшеніе отъ себя, пропустивъ слово „благословенная“*; но раскольники всетаки просили меня, чтобы преосвященный *благословилъ* называть ихъ церковь Восточно-каѳолическою, Соборною и Апостольскою“.—Между тѣмъ оренбургскій генералъ-губернаторъ довелъ о желаніи уральскихъ раскольниковъ имѣть церковь, чрезъ военнаго министра, до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество выслушалъ о желаніи уральскихъ старообрядцевъ имѣть церковь съ удовольствіемъ (1). Въ январѣ 1859 г., св. Синодъ утвердилъ всѣ представ-

слѣдующіе четыре пункта: 1) церковь на особыхъ правахъ, подчиняющаяся по духовнымъ дѣламъ не епархіальному начальству, а наказному атаману; 2) выборъ священника, который долженъ быть только рукоположенъ епархіальнымъ епископомъ; 3) служба по старымъ книгамъ и на 7 просфорахъ; 4) употребленіе своего мура. Въ дѣлѣ, бывшемъ у насъ, пункта четвертаго (о мурѣ) вовсе нѣтъ.

(1) См. отношеніе къ нак. атаману, отъ 3 декабря 1858 г., за № 267.

ленія оренбургскаго епископа Антонія, касательно устройства церквей въ Уральскѣ и Илекѣ, по желанію старообрядцевъ (1). Оберъ-прокуроръ Сѵнода, графъ А. П. Толстой, 8 янв. 1859 г., писалъ паказному атаману Уральскаго войска: „письмо ваше я имѣлъ счастіе представить Государю Императору. Теперь считаю долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что *всѣ представленія преосвященнаго оренбургскаго разрѣшены* св. Сѵнодомъ, согласно желанію вашему: присоединяющимся предоставлено имѣть священниковъ, рукоположенныхъ преосвященнымъ по ихъ выбору, и всѣ сношенія съ преосвященнымъ производить чрезъ вашу канцелярію".

„*Такой порядокъ сношеній паствы съ пастыремъ въ первый разъ еще допущенъ святѣйшимъ Сѵнодомъ.* Я весьма желаю, чтобы вы въ этомъ видѣли особое сочувствіе святѣйшаго Сѵнода именно къ вашему лицу".

„Недавно поступило въ святѣйшій Сѵнодъ отъ преосвященнаго Антонія донесеніе, основанное на отзывахъ генералъ-адьютанта Катенина и вашего превосходительства объ окончательномъ желаніи нѣкоторыхъ изъ главныхъ раскольниковъ-казаковъ присоединиться къ единовѣрію на вышеозначенныхъ основаніяхъ, и о данномъ имъ, вслѣдствіе сего, преосвященнымъ Антоніемъ разрѣшеніи устроить церковь. Государь Императоръ, по доведеніи о семъ до свѣдѣнія Его Величества, соизволилъ принять утѣшительное это извѣстіе съ особеннымъ Высочайшимъ благоволеніемъ; къ окончательному же устройству новой паствы святѣйшій Сѵнодъ съ своей стороны не замедлитъ дать преосвященному необходимыя разрѣшенія".—Въ томъ же мѣсяцѣ (13 числа) уральскіе старообрядцы избрали себѣ священникомъ Александра

---

(1) Рабинович говоритъ, что пункты 1 и 4 изъ приводимыхъ имъ, т. е. о подчиненіи церкви атаману и о дозволеніи имѣть свое муро, не были разрѣшены.

Паленова, а илецкіе—Дорошина. При подписаніи приговора о желаніи старообрядцевъ имѣть свою церковь, на вышеизложенныхъ условіяхъ, произошло важное обстоятельство. Когда всѣ вожаки уральскихъ старообрядцевъ собрались, чтобы подписать приговоръ, казакъ Алексѣй Щелоковъ, обратившись къ прочимъ, сказалъ по обыкновенію: *„ну, братцы, перекрестимся“!*—Въ толпѣ собравшихся произошло страшное смятеніе: оказалось, что изъ тридцати собравшихся вожаковъ почти всѣ были различныхъ толковъ, почему они не могли молиться вмѣстѣ; отказаться же отъ приглашенія Щелокова—было бы крайне неловко. Чтобы выйти изъ затрудненія, старообрядцы прочитали другъ другу прощеніе и, положивъ начало, помолились всѣ вмѣстѣ и затѣмъ подписались. Это обстоятельство, какъ наружное соединеніе толковъ, въ глазахъ атамана Столыпина было уже важнымъ шагомъ впередъ, со стороны раскольниковъ. Выше мы видѣли, что илецкіе старообрядцы также просили атамана объ устройствѣ у нихъ такой церкви, какъ и въ Уральскѣ; но здѣсь явились противники желанія старообрядцевъ, въ лицѣ тринадцати человѣкъ уставщиковъ, которымъ хотѣлось разстроить задуманное старовѣрами дѣло объ устройствѣ церкви. Впрочемъ уставщики не только не достигли своей цѣли, а были даже арестованы начальникомъ Илецкой станицы, есауломъ Сладковымъ, по желанію самихъ старообрядцевъ, не смотря на то, что наканунѣ своего ареста эти уставщики совершали у нихъ требы: „не служитъ ли это свидѣтельствомъ,—замѣчаетъ Столыпинъ,—нелицемѣрнаго присоединенія раскольниковъ къ Церкви“?—16 февраля 1859 г. старообрядческая часовня въ Илекѣ, при большомъ стеченіи народа, была освящена въ церковь, во имя св. пророка Иліи (²).

(²) Рапортъ Столыпина къ оренб. генералъ-губернатору, отъ 19 февр. 1859 г., за № 29.

Въ 1859 году въ Уральскѣ была застроена Никольская церковь, открытая на особыхъ правахъ церквей *благословенныхъ* или дозволенныхъ правительствомъ, въ виду особыхъ соображеній. Каменное зданіе этого храма отличается довольно оригинальной архитектурой и высокой колокольней. Никольская церковь, какъ и прочія городскія церкви, пятиглавая; она находится почти на самомъ сѣверо-западномъ краю города, на берегу р. Чагана.

Въ настоящее время при этой церкви состоятъ два священника: *Александръ Паленовъ и Іаковъ Солодовниковъ*, которые были рукоположены епархіальнымъ православнымъ архіереемъ и находились раньше въ единовѣрческихъ церквахъ. Говорятъ, что они были приняты чрезъ *исправу;* но въ чемъ именно состоитъ исправленіе священника, по обряду прихожанъ Никольской уральской церкви, — это тайна, узнать которую весьма трудно. Лица, служащія въ Никольской церкви, объ этомъ никогда и ничего не говорятъ, даже вовсе отрицаютъ исправу. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ въ нихъ говоритъ ложный стыдъ и оскорбленное самолюбіе. Между тѣмъ мы слышали отъ многихъ уральцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, что никольскіе прихожане заставляютъ поступающихъ къ нимъ священниковъ поститься нѣсколько дней и затѣмъ священники обязаны отречься отъ Православной Церкви, какъ еретической, произнося проклятія на мнимыя новшества Грекороссійской церкви. Такъ какъ уральскіе раскольники почти полвѣка находились въ самой тѣсной дружбѣ и связи съ Иргизскими монастырями и часовнями: то мы думаемъ, что *исправа* эта состоитъ въ томъ же, въ чемъ она состояла и на Иргизѣ. Новоизбранный священникъ, послѣ говѣнья и исповѣди своихъ грѣховъ, долженъ былъ публично въ церкви произнести слѣдующія проклятія на Греко-россійскую церковь: „азъ священно-іерей (имя рекъ) отъ гнуснаго Никоніанскія ереси къ непорочнѣй всею душею присту-

наю вѣрѣ: *проклинаю* вся отреченная святыми отцы: аще кто не крестить въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, *но обливаетъ, да будетъ проклятъ*; аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, *да будетъ проклятъ*; аще кто приглашаетъ божественную пѣснь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже, *да будетъ проклятъ*; моляшіися въ три перста, а не двѣма, *да будутъ прокляты*; аще кто благословляетъ пятію персты странно нѣкако, не по преданію св. отецъ, *да будетъ проклятъ*; знаменіе на просфорахъ—четвероконечные кресты, а не осмиконечные, и на ихъ служатъ, *да будутъ прокляты*; аще кто чтетъ молитву—Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, съ прложеніемъ литтеры І, а не подревнему—„Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“, *да будетъ проклятъ*; въ заключеніе наконецъ и всѣхъ нововведенныхъ преданіяхъ, отъ Никона патріарха содержимая нынѣ Греко-россійскою Церковію, отрицаюсь, *и проклинаю, и анаѳемъ предаю*, и иже изволитъ имъ и послѣдуетъ, *анаѳема, и да будетъ проклятъ*“ (1). Вслѣдъ за тѣмъ исправляемый долженъ былъ прочитать изъ требника проклятія на Яковитскую ересь, послѣ чего его помазывали мнимымъ муромъ, какъ новокрещаемаго, и обмывали водой мѣста помазанія съ произнесеніемъ словъ: „крестился еси, просвѣтился еси, обмылся еси во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“. — Точно такимъ же образомъ исправляли и мірянъ-простолюдиновъ, съ тою только разницей, что священникъ былъ исправляемъ въ ризахъ. Исправленный такимъ образомъ попъ долженъ былъ поклониться собранію и клирошанамъ обоихъ ликовъ до земли, и тогда уже могъ безвозбранно отправлять у раскольниковъ священническое служеніе, пріучаясь, подъ руководствомъ устав-

(1) Копія съ «исправы», писанной рукою архимандрита Платона. См. Прав. Собесѣдн. 1857 г., стр. 526, замѣчаніе.

щика, какъ пораскольнически читать, пѣть, ходить, кланяться, стоять, кадить и проч.—Такова была *исправа* поповъ и простыхъ мірянъ у иргизскихъ раскольниковъ; въ томъ же она должна состоять, по нашему предположенію, и у никольскихъ прихожанъ, за изключеніемъ только мѵропомазанія. Св. мѵро отпускается для Никольской церкви отъ православнаго епархіальнаго архіерея; но употребляютъ ли его священники означенной церкви или у нихъ есть свое, сумнительное,—это тайна, которой узнать мы не могли; извѣстно только, что, при открытіи этой церкви, многіе выражали желаніе имѣть свое мѵро—*истовое*, Іосифовское; но вопросъ въ томъ, откуда они могли его достать, если бы даже и было имъ разрѣшено имѣть свое мѵро? Прежде было еще, такъ называемое, иргизское мѵро, т. е. простое масло, за мѵро выдаваемое (1); но прошло уже около сорока лѣтъ, какъ эти монастыри упразднены; слѣдовательно, и иргизскаго мѵра достать теперь нельзя. Что касается мѵра, развозимаго по старообрядцамъ изъ Бѣлой Криницы; то никольскіе прихожане сами не захотятъ его принять, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, австрійское священство неправильно, и поповъ австрійскаго посвященія они не принимаютъ. Остается, такимъ образомъ, предположить, что въ Никольской церкви употребляется или мѵро, отпускаемое отъ православнаго архіерея, или же прихожане употребляютъ, вмѣсто мѵра, масло, по примѣру Иргизскихъ монастырей. Св. антиминсъ въ Никольской церкви Іосифовскаго освященія (2); выданъ отъ православнаго епархіальнаго архіерея.

---

(1) Прав. Собес. 1857, стр. 561.

(2) Іосифовскіе антиминсы не то, что Іосифовское мѵро; хотя они и составляютъ большую рѣдкость, но все-таки существованіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Есть антиминсы и болѣе древніе: недавно, напримѣръ, въ селѣ Кускинѣ Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи былъ найденъ антиминсъ временъ Іоанна Васильевича Грознаго, какъ намъ сообщилъ о томъ благочинный 2 округа Симб. епархіи П. А. Маловъ.

Служба въ Никольской церкви совершается ежедневно, за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ случаевъ, какъ это бываетъ у всѣхъ и вездѣ. Богослуженіе отправляется по старопечатнымъ книгамъ.

Разница въ богослуженіи отъ православныхъ и единовѣрческихъ церквей состоитъ въ томъ, что въ Никольской церкви въ будни часы и вечерню совершаютъ и простецы, безъ священника, испросивъ предварительно на то благословеніе настоятеля церкви. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ служба начинается словами: „за молитвы св. отецъ нашихъ, Господи Боже Нашъ, помилуй насъ"! и пр.—Этотъ обычай снова напоминаетъ собою Иргизскіе монастыри, гдѣ также всѣ службы, кромѣ литургіи, могъ совершать діаконъ или просто уставщикъ; діаконъ съ уставщикомъ служили тамъ и молебны, и панихиды, отпѣвали умершихъ и т. п. (1).

Напѣвъ церковныхъ пѣсней въ Никольской церкви нѣсколько отличается отъ напѣва единовѣрческихъ церквей въ войскѣ.

Для поддержанія церковнаго благолѣпія и наблюденія за порядкомъ по церкви и за всѣми отчетами, изъ числа прихожанъ избираются особые попечители.

Во время богослуженія всѣ предстоящіе должны имѣть на рукахъ *подручники*. Женщинамъ и дѣвушкамъ являться въ церковь въ шляпкахъ, шапочкахъ и модныхъ костюмахъ воспрещено: онѣ должны быть одѣты просто, а голову—покрывать платкомъ; нежелающія подчиняться этимъ правиламъ не допускаются до общественной молитвы или, если успѣли войти, выводятся изъ храма. Разсказываютъ, что разъ явилась въ Никольскую церковь молодая, неопытная дѣвушка, одѣтая помодному. Старушки, возмущенныя такой дерзостью, попросили барышню къ себѣ въ келью; здѣсь сдѣлали ей приличное наставленіе, а затѣмъ

(1) См. Прав. Собесѣдн. 1857 г., стр. 538.

предложили снять шляпку и кринолинъ, повязали платочкомъ и повели съ собою въ церковь;—сконфуженная барышня повиновалась; по окончаніи службы, она получила всѣ свои принадлежности въ цѣлости, и болѣе въ Никольскую церковь въ модномъ костюмѣ не ходила.

Къ единовѣрческой Церкви никольскіе прихожане относятся такъ же враждебно, какъ и къ православной, а потому священникъ ихъ церкви, въ случаѣ его смерти, долженъ быть отпѣтъ такимъ же священникомъ, т. е. посвященнымъ православнымъ архіереемъ, но *исправленнымъ*.

Во время посѣщеній города епархіальнымъ архіереемъ, никольскіе прихожане всячески заботятся о томъ, чтобы „*владыка*“ не посѣтилъ ихъ храма, для чего всегда имѣютъ наготовѣ какой-либо благовидный предлогъ. Такъ разъ, чтобы уклониться отъ посѣщенія преосвященнаго, они завѣсили окна храма рогожками, устроили лѣса и начали ремонтъ, хотя существенной нужды въ томъ еще не было.

Никольская церковь до сихъ поръ состоитъ на особыхъ правахъ, разъединяющихъ непосредственную связь ея съ своимъ духовнымъ начальствомъ. Переписка по дѣламъ духовнымъ съ епархіальною властію происходитъ у никольскаго духовенства чрезъ канцелярію наказнаго атамана.

Вотъ существенныя черты, которыми отличается уральская Никольская церковь, извѣстная подъ именемъ *благословенной*, отъ прочихъ церквей Уральскаго войска, кромѣ Ильинской — въ Илекѣ, открытой на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Никольская уральская церковь.

Выше было замѣчено, что точно такую же церковь, какъ Никольская, желали имѣть у себя и бударинскіе старцы. Въ 1869 г. священникъ Александръ Паленовъ, нынѣ и тогда настоятель уральской Никольской церкви, по желанію бударинскихъ старцевъ, освятилъ имъ церковь, „во имя св. и чудотворца Ни-

колы". Въ 1876 году сюда явился австрійскій лжеепископъ Викторъ, происходящій изъ уральскихъ казаковъ и рукоположенный въ санъ епископа, какъ замѣчено было выше, въ Москвѣ въ 1876 г. Принявъ на себя, по желанію скитской братіи, завѣдываніе всѣми дѣлами, Викторъ задумалъ было сдѣлать нѣкоторыя преобразованія: онъ хотѣлъ перестроить скитскую церковь, расширить самый скитъ, перемѣнить, обновить и умножить наличный составъ скитскихъ поселенцевъ; но гражданская власть пресѣкла зло въ самомъ началѣ—и Бударинскій скитъ теперь попрежнему тотъ же скитъ съ церковью, но безъ причта. Епископъ Викторъ въ настоящее время не имѣетъ постояннаго мѣстожительства; слышно, что онъ бываетъ частенько и въ Уральскѣ, въ домѣ торговца Симакова, у котораго собственная молельня, гдѣ почти каждодневно совершается богослуженіе, для чего имѣются всѣ необходимыя принадлежности.

Заботясь объ открытіи *благословенныхъ* церквей, Столыпинъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду сосредоточить раскольниковъ, пожелавшихъ переходить въ единовѣріе, въ опредѣленныхъ пунктахъ и подчинить ихъ извѣстному контролю духовной или свѣтской власти, дабы чрезъ то предотвратить пріемъ бѣглыхъ поповъ и постепенно подготовить самихъ старообрядцевъ къ переходу въ единовѣріе или православіе. Но на первыхъ же порахъ обнаружилось, что никольскіе прихожане не только сами не тяготѣли къ единовѣрческой Церкви, а, напротивъ, очень многихъ изъ единовѣрцевъ увлекали въ свою среду, особенно много перешло въ Никольскую церковь изъ прихожанъ уральской Успенской церкви. Съ другой стороны нельзя отрицать и того, что открытіе благословенныхъ церквей наносило чувствительный ударъ австрійскому священству, такъ какъ послѣдователи его лишались теперь самыхъ важныхъ и надежныхъ пріютовъ въ Уральскомъ войскѣ: тамъ, гдѣ прежде ихъ принимали и скрывали отъ надзора полиціи, теперь были свои

попы хотя исправленные, но рукоположенные православнымъ епископомъ, австрійское же священство признавалось неправильнымъ.

VII.

Указъ 20 мая 1859 г. о свободѣ богослуженій всѣхъ толковъ, появившійся среди уральскихъ раскольниковъ.—Никольскій единовѣрческій монастырь въ Уральскомъ войскѣ. — Чудотворныя иконы въ Уральскѣ, непризнанныя епархіальною властію.—Пребываніе въ Уральскѣ преосвященнаго Антонія въ іюлѣ 1861 г.—Рѣчь Столыпина и результаты его мѣръ по отношенію къ уральскому расколу. — А. П. Безакъ и его отношеніе къ Уральскому войску. — Расколъ въ австрійской іерархіи. — Дѣйствія Софронія въ Москвѣ, Бѣлой Криницѣ и на Уралѣ.—Депутація отъ уральскихъ раскольниковъ въ Москву. — Бѣлокриницкій актъ 8 іюля 1868 г. и отношеніе къ нему уральскихъ раскольниковъ.—Рукоположеніе въ епископы Тарасія.—Австрійскіе попы и попы-самозванцы въ Уральскихъ предѣлахъ. — Перемѣна въ убѣжденіяхъ митрополита Кирилла и покушеніе на его жизнь. — Устройство въ Бѣлой Криницѣ раздорнической киновіи инокинь.

Въ началѣ іюня 1859 года между уральскими раскольниками появился указъ слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему повелѣнію указъ Его Императорскаго Величества, самодержца всероссійскаго изъ правительствующаго Сената г. управляющему астраханскою губерніей".

„Правительствующій Сенатъ въ общемъ собраніи слушали положеніе комитета гг. министровъ, относительно исповѣданія старообрядческой вѣры издревле содержащими ихъ потомками, а также и вновь ежегодно размножающимися послѣдователями этой вѣры, какъ это усмотрѣно изъ вѣдомостей, доставляемыхъ правительствующему Сенату. А потому комитетъ гг. министровъ, разсмотрѣвъ догматы, относящіеся до обрядовъ, съ законами Его Императорскаго Величества нашелъ, что книги какъ стараго завѣта, такъ и новаго послѣдовали отъ писателей по внушенію Св. Духа; то и послѣдователи ихъ если ужь они такъ

крѣпко соблюдаютъ и почитаютъ завѣтъ свой, что, не смотря на всѣ предпринимаемыя мѣры правительства къ искорененію старообрядцевъ и обращенію къ единовѣрію, т. е. къ православной каѳолической вѣрѣ, остаются неудобопреклонными: то должны быть ограждаемы законами Его Императорскаго Величества, въ чемъ и составленъ планъ, относительно старообрядческой вѣры, который былъ на разсмотрѣніи Его Императорскаго Величества, рукою котораго написано: *„быть по сему"*. — А положеніе комитета гг. министровъ есть слѣдующее: 1) всѣхъ послѣдователей старообрядческой вѣры, содержащихъ таковую до изданія сего положенія, оставить свободными отъ всѣхъ притязаній со стороны правительства, относительно исповѣданія ихъ вѣры; 2) тѣхъ, которые хотя издревле содержали эту вѣру, или же отпали отъ православія, и правительствомъ преданы суду, учинить свободными; 3) въ губерніяхъ, а также въ городахъ и уѣздахъ, гдѣ будутъ послѣдователи этой вѣры въ числѣ не менѣе 500 душъ, дать полную свободу, по ихъ обрядамъ, богослуженія, для чего, по усмотрѣнію гг. начальниковъ губерній, отвести имъ мѣста соотвѣтственно, какъ послѣдователямъ Христа Спасителя, на которыхъ бы они могли построить молитвенные дома, гдѣ нѣтъ таковыхъ, и чтобы какъ на новыхъ, такъ и на старыхъ ихъ моленнахъ были отличія, какъ, напримѣръ, крестное знаменіе, по ихъ обряду; 4) вмѣнить въ обязанность старообрядцамъ, чтобы они изъ среды своей общины избрали одно лицо, которое бы во всѣхъ бумагахъ и дѣлахъ подписывалось, какъ настоятель старообрядческой общины (такой-то), и тѣ, которые находятся въ губерніи, обращались со всѣми требами, до таинствъ, по ихъ обрядамъ, относящимися, къ нему одному, и всѣ требы, до богослуженія касающіяся, должны быть отправляемы въ устроенныхъ для сего моленнахъ; для тѣхъ же, которые въ уѣздахъ или городахъ, то это—уже на обязанности этого наставника, по усмотрѣнію своему,

назначать въ томъ городѣ или уѣздѣ, гдѣ находятся старообрядцы, такое же лицо, которое бы могло исполнять требы и всѣ таинства, а также какъ настоятелю, такъ и назначенному отъ него въ городахъ или уѣздахъ лицу, вмѣнить въ обязанность, чтобы они всѣхъ находящихся подъ ихъ пастьми единовѣрцевъ имѣли вѣдомости бракомъ сочетавшихся и умершихъ, чрезъ каждые полгода доводили бы до свѣдѣнія мѣстной полиціи; 5) надъ тѣми, кои окажутся отпавшими отъ православія послѣ сего положенія, по произведеніи слѣдствія, не дѣлая ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ приговора, прямо въ слѣдствіи представлять отъ лица г. начальника губерніи въ правительствующій Сенатъ.—Сенатъ предписываетъ всѣмъ начальникамъ губерній и вамъ, г. управляющему астраханскою губерніей означенное положеніе комитета гг. министровъ привести въ исполненіе не ранѣе, какъ, по полученіи сего, черезъ годъ, впредь до особаго указа правительствующаго Сената.—20 мая 1859 года" (1).

Кто былъ составителемъ этого указа, неизвѣстно; но на самомъ дѣлѣ такой указъ никогда не издавался, и о немъ никто не знаетъ ни въ Уральскѣ, ни въ Оренбургѣ. Подложность указа очевидна изъ всего его изложенія и содержанія. Онъ составленъ на имя астраханскаго губернатора, который въ то время не имѣлъ уже никакого отношенія къ Уральскому войску. Составителемъ этого указа былъ, конечно, кто-либо изъ послѣдователей раскола, которые и раньше пытались распространять фальшивые указы о свободѣ богослуженія всѣхъ толковъ (2), чего такъ желали всѣ раскольники.

Между тѣмъ, Столыпинъ продолжалъ начатое имъ дѣло съ обычной его характеру энергіей. Обра-

---

(1) См. въ архивѣ атам. канцел. Дѣло о построеніи въ Уральскѣ Никольской церкви.

(2) Сборн. Попова, вып. V, стр. 268, примѣчаніе. Срав. «Истор. очеркъ австр. свящ.» Монастырева, стр. 136.

тивъ Сергіевскій скитъ въ единовѣрческій монастырь, онъ постарался уничтожить и Митрясовскій скитъ, монахи котораго были переведены подъ надзоръ настоятеля Сергіевскаго единовѣрческаго монастыря, іеромонаха Тарасія.

Мы видѣли, что Столыпинъ, при обращеніи Сергіевской часовни въ церковь, думалъ было устроить новый монастырь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ скитъ; но отдаленность Сергіевскаго скита отъ Уральска (1) могла мѣшать бдительности надзора за братіей: поэтому рѣшено было устроить монастырь поближе къ городу. Въ 12 или 14 верстахъ отъ Уральска къ сѣверо-западу есть небольшой возвышенный полуостровъ, расположенный на правомъ берегу Деркула, праваго притока Чагана, впадающаго въ Уралъ подлѣ самаго города. Этотъ полуостровъ представляетъ видъ покатаго къ западу бугра и окруженъ почти со всѣхъ сторонъ озеромъ (2), по берегамъ котораго расположены сады Мизинова, Хорошхиной, Акутина, Маркова и другихъ владѣльцевъ изъ лицъ войсковаго сословія.—На этомъ-то мѣстѣ и былъ застроенъ въ шестидесятыхъ годахъ единовѣрческій Никольскій монастырь. Богатый уральскій казакъ Лаврентій Ивановичъ Аржановъ пожертвовалъ, въ обезпеченіе монастыря, 10,000 рубл. сер. Первымъ настоятелемъ этого монастыря былъ іеромонахъ Тарасій, переведенный сюда изъ упраздненнаго Сергіевскаго монастыря-скита, вмѣстѣ съ братіей этого скита. Знавшія Тарасія лица говорятъ, что это былъ человѣкъ суровый, отличавшійся строгостію къ себѣ и къ другимъ. За свою ревность по монастырской жизни онъ былъ удостоенъ Высочайшей награды — золотаго

---

(1) Отъ Уральска до мѣста, гдѣ находился Сергіевскій скитъ, считается 110 верстъ.

(2) Если бы не было небольшой насыпи, ведущей отъ моста чрезъ р. Деркулъ къ монастырскому подъему; то этотъ бугоръ можно было бы назвать островомъ.

наперстнаго креста. Въ настоящее время въ Никольскомъ монастырѣ состоитъ настоятелемъ архимандритъ Іоанникій (въ мірѣ Іаковъ Донсковъ), бывшій раньше протоіереемъ въ Гурьевѣ городкѣ. Братія монастыря состоитъ теперь изъ четырехъ іеромонаховъ, діакона, двоихъ или троихъ монаховъ и нѣсколькихъ послушниковъ. Одинъ изъ іеромонаховъ (Авраамій)—иногородецъ, трое — природные уральцы: одинъ изъ дьячковъ единовѣрческой церкви и двое казаковъ.

Все пространство, занимаемое монастыремъ, не превышаетъ 8 десятинъ земли, изъ коихъ около семи десятинъ находится подъ монастырскимъ садомъ. Самый монастырь въ настоящее время обнесенъ каменной стѣной, имѣющей въ длину (отъ запада къ востоку) 60, а въ ширину (отъ сѣвера къ югу) 40 саженъ. Внутри монастырскаго двора, кромѣ келарни и помѣщенія для настоятеля и братіи (1), находится деревянная двуглавая церковь, освященная въ 1869 г., и странноприимный домъ, окруженный террасой и состоящій изъ пяти комнатъ, за исключеніемъ общаго зала (2).

Въ прежнее время монастырь находился въ вѣдѣніи о. Саввы Севрюгина, а въ настоящее время—въ непосредственномъ распоряженіи настоятеля монастыря, архимандрита Іоанникія, который прилагаетъ всѣ заботы и старанія къ улучшенію монастыря и увеличенію его средствъ, чтобы имѣть возможность, вмѣсто деревяннаго, воздвигнуть каменный храмъ. Богатый уральскій казакъ, Иванъ Васильевичъ Хохлачевъ, умершій назадъ тому годъ съ небольшимъ, пожертвовалъ 15,000 р. сер. на построеніе вновь предполагаемаго каменнаго храма и колоколъ въ 182 пуда и 12 ф.

---

(1) Всего четыре корпуса (всѣ деревянные) и двѣ кельи.

(2) Въ каждой комнатѣ находится по двѣ деревянныя кровати; тюфяковъ и подушекъ пять. Стѣны зала украшены литографированными и фотографическими картинами, преимущественно изъ исторіи Церкви; впрочемъ, есть и картины изъ послѣдней русско-турецкой войны.

Почти одновременно съ основаніемъ Никольской церкви въ Уральскѣ и Никольскаго единовѣрческаго монастыря, въ 14 верстахъ отъ него, въ домѣ одной урядницы явилась мироточивая икона св. и чудотворца Николая. Когда вѣсть объ этомъ распространилась по городу, назначено было слѣдствіе: изъ Уфы прибылъ въ Уральскъ ключарь каѳедральнаго собора о. Даниловъ, который, при содѣйствіи мѣстнаго православнаго духовенства, открылъ подлогъ и приказалъ икону перенести въ Михайло-Архангельскій соборъ. Послѣ этого разнеслась молва, что въ домѣ дьячихи Бирюковой явилась чудотворная икона Божіей Матери; вѣрующіе, въ простотѣ сердца, спѣшили поклониться новоявленной святынѣ. Скоро небольшой домъ Бирюковой не могъ вмѣщать богомольцевъ,—и икону стали носить изъ дома въ домъ, пока не послѣдовало запрещенія отъ епархіальной власти. Въ настоящее время икона эта, какъ мы слышали, находится въ домѣ ея владѣтельницы. Почти такимъ же уваженіемъ пользуется у старообрядцевъ другая икона Божіей Матери, находящаяся въ часовнѣ на дворѣ дома Меркурьева въ Уральскѣ, на углу Большой и Крестовой улицъ. Многіе, какъ слышно, приходятъ въ эту часовню съ больными дѣтьми и масломъ изъ лампадки, горящей предъ иконой, помазуютъ больныхъ дѣтей. Эти выдумки, служившія прибыльной профессіей для лицемѣрно набожныхъ казачекъ, какъ бы подготовляли городскихъ жителей къ принятію *дѣйствительно* чудотворной иконы Казанской Табынской Божіей Матери; но объ этомъ—рѣчь впереди.

21 іюля 1861 года посѣтилъ Уральскъ преосвященный Антоній, епископъ оренбургскій и уральскій. Пріѣздъ архіерея, столь обыкновенный въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ Уральскѣ имѣлъ особенный смыслъ послѣ тѣхъ важныхъ перемѣнъ и преобразованій въ Уральскомъ войскѣ, которыя были произведены совмѣстными усиліями генерала Столыпина и преосвященнаго Антонія. Архипастырь былъ принятъ съ ис-

кренним радушіемъ уральскими казаками: всюду встрѣчалъ его народъ, не говоря про молодое поколѣніе, успѣвшее уже проникнуться новыми убѣжденіями, но и старики-казаки, представители отжившихъ идей,— всѣ толпились вокругъ архипастыря и съ уваженіемъ смотрѣли на его личность, какъ человѣка, который, сочувствуя видамъ правительства, мѣрами кротости и вѣротерпимости помогалъ молодежи воспитываться въ духѣ православной Церкви и религіозно-нравственномъ направленіи. При въѣздѣ въ Уральскъ, преосвященный былъ встрѣченъ на улицахъ густой толпой народа. И старикъ, и юноша съ одинаковымъ радушіемъ привѣтствовали архипастыря. На слѣдующій день своего пріѣзда, т. е. 22 іюля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы, преосвященный служилъ литургію въ Крестовоздвиженской церкви, въ приходѣ Маріинскаго сиротскаго дома. Во время богослуженія церковь была переполнена народомъ, который, за тѣснотою внутри храма, толпился на паперти, вокругъ церкви и войска, собраннаго на парадъ и расположеннаго подлѣ храма.

На слѣдующій день преосвященный совершилъ освященіе новаго иконостаса въ Александро-Невскомъ соборѣ. Иконостасъ этого собора, отличающійся новымъ стилемъ и рѣдкимъ вкусомъ, устроенъ, какъ было замѣчено выше, на деньги, пожертвованныя покойнымъ купцомъ изъ уральскаго войска, А. М. Горбуновымъ (1). По окончаніи освященія и литургіи, пр. Антоній былъ приглашенъ на обѣдъ, устроенный для него уральскимъ обществомъ.—Во время обѣда, послѣ обычныхъ тостовъ за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы, наказный атаманъ обратился къ пр. Антонію съ длинною рѣчью. Рѣчь эта хотя и не чужда риторическихъ украшеній и нѣкоторыхъ преувеличеній; но она важна въ томъ отношеніи, что въ ней довольно характерно описыва-

(1) А. М. Горбуновъ скончался въ 1873 г. въ Самарѣ.

ются принятыя противъ раскола мѣры. Мы приведемъ ее въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ“ (1).

„Вашингтонъ сказалъ, что администраторы и вообще люди политическіе должны остерегаться слишкомъ много и часто говорить публично, такъ какъ всякое нами сказанное слово имѣетъ силу слова печатнаго. Я строго слѣдую этому правилу великаго Вашингтона и потому очень рѣдко говорю публично; но факты, которые ознаменовали пріѣздъ вашего преосвященства въ Уральское войско, до того знаменательны, что я не смѣю умолчать о нихъ. *Уральскъ изстари считался гнѣздомъ раскола* и всѣ писатели, упоминавшіе о нашемъ краѣ, говорятъ о немъ, какъ объ убѣжищѣ отсталыхъ идей и предразсудковъ. Однако на пути въ это гнѣздо раскола, въ пограничномъ городѣ нашего войска, въ Илекѣ, вы были приняты, милостивый архипастырь, съ рѣдкимъ радушіемъ и толпы народа подходили подъ благословеніе ваше. Однако же въ Уральскѣ, въ самомъ гнѣздѣ раскола, церкви были переполнены, во время отправляемыхъ вами богослуженій. Въ Уральскѣ, въ этомъ убѣжищѣ предразсудковъ и отсталыхъ идей, при народонаселеніи въ 10,000 душъ, 400 мальчиковъ посѣщаютъ двѣ казенныя и четыре частныя школы; на скамьяхъ дѣвичьяго училища дочери дворянъ сидятъ рядомъ съ дочерьми простыхъ казаковъ и людей всякаго состоянія и сословія. Всѣ онѣ, равно какъ и ученицы дѣвичьей школы, дѣти богатыхъ и бѣдныхъ, посѣщаютъ Церковь Божію. Вы останавливались и говорили съ дѣтьми, подходившими подъ ваше благословеніе. Всѣ они знали главныя молитвы и заповѣди Божіи—и все это въ гнѣздѣ раскола!!! Отчего же такое ложное понятіе объ Уральскомъ войскѣ? — Дѣйствительно, Уральскъ былъ гнѣздомъ раскола, былъ

(1) Русск. Инвалидъ 1861 г., № 181.

темнымъ уголкомъ Россіи; но это было давно—до восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, до вступленія на оренбургскую каѳедру вашего преосвященства".

„Принявъ бразды правленія, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ Царь нашъ постигъ, что Творецъ вооружилъ его могучимъ оружіемъ самодержавія, единственно для блага своихъ подданныхъ, для того, чтобы стать впереди ихъ и вести къ мирнымъ побѣдамъ на пути усовершенствованія. Первымъ подвигомъ его было освобожденіе крестьянъ—и вся Россія, отъ мала до велика, провозгласила его *Царемъ-Освободителемъ!*—Это наименованіе, вырвавшееся изъ груди народной, останется за нимъ въ исторіи. Освободивъ крестьянъ, мудрый Царь понялъ, что совѣсть и религіозныя убѣжденія ждутъ также свободы, и вотъ одной благонадежной мѣрой за другой *начала прекращаться* въ отечествѣ нашемъ *строгость противъ старообрядцевъ*".

„Вы, милостивый архипастырь, свѣтлымъ взглядомъ своимъ сразу поняли то положеніе, на которое должно стать духовенство въ отношеніи къ расколу. Чтобы сообразоваться съ видами Государя Императора, вы чистосердечно вошли въ эти виды; вы поняли, что миссіонерская дѣятельность на новыхъ основаніяхъ пріобрѣтетъ силу небывалую; *вы даровали уральскимъ старообрядцамъ всѣ льготы*, которыя могли даровать, не преступая законовъ Церкви. И чтоже?—Вы уже теперь, преосвященнѣйшій владыко, вкушаете плоды своей благой дѣятельности: всѣ мы, здѣсь присутствующіе, можемъ засвидѣтельствовать, что если храмы Божіи, пустые за три года передъ симъ, теперь наполнены народомъ; если въ это же время *окрещено болѣе 5000 младенцевъ и взрослыхъ;* если предубѣжденіе противъ школъ мало-по-малу уничтожается: то мы обязаны всѣмъ этимъ снисходительности и льготамъ, которыя вамъ были внушены вѣротерпимостью и любовью вашей".

„Съ того времени *миновалось и ожесточеніе старообрядцевъ противъ православныхъ властей.* Первый шагъ сдѣланъ!.. Сліяніе совершается!—Уральцы скоро стряхнутъ съ себя послѣднія лохмотья обветшалыхъ предразсудковъ и, вмѣстѣ съ людомъ русскимъ, будутъ достойны наименованія народа будущности. Мы надѣемся, ваше преосвященство, что этому преобразованію помогутъ намъ архипастырскія молитвы ваши. Мы надѣемся, что Богъ поможетъ вамъ продолжать свое шествіе по пути вѣротерпимости, который вы избрали, и потому молимъ Всевышняго, чтобы Онъ даровалъ вамъ многія лѣта!!!“

Преосвященный былъ видимо растроганъ. Онъ благодарилъ атамана Столыпина за содѣйствіе, оказанное ему въ дѣлѣ ослабленія раскола, *относя къ нему большую часть успѣха*, имѣвшаго слѣдствіемъ такой благодѣтельный переворотъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ уральцевъ. „*Мое оружіе—молитва*“, заключилъ свою рѣчь взволнованнымъ голосомъ архипастырь. 25 іюля пр. Антоній оставилъ Уральскъ.

Не смотря на сильную привязанность Уральскаго войска къ старинѣ, ея обычаямъ и порядкамъ, Столыпинъ своими нововведеніями и мѣрами, направленными къ ослабленію раскола, не только не возбудилъ въ войскѣ неудовольствія противъ себя, а, напротивъ, заслужилъ величайшую любовь, уваженіе и добрую память о себѣ среди казаковъ, которые до сихъ поръ съ непритворною благодарностію и нерѣдко вспоминаютъ А. Д. Столыпина,—имя это, вѣроятно, долго еще не забудется на берегахъ Урала.

Дѣятельность А. Д. Столыпина, дѣйствительно, въ многомъ была полезна для Уральскаго войска; не прошла она безслѣдно и въ исторіи уральскаго раскола: Столыпинъ, какъ мы знаемъ, уничтожилъ полувѣковое гнѣздо раскола—Сергіевскій скитъ, замѣнивъ его единовѣрческимъ монастыремъ; онъ же наложилъ руку и на другіе скиты въ войскѣ, теперь уже несуществующіе или пошатнувшіеся въ своемъ основаніи.

Благодаря заботамъ и энергіи Столыпина, Уральское войско выстроило шесть новыхъ церквей, при чемъ болѣе двухъ съ половиною тысячъ душъ перешло изъ раскола въ православіе (1), и крещено до 5000 дѣтей и взрослыхъ, которые могли остаться некрещенными. Столыпинъ положилъ начало народному образованію въ войскѣ; открылъ особое училище для дѣтей духовнаго званія въ самомъ Уральскѣ; не довольствуясь оффиціальными цыфрами, онъ, при помощи своихъ агентовъ, привелъ въ извѣстность число раскольниковъ въ войскѣ, наиболѣе близкое къ дѣйствительности; онъ же раскрылъ мѣста пріюта бѣглыхъ поповъ и т. п. Всѣ эти факты на столь знаменательны, что исторія не должна ихъ игнорировать, и будущій историкъ Уральскаго войска едвали пройдетъ ихъ молчаніемъ.

Въ 1860 году скончался оренбургскій генералъ-губернаторъ А. А. Катенинъ, при помощи и содѣйствіи котораго Столыпинъ старался ослабить расколъ въ Уральскомъ войскѣ и вывести послѣднее на путь гражданственности и цивилизаціи. Мѣсто Катенина занялъ генералъ-адъютантъ Александръ Павловичъ Безакъ, который былъ совершенно иныхъ воззрѣній на Уральское войско: онъ не желалъ его тревожить тѣми или другими преобразованіями и мѣрами (2), направленными къ ослабленію раскола. Понятно, что и Столыпину трудно было теперь продолжать свое дѣло, по принятому имъ плану, такъ-какъ онъ не могъ идти наперекоръ желаніямъ главнаго начальника края. Такимъ образомъ, Столыпинъ долженъ былъ или отказаться отъ принятаго имъ образа дѣйствій, или же оставить свой постъ, — онъ избралъ послѣднее: въ 1862 г. онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мѣсто наказнаго атамана занялъ генералъ В. Д. Дандевиль.

---

(1) Въ 1860 г. обратившихся было 1368 чел., въ 1861—567 ч., въ 1862 г.—517 ч. обоего пола.

(2) Ур. в. вѣд. 1868, № 6, стр. 5.

Съ объявленіемъ послѣдней турецкой войны, престарѣлый севастопольскій герой снова вступилъ въ службу и, по взятіи Никополя, былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости. Вмѣстѣ съ Столыпинымъ вступили въ военную службу и два его сына, изъ которыхъ одинъ едва остался живъ, во время геройской защиты русскими Шипкинскаго прохода.

Съ 1862 года въ средѣ уральскаго раскола начинаются движенія и несогласія, вызванныя появленіемъ „Окружнаго посланія".

Прежде всѣхъ открытымъ врагомъ „Окружнаго посланія" и его защитниковъ явился лжеепископъ Софроній съ своими приверженцами. При этомъ онъ руководился и многими чисто личными побужденіями,— чтобы производить смуту. Съ 1859—1861 г. Софроній считался заштатнымъ епископомъ, а въ 1861 году, по рѣшенію собора, ему дана была въ управленіе Симбирская епархія (1); въ слѣдующемъ году Софроній самовольно оставилъ Симбирскую епархію, а также и временно ввѣренныя ему епархіи: Пензенскую, Тамбовскую и Воронежскую (2). Явившись въ Казань, а потомъ въ Москву, онъ сталъ ходатайствовать, чтобы ему была поручена Казанская епархія, будто бы неимѣвшая епископа (3). Потерпѣвъ неудачу въ этомъ, Софроній пошелъ еще дальше: онъ началъ домогаться права на епископскія дѣйствія повсюду, безъ ограниченія и различія епархій (4); но ему удалось только получить отъ завѣдывавшаго тогда старообрядческими дѣлами Онуфрія разрѣшительную грамату на епископскія дѣйствія въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не было

---

(1) См. «Соборное рѣшеніе бывшему епископу симбирскому Софронію» въ соч. Монастырева: »Истор. очеркъ австр. священства», въ прилож. № 3.

(2) Тамъ же, § 2.

(3) Тамъ же, § 3.

(4) Ib. § 5.

епископовъ (1). Заручившись граматой Онуфрія, Софроній заявилъ, что онъ желаетъ остаться въ Москвѣ, такъ какъ въ ней де епископа нѣтъ (2). Московскій духовный совѣтъ потребовалъ отъ Софронія, чтобы онъ оставилъ предосудительный образъ дѣйствій, а грамату, несправедливо данную ему Онуфріемъ, возвратилъ. Софроній не послушался — и грамата была уничтожена особымъ формальнымъ постановленіемъ (3). Озлобленный противъ Московскаго духовнаго собора, Софроній, разъѣзжая по старообрядцамъ, „точно песъ или волкъ голодный, рыкая на все духовенство русское, вербовалъ себѣ сторонниковъ“, и успѣлъ расположить въ свою пользу очень многихъ. Когда среди раскольниковъ пошли невыгодные толки объ „Окружномъ посланіи“, Софроній, воспользовавшись этими толками, сталъ разсѣевать въ Оренбургскомъ краѣ нелѣпыя сужденія о Московскомъ соборѣ, о духовенствѣ и особенно объ „Окружномъ посланіи“, называя его ересью, нововведеніемъ и предательствомъ „Великороссійской Церкви“.—Желая придать своимъ дѣйствіямъ видъ законности, онъ захотѣлъ перетянуть на свою сторону и безхарактернаго митр. Кирилла. Съ этою цѣлію Софроній отправился за границу, къ бѣлокриницкому митрополиту, но былъ арестованъ. Послѣ этой первой неудачи, онъ рѣшился предпринять новую поѣздку, и для того, чтобы не быть узнаннымъ, обрѣзалъ себѣ волосы перочиннымъ ножемъ, и, пробравшись въ Бѣлую Криницу, сталъ ходатайствовать предъ митрополитомъ о предоставленіи ему церковно-іерархическаго управленія всей Россіей (4).

Между тѣмъ, какъ Софроній находился въ Бѣлой Криницѣ, Московскій совѣтъ отправилъ въ Оренбург-

---

(1) Ib. § 4.
(2) Ib. § 4.
(3) Ib. § 6.
(4) Тамъ же, § 9.

скій край Пафнутія, казанскаго епископа, который долженъ былъ разсѣять „*сатанинскіе толки*“ Софронія о Московскомъ соборѣ и объ „Окружномъ посланіи“. Пафнутій, впрочемъ, не могъ вполнѣ достигнуть цѣли; ему удалось только рукоположить тамъ двухъ епископовъ: 6 декабря 1862 г. онъ посвятилъ нѣкоего Савватія въ епископа тобольскаго, для сибирскихъ старообрядцевъ, а 8 декабря—Константина въ епископа оренбургскаго, *для уральскихъ* старообрядцевъ. Когда Софронія, по его возвращеніи изъ-за границы, предали соборному суду, и когда отъ лица собора русскихъ епископовъ ему было предложено нѣсколько вопросовъ; то Софроній возвратилъ эти вопросы назадъ и заявилъ, что онъ самый соборъ признаетъ незаконнымъ и пристрастнымъ и, считая себя подчиненнымъ одному митрополиту, не находитъ нужнымъ отвѣчать на предложенные ему вопросы. Не смотря на неоднократныя приглашенія явиться на соборъ, Софроній остался при своемъ рѣшеніи (1), чѣмъ оказалъ явное пренебреженіе къ собору. Такъ какъ Софроній опирался на митрополита; то въ опредѣленіи собора было сказано, что „*Софроній митрополитомъ и сущимъ при немъ соборомъ*“ давно уже извергнъ изъ своего сана. Убѣдившись, что прежнее низверженіе нисколько не вразумило Софронія, а сдѣланное ему снисхожденіе имѣло одни вредныя послѣдствія, соборъ, 29 іюля 1863 года постановилъ слѣдующее рѣшеніе: 1) „Бывшій епископъ симбирскій Софроній, неявившійся по приглашенію на соборъ, на основаніи 74 апост. правила, заочно извергается изъ всякаго священнаго званія и долженъ съ этихъ поръ именоваться только инокомъ Софроніемъ „*даже до смерти живота своего*“. 2) Если онъ смиренно покорится этому рѣшенію и будетъ вести приличный иноку образъ жизни, то наравнѣ съ про-

(1) Ibid. § 13.

чими можетъ быть допускаемъ къ исповѣди и причастію. 3) Если же онъ и послѣ этого будетъ продолжать священнодѣйствовать, совращать другихъ и порождать раздоры и несогласія, то, на основаніи 28 правила св. апостолъ, *„отъ Церкви да отлучится“* (1). — Это постановленіе собора было подписано архіепископомъ московскимъ Антоніемъ и восмью епископами (2), и утверждено даже митрополитомъ Кирилломъ, сторонникомъ Софронія.—Но соборное осужденіе мало повліяло на Софронія,—и послѣ него онъ продолжалъ совершать священныя дѣйствія: 9 сентября того же (1863) года онъ рукоположилъ въ іереи въ г. Боровскѣ своего діакона Іоанна, а въ декабрѣ постригъ въ иноки Сергія Столбкова, названнаго при постриженіи Саввой, который 1 января 1864 г. былъ рукоположенъ Софроніемъ въ священники. Вслѣдъ за тѣмъ Софроній отправился на Уралъ, который съ этого времени дѣлается главною резиденціею этого неукротимаго человѣка.

Явившись въ уральскіе предѣлы, Софроній прежде всего постарался удалить тамошняго епископа Виталія. Для достиженія этой цѣли, онъ вошелъ къ нему въ особое довѣріе, и въ короткое время вывелъ всѣ темныя стороны его жизни и дѣятельности предъ „Духовнымъ совѣтомъ“, такъ что „совѣтъ“, не смотря на личность доносчика, не могъ не довѣрить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ его обвиненій—и Виталій былъ удаленъ на покой, подъ предлогомъ будто бы слѣпоты (3). — Оставшись на Уралѣ одинъ, Софроній сталъ проповѣдывать ученіе прямо противоположное

---

(1) Ibid. §§ 1, 2, 3, стр. 298—299.

(2) Подъ нимъ подписались: Аѳанасій саратовскій, Пафнутій казанскій, Варлаамъ балтовскій, Савватій тобольскій, Онуфрій, Іустинъ, за епископа оренбургскаго Константина подписался іеродіаконъ Викентій, а за Іова кавказскаго—іерей Павелъ.

(3) Сборн. Попова, вып. V, стр. 208. Русск. Вѣстн. 1865 г., мартъ, 337.

ученію, изложенному въ „Окружномъ посланіи“. Онъ говорилъ, что „въ Россіи нынѣ господствующая Церковь вѣруетъ *во инаго Бога Іисуса*, рожденнаго осмью годами послѣ Спасителя міру *Іисуса* Христа; что подъ именемъ Іисуса должно подразумѣвать сына погибели—антихриста; что *за царя не должно совершать на святой проскомидіи приношеніе*, яко за служителя антихристова; что епископы, издавшіи и пріимшіи „Окружное посланіе“, отступили отъ истинныя вѣры, впали въ ересь и суть горше аріанъ: и что, наконецъ, въ „Окружномъ посланіи“ заключается 120 ересей“ (1).

На первыхъ порахъ это новое ученіе заняло головы многихъ уральскихъ раскольниковъ; пошли разные толки и споры; явились окружники и противоокружники, или раздорники. Между тѣмъ, Софроній, не смотря на рѣшеніе собора, продолжалъ священнодѣйствовать и совершать епископскія дѣйствія. Вскорѣ, по своемъ прибытіи въ Уральскъ, онъ рукоположилъ въ священники нѣкоего Козьму. Узнавъ о новыхъ продѣлкахъ Софронія, соборъ опредѣлилъ: 1) „Извергеннаго епископа Софронія, дерзнувшаго и по изверженіи совершать святительскія дѣйствія, *отъ Церкви отлучить и съ нимъ*, какъ съ отлученнымъ, *всѣ православные христіане въ моленіи да не совокупляются*. 2) Всѣ учиненныя Софроніемъ послѣ извержения дѣйствія признаются недѣйствительными, и поставленныя имъ во священники лица отъ сана да будутъ обнажены и должны считаться въ томъ званіи, въ какомъ были до посвященія; если же оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ Савва и Козьма, по объявленіи имъ настоящаго опредѣленія, позволятъ себѣ священнодѣйствовать, то будутъ подвергнуты отлученію“. — Это опредѣленіе собора подписали: Антоній московскій и владимірскій, архимандритъ Евфросинъ

(1) Совр. Лѣт. 1867 г., № 22.

и монахъ Антоній,—довѣренные митрополита Кирилла,—а также: Пафнутій казанскій, Варлаамъ балтовскій и Аркадій славскій, экзархъ некрасовцевъ. Но и это опредѣленіе не испугало и не смирило Софронія: три раза низверженный соборомъ и наконецъ отлученный отъ Церкви онъ попрежнему продолжалъ дѣлать, что ему было угодно, а его приверженцы видѣли въ немъ епископа, и признавали поставленныхъ имъ поповъ за „*истовыхъ*“.

Но своевольный образъ дѣйствій и попраніе Софроніемъ всѣхъ опредѣленій собора вооружили противъ него болѣе здравомыслящихъ изъ уральскихъ раскольниковъ; особенно послѣдніе были возмущены нелѣпымъ ученіемъ Софронія объ имени *Іисусъ*. Нѣкоторые обратились было за разъясненіемъ своихъ сомнѣній къ садовской игуменьѣ Порфиріи и къ начетчику—казаку С. Л. Истомину; но попытки были напрасны: ни Порфирія, ни Истоминъ не могли дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы „сумнящихся“. Внутренее безпокойство совопросниковъ усилилось еще болѣе, когда они столкнулись съ противниками австрійскаго священства, изъ которыхъ особенно выдѣлялся начитанностью и діалектикой Хрисанфъ Исаевъ, иконописецъ изъ города Николаева Самарской губерніи. Исаевъ въ спорѣ съ австрійцами, между прочимъ, указывалъ на то, что Амвросій—грекъ, а Арсеній Сухановъ въ своемъ „Проскинитаріи“ замѣчаетъ, что онъ былъ въ Греціи и истинной вѣры тамъ не нашелъ. „Греція, — доказывалъ Исаевъ, — отпала отъ православной вѣры, во время нашествія на Царьградъ турокъ. Когда греки обратились за помощію къ папѣ; то онъ предложилъ имъ три условія: 1) обливательное крещеніе, 2) трехперстное сложеніе, и 3) хожденіе безъ креста; греки согласились и получили помощь противъ турокъ. Между тѣмъ въ „Кормчей“ прямо сказано, что *крещеніе должно совершаться чрезъ погруженіе въ воду*, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа; поэтому „Кормчая“ и „Филаретовъ потребникъ“ совѣту-

ютъ обливанцевъ перекрещивать, а Амвросій — обливанецъ". Доводы Исаева вселили большое сомнѣніе въ нѣкоторыхъ приверженцевъ австрійскаго священства на Уралѣ. Подъ вліяніемъ этихъ сомнѣній, двое австрійцевъ: М. Е. Блиновъ (1) и Смирновъ отправились, въ качествѣ депутатовъ, въ Москву, чтобы разузнать истину. Явившись въ Москву, они посѣтили въ Вожѣ почившаго митрополита Филарета и Пафнутія, епископа коломенскаго; послѣдній бесѣдовалъ съ уральскими гостями всю ночь и успокоилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: показавъ имъ „Кормчую" Іосифовской печати, онъ нашелъ то мѣсто, гдѣ говорилось о посвященіи русскихъ патріарховъ: Филарета и Іова патріархами іерусалимскимъ и константинопольскимъ; прочитавъ это мѣсто, Пафнутій спросилъ: „нашествіе турокъ на Царьградъ было за 400 лѣтъ до нашего времени, а у насъ патріархи были не болѣе 250 лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно, и наши патріархи тоже обливанцы?!"—Совопросники не знали, что отвѣчать, и совершенно успокоились. Блиновъ пожелалъ принять отъ Пафнутія мѵропомазаніе, въ духѣ австрійской іерархіи, что епископъ и совершилъ съ величайшимъ удовольствіемъ, Смирновъ же былъ „*исправленъ*" послѣ, по возвращеніи въ Уральскъ, инокомъ Израилемъ. При своемъ отъѣздѣ изъ Москвы, они получили отъ Пафнутія будто бы св. тайны, въ видѣ порошка, а по прибытіи въ Уральскъ должны были, по совѣту того же Пафнутія, обратиться за священникомъ, который бы могъ исправлять ихъ „духовныя нужды", къ садовской игуменьѣ—Порфиріи (2).

---

(1) М. Е. Блиновъ переселился въ Уральскъ, лѣтъ 20 или болѣе тому назадъ, изъ деревни Кочемы Георгіевскаго уѣзда Рязанской губерніи; впослѣдствіи онъ перешелъ въ православіе и доселѣ проживаетъ въ Уральскѣ.

(2) Такъ передавалъ намъ о своемъ путешествіи самъ М. Е. Блиновъ, который нерѣдко бывалъ у насъ и любилъ бесѣдовать о предметахъ вѣры.

Между тѣмъ „богохульное“ ученіе Софронія и послѣ этого не давало покоя многимъ изъ уральскихъ раскольниковъ австрійскаго толка. Въ первой половинѣ мая 1866 года, въ Москву явились снова нѣкоторые изъ „*благоразумныхъ христіанъ уральскихъ*“, которые, будучи возмущены нелѣпымъ ученіемъ Софронія, намѣрены были повѣдать о томъ собору „*боголюбивыхъ епископовъ*“. Послѣдніе, выслушавъ изъ устъ уральскихъ христіанъ ученіе Софронія, признали его „*ложнымъ и богопротивнымъ*“. Узнавъ, что Софроній находился въ это время въ Москвѣ, они предложили уральцамъ пригласить Софронія на „соборное разглагольствіе о его лжеученіи“; или, если онъ самъ не пойдетъ, просить его, чтобы онъ „поручилъ кому-либо за себя глаголати“. Софроній, какъ и слѣдовало ожидать, самъ отказался явиться на „соборное разглагольствіе“, а предложилъ, вмѣсто себя, пригласить Давыда Антипова, о коемъ заявилъ, что Антиповъ даже болѣе его знаетъ, что̀ онъ скажетъ, то все будетъ свято, и что онъ во всемъ съ нимъ согласенъ. При этомъ Софроній высказалъ довольно оригинальное сужденіе о составителяхъ „Окружнаго посланія“: „посланіе,—говорилъ онъ,—составлено не нашими—*гдѣ имъ такъ написать!* Его составляли четыре человѣка студенты, кои, по вся вечеры къ нимъ приходяще, цѣлыя ночи просиживая, писаху, и написаша множество бумагъ, вѣсомъ болѣе пуда, и отъ тѣхъ составиша посланіе, а прочая вся, боящеся свѣтскаго начальства, въ рѣку ввергоша. А студенты-то знаете кто? — безбожники! Они составили посланіе, и отъ нихъ можетъ-ли что̀ добро быти!“ Уральцы, по указанію Софронія, обратились къ Давыду Антипову, который охотно принялъ вызовъ на состязаніе. Начались „соборныя разглагольствія“, продолжавшіяся въ теченіе семи дней; Антиповъ оказался самымъ закоренѣлымъ фанатикомъ-противо-окружникомъ: мнѣнія, какія онъ развивалъ на разглагольствіи, въ сущности, тѣ же самыя, какія

проводитъ и Софроній (1). Затѣмъ, какъ извѣстно, мнѣнія Софронія и Давида Антипова были утверждены Кирилломъ, а „Окружное посланіе“ предано осужденію; между тѣмъ въ Москвѣ появился новый Антоній, — епископъ противоокружниковъ, и такимъ образомъ согласіе австрійскаго священства формально распалось на двѣ секты.

Хотя „Окружное посланіе“ было осуждено верховнымъ владыкою старообрядческаго міра; но это не измѣнило убѣжденій окружниковъ. Между тѣмъ Софроній отправился въ Калугу, въ качествѣ проводника понятій противныхъ „Окружному посланію“, и какъ бы предъявителя московскихъ и бѣлокриницкихъ опредѣленій раздорниковъ. Прибывши въ Калугу, онъ предъявилъ бѣлокриницкій актъ, и сталъ требовать, чтобы окружники шли къ нему за прощеніемъ (2). На это ему отвѣчали: „когда наша рѣка Ока возвратитъ свои струи вспять, тогда и мы пойдемъ за прощеніемъ къ Софронію: отъ клятвопреступниковъ прощенія не просятъ... Они хотятъ насъ приписать подъ чинъ (3); кто же изъ насъ отдѣлился отъ соборной Церкви, мы или они? — Мы ереси за собой никакой не видимъ; не намъ у нихъ просить прощенія... Если нашли ересь въ „Окружномъ посланіи“, пущай укажутъ... Тамъ (на соборѣ) 8 іюля благодать не была, а что Давыдъ (Антиповъ) говорилъ, а митрополитъ подтверждалъ... Святитель чужимъ умомъ проживаетъ“ (4).

Не менѣе поражены и возмущены были раздорническими опредѣленіями и на Уралѣ. Еще въ то время, когда происходило московское разглагольствіе

---

(1) Подробности см. въ «Истор. очеркѣ австр. священства» Монастырева, стр. 155. и «Совр. Лѣтоп.» 1867 г., № 22.

(2) Софроній по бѣлокриницкому акту снова получилъ званіе епископа, вопреки всѣмъ раньше состоявшимся постановленіямъ старообрядческихъ соборовъ.

(3) Т. е. принимать какъ еретиковъ.

(4) Совр. Лѣт. раск. 1869, стр. 105, 201 въ прилож.

Давыда Антипова, инокини уральскаго Садовскаго скита обратились съ письмомъ къ одному изъ извѣстныхъ московскихъ старообрядцевъ, прося его увѣдомить о результатахъ совѣщаній окружниковъ и раздорниковъ. Исполняя ихъ желаніе, И. П. Б—въ, въ домѣ котораго происходили совѣщанія, писалъ въ Садовской скитъ: „Никакого мира нѣтъ и быть не можетъ; никакой здравомыслящій человѣкъ не рѣшится принять такой беззаконный миръ и подвергнуть себя проклятію. Пусть они (т. е. раздорники) остаются проклятыми. Они постановили, что кто будетъ съ окружниками пить, ѣсть и вкупѣ Богу молиться, тотъ да будетъ проклятъ; а сами съ окружниками на поминкахъ, въ гостяхъ, и пьютъ, и ѣдятъ, и на кладбищѣ (Рогожскомъ) вмѣстѣ Богу молятся. Ясно, что они сами себя предали проклятію“ (1). — Игуменья Садовскаго скита Порфирія сообщила инокинямъ, что Софроній отправился въ Москву на соборъ; почему садовскія обительницы интересовались знать, какую роль будетъ играть на соборѣ ихъ уральскій „златоустъ“, владыка Софроній. „Еще вы пишете, — отвѣчалъ имъ на это Б—въ,—что Софроній, какъ сказывала вамъ Порфирія, уѣхалъ въ Москву на соборъ; слухи есть, что будто бы въ Москвѣ, но не на соборѣ, а развѣ сидитъ подъ разборомъ, придумываетъ, какъ лучше сотворить какую-нибудь пакость и врагу угодить,—онъ на то и рожденъ“ (2).—Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ отвѣтъ на садовскихъ монахинь, поклонницъ Софронія; но только онъ не помѣшалъ ему и послѣ того пребывать въ ихъ трущобахъ и пользоваться ихъ гостепріимствомъ. Громы проклятій Московскаго собора и невыгодныя мнѣнія о Софроніи окружниковъ, подобныхъ Б—ву, оказывались недѣйствительными относи-

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г.; № 26.

(2) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 26.

тельно Бѣлогорскихъ трущобъ (1), и въ ихъ *темныхъ* уголкахъ попрежнему совершались *темныя* дѣла (2).

Затѣмъ, когда вопросъ объ „Окружномъ“ былъ перенесенъ уже за границу, со стороны уральскихъ раскольниковъ не разъ раздавались жалобы на несправедливыя опредѣленія относительно „Окружнаго посланія“ и на невозможность примиренія съ такими мнѣніями, каковы были мнѣнія противоокружниковъ. Въ началѣ сентября 1868 года уральскіе окружники писали въ Москву: „за границей изданъ мирный актъ, но въ немъ ни слова не упомянуто о Кирилловомъ и прочихъ лжеученіяхъ; слѣдовательно, о семъ ученіи на соборѣ за границей не было никакого вопросу къ митрополиту Кириллу; должно быть оно и осталось при нихъ. О Боже! избави насъ таковыхъ лжеучителей, аще не покаются. Всѣ мы радуемся доброму миру, ведущему ко спасенію, а если будемъ мириться о нарушеніи истины, то зловредно есть; а видится, что таковой миръ и начинается сейчасъ. Итакъ нынѣ многіе сему начинаемому неистинному миру не радуются, а желаютъ благаго, праваго, истинѣ непротивнаго мира, дабы всѣ мы вообще неуклонно держались тѣхъ постановленій, какъ было двѣсти лѣтъ тому назадъ. Вся тая преданія, ученія имѣть всѣмъ единодушно; а не такъ мудрствовать, что Іисусъ—инъ богъ, антихристъ;.. что онъ осмью годами моложе Христа, и что онъ распятъ на крестѣ четверокопечномъ“ и проч.

„Лишь одни безпоповцы такъ учили,
И по достоинству себѣ награду получили.
Они всего благодатнаго закона лишились,
И до конца въ своей ереси утвердились.

---

(1) Бѣлогорскія трущобы, вѣроятно, — псевдонимъ садовскихъ скитовъ, такъ какъ самый Уральскъ называется иногда *„Бѣлогорскъ“* (отъ мѣстности—*Бѣлыя горки*, расположенной на западъ отъ города), подобно тому какъ, напримѣръ, Казань называется «Черноозерскъ», Симбирскъ—«Приволжскъ» и т. п.

(2) Ур. в. вѣд. 1870 г. № 35.

Вотъ до чего доводятъ отступленья
Отъ праваго ученья!...
Теперь какъ будемъ мириться съ ними
Когда не раскаиваются въ лжеученіи, изданомъ ими“ (1).

Въ то же самое время австрійскій попъ Павелъ Бирлевъ, обратившійся послѣ въ единовѣріе (2), изложилъ въ стихахъ свое соболѣзнованіе объ уничтоженіи „Окружнаго посланія“.

Это стихотвореніе озаглавлено „*Плачъ окружнаго посланія*“; оно помѣщено въ сочиненіи г. Монастырева: „Историческій очеркъ австрійскаго священства“ (3); но мы считаемъ нелишнимъ привести его и здѣсь, какъ выраженіе неподдѣльныхъ чувствъ одного изъ уральскихъ окружниковъ:

„О братія моя, братія! пойдемъ-ти-ка мы,
Моя братія, во царскій градъ Москву;
Посмотримъ-ти-ка мы, братія,
Благочестивыхъ изложеній терзанія.
Вонмемъ-ка мы, братія,
Окружнаго посланія рыданія.
Горько оно рыдаетъ,
Погибель чадомъ своимъ отъ злыхъ псовъ смотряетъ;
Изъ рукъ-бо его пять лѣтъ дѣтей терзали,
Нынѣ же едва не въ конецъ его прокляли.—
„О горе мнѣ!“ вопіетъ оно ко мнѣ.
„Иси на мя возсташа,
Пять лѣтъ мене терзаша,
Нынѣ же милыхъ чадъ моихъ отняша,
И едва не въ конецъ меня еретицы прокляша!....
О горе мнѣ, свѣтъ ученія гдѣ?
Мои присны въ путь нечестія бѣжали,
Клятвой благочестію угрожали.
О бѣды, о бѣды! торжествуетъ веліаръ
Въ томъ, что многихъ онъ поймалъ.

---

(1) Совр. Лѣт. 1869 г., стр. 196—197 въ прилож.

(2) Объ его обращеніи будетъ сказано дальше, въ VIII гл. наст. очерка.

(3) Смотр. въ прилож. № 4, стр. 299—301.

О горе мнѣ, милы чада гдѣ?
Господи, сколько я ихъ ни держало;
Но само клятвы не избѣжало!
О горе мнѣ, свѣтъ Аркадій-то гдѣ?
Былъ онъ благочестивъ,
Теперь же сталъ нечестивъ.
О горе мнѣ, Варлаамъ и Савватій гдѣ?
Одинъ къ Богу преселился,
Другой въ крѣпость заключился.
О святіи мужи! посмотрите на мя,
И хоть ты, владыко Савватій, о мнѣ потужи!
Меня въ третіе разбираютъ,
Аки зміи, иси терзаютъ;
Непротивно, что разбираютъ,
Но ужасно—проклинаютъ.
О горе мнѣ, о горе мнѣ,
Владыко Нафнутій гдѣ?
Только одинъ онъ свѣтъ остался
И за истину твою, Господи, съ Антиніемъ сражался.
Наконецъ же угоньзнули,
За границу шагъ шагнули
И прокляли меня тамъ.
О горе мнѣ, свѣтъ ученія и истины гдѣ?
Теперь что же говорятъ?—
Крестъ Христовъ проклясть велятъ.
Но на семъ они не стали,
А Пресвятую Богородицу антихристородицею обозвали.
О проклятые они, всѣ съ ума они сошли.
У нихъ всякій не пророкъ,
А говоритъ, чтотъ Іисусъ—иной богъ.
О лютый звѣрь пантеръ,
Съ ученіемъ изъ ада прилетѣлъ.
И что дѣлать теперь стану?—
Молиться Богу не престану.
Господь вѣрныхъ не оставитъ,
Но на разумъ ихъ наставитъ,
И Богъ мира будетъ съ нами,
Обличитъ невѣждовъ нами.
Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!“ (1)...

(1) «Плачъ» помѣченъ 5 сент. 1868 г.

Между тѣмъ, какъ истинные окружники оплакивали такъ жалобно свою судьбу, Софроній торжествовалъ и продолжалъ раздавать на Уралѣ дары мнимой благодати священства, безцеремонно эксплуатируя довѣрчивыхъ изъ казаковъ въ свою пользу; впрочемъ, дѣло не обошлось безъ скандаловъ. Нѣкто Тарасій былъ рукоположенъ Софроніемъ въ іеромонахи; но при этомъ ставленной граматы Софроній ему не далъ, почему многіе уральскіе раскольники не хотѣли признавать Тарасія за іеромонаха. Узнавъ, что Софроній находится въ Бѣлогорскихъ трущобахъ (1), Тарасій явился къ нему съ просьбой о выдачѣ граматы. Софроній объявилъ просителю, что онъ желаетъ рукоположить его въ санъ архіерея и назначить своимъ намѣстникомъ. Заручившись на это согласіемъ одной только игуменьи Садовскаго скита—Порфиріи, Софроній распорядился, чтобы рукоположенный имъ дьяконъ Пименъ (2) написалъ орла (подножіе архіерея) и къ назначенному времени, вмѣстѣ съ попомъ Назаріемъ, явился въ Бѣлогорскъ. Приказаніе было исполнено: казаки А—мъ Т—въ и И—нъ Д—въ вскорѣ привезли Софронію написаннаго Пименомъ орла и спросили, когда онъ велитъ явиться самимъ—Пимену и Назарію, для рукоположенія Тарасія; Софроній заявилъ, что рукоположеніе Тарасія отложено имъ до другаго времени. Посланные возвратились во свояси и сообщили о томъ Назарію и Пимену. Дорогой, казакъ А. Т—въ встрѣтилъ свою жену и дочь, которыя ѣхали въ трущобы, чтобы посмотрѣть на посвященіе Тарасія въ архіереи. Т—въ передалъ имъ, что Софроній отложилъ рукоположеніе Тарасія до другаго времени. Выслушавъ его, онѣ всетаки пожелали посѣтить Трущобы, резиденцію Софронія: „я почти уже доѣхала,—отвѣ-

---

(1) Псевдонимъ садовскихъ скитовъ.

(2) Пименъ былъ посвященъ 3 февр. 1868 г. См. Урал. в. вѣд. 1870 г. № 14.

чала жена Т—ва,—что же ворочаться?!—лучше доѣду и повижусь со владыкой и матерью Порфиріей".—Раставшись съ мужемъ, В—а Т—ва пріѣзжаетъ съ дочерью въ Бѣлогорскія трущобы и, къ своему удовольствію, узнаетъ отъ Порфиріи, что владыка назначилъ совершить рукоположеніе Тарасія въ этотъ день. Когда Т—ва передала Порфиріи свой разговоръ съ мужемъ; то игуменья Порфирія замѣтила: „*владыка паки вздумалъ*".—Какъ же отцовъ-то Кузьму, Назарія и Пимена о томъ не извѣстили,—возразила Т—ва,—надо ихъ пригласить, вѣдь они дожидаются"!—„Нѣтъ!" отвѣтила Порфирія,—владыка разсудилъ все сіе совершить *потише*, безъ нихъ, онъ такъ говорилъ мнѣ: „ну, мать, намъ больше никого ненужно; ты пригласи инокинь, *чтобы васъ было 12 числомъ, аки 12 апостоловъ со Христомъ;* еще здѣсь есть діаконъ Іоаннъ, при сихъ и совершу я рукоположеніе".—Дѣйствительно Софроній такъ и поступилъ; но тутъ-то корыстолюбіе и попутало мздоимца Софронія.

При рукоположеніи Тарасій вспомнилъ, что при немъ былъ бумажникъ съ деньгами; не желая, по выраженію раскольниковъ, быть „*поставленнымъ на мздѣ*", Тарасій вынулъ бумажникъ и отдалъ его на сохраненіе Порфиріи, а она передала его Софронію. Новопоставленный епископъ и не думалъ, что его бумажникъ и деньги, которыхъ была значительная сумма, навсегда останутся у безсуднаго Софронія и его пріятельницы—Порфиріи. Когда рукоположеніе было кончено, Софроній отказалъ Тарасію въ выдачѣ архіерейской граматы: „здѣсь, — замѣтилъ Софроній, — не мѣсто выдавать такой документъ; мы напишемъ его въ Москвѣ вмѣстѣ съ Антоніемъ" (1).

Съ надеждой на полученіе граматы, безъ денегъ и бумажника, уѣхалъ новый епископъ Тарасій изъ Бѣлогорскихъ трущобъ. Прошелъ почти цѣлый годъ, а

---

(1) Антоніемъ 2. раздорническимъ епископомъ.

Тарасій все ждалъ окончательнаго о себѣ распоряженія и ставленной граматы. Между тѣмъ Софроній, разсматривая бѣлокриницкій актъ 8 іюля 1868 г., обратилъ вниманіе на третій пунктъ этого акта, въ которомъ говорилось: *„а епископъ Софроній остается въ своемъ санѣ епископа“*. Вспомнивъ при этомъ, какъ отцы собора отнеслись къ рукоположенному имъ во всероссійскаго патріарха иноку Израилю, Софроній, опасаясь еще худшихъ послѣдствій за самовольное рукоположеніе Тарасія, рѣшился заблаговременно уничтожить данный имъ Тарасію санъ архіерея, какъ своего намѣстника; но для этого нуженъ былъ какой-либо благовидный предлогъ: Тарасія обвинили въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ кропилъ св. водой, взятой имъ отъ окружниковъ, а, по мнѣнію Софронія и Порфиріи, ограбившихъ Тарасія, это одно было уже великою ересью; почему они признали Тарасія заслуживающимъ не только запрещенія священнодѣйствовать, но и окончательнаго лишенія сана.

Тарасій, ничего не подозрѣвая, явился въ Бѣлогорскія трущобы за полученіемъ архіерейской граматы; Софроній въ это время находился у Порфиріи. Мать игуменья, спрятавши владыку за занавѣсъ, объявила Тарасію, что владыки нѣтъ и, вмѣсто граматы, показала ему будто бы присланный Софроніемъ изъ Москвы документъ, въ которомъ Софроній налагалъ на своего намѣстника запрещеніе и грозилъ окончательнымъ лишеніемъ сана. Видя такой исходъ дѣла, Тарасій обращается съ жалобой на Софронія и Порфирію къ попечителю А. Т—ву, жена котораго присутствовала при посвященіи Тарасія въ епископы. Т—въ и другіе были поражены такой продѣлкой Софронія; но дѣлать было нечего: жаловаться на *безсуднаго и безстрашнаго* епископа было некому, а предавать огласкѣ такое дѣло, которое могло скомпрометировать ихъ уральскаго „златоуста“, было бы рисковано, въ видахъ безукоризненности старой вѣры и ея приверженцевъ. Чтобы нѣсколько успокоить не-

счастнаго и ограбленнаго Тарасія, они приняли его съ подобающею честью, какъ епископа, и просили у него благословенія. Между тѣмъ попъ Козьма, рукоположенный Софроніемъ, получилъ отъ послѣдняго предписаніе, гласившее, что „Тарасій запрещенъ и достоинъ изверженія изъ священнаго сана за то, что бралъ у окружниковъ св. воду"; почему Козьма сдѣлалъ строжайшій выговоръ Т — ву и другимъ, что они осмѣлились принять Тарасія какъ архіерея; послѣдніе заявили, что они не знали о наложенномъ на Тарасія запрещеніи. Тарасій представилъ съ своей стороны доказательства того, что онъ не знаетъ за собою никакой вины и пріѣхалъ въ Бѣлогорскъ только за тѣмъ, чтобы покончить свое дѣло съ Софроніемъ, рукоположившимъ его въ архіереи. Однакожъ, не смотря на всѣ доводы Тарасія, Козьма, Назарій и Пименъ отказались признать его архіереемъ, ссылаясь на то, что они не видѣли его посвященія въ санъ епископа. Тарасій сослался на 12 инокинь, бывшихъ при его посвященіи; но инокини, предупрежденныя Софроніемъ и Порфиріей, единогласно заявили, что онѣ никакой хиротоніи надъ Тарасіемъ не видали; одинъ діаконъ Пименъ не могъ отказаться отъ написаннаго имъ, по приказанію Софронія, орла. Впрочемъ, когда это дѣло огласилось, нашлось немало лицъ, которыя пожелали прервать всякія сношенія съ Софроніемъ и его пріятельницей Порфиріей (1); а Тарасій, не смотря на запрещеніе отъ Софронія, незаконно епископствуетъ на Уралѣ до настоящаго времени, какъ и рукоположившій его (2) Софроній, неимѣющій опредѣленной епархіи.

Въ то время, какъ въ Бѣлой Криницѣ, Москвѣ и Гуслицахъ шли жаркіе диспуты между окружника-

---

(1) Ур. в. вѣд. 1870, № 5.

(2) Церковно-общ. Вѣстн. 1875 г., № 4.

ми и раздорниками, австрійскіе попы спѣшили воспользоваться своимъ положеніемъ, какъ весьма выгодной профессіей: они разъѣзжали по отдаленнымъ уголкамъ старообрядческаго міра и старались усердно стричь волну съ простодушныхъ овечекъ, питаясь и отъ млека ихъ, указывая на то, что „*пасущему стадо подобаетъ и отъ млека ясти*“.—Въ одну изъ казачьихъ станицъ пріѣзжаетъ разъ австрійскій попъ Павелъ. Слухъ объ его пріѣздѣ быстро облетѣлъ всю станицу, а въ желающихъ крестить дѣтей, вѣнчаться, исповѣдываться и причащаться недостатка не было: почти все населеніе станицы состояло изъ раскольниковъ. Раньше этого обязанности попа въ станицѣ исполнялъ одинъ старикъ изъ мѣстныхъ жителей. Предположивъ въ Павлѣ опаснаго конкурррента, попъ-старикъ заявилъ объ его пріѣздѣ становому приставу, который вскорѣ съ понятыми окружилъ тотъ домъ, гдѣ находился попъ Павелъ и куда собрались раскольники; послѣдніе заперли двери и отказались впустить пристава. Становой приказалъ оцѣпить домъ карауломъ; попытка нѣкоторыхъ убѣжать чрезъ окна и дымовую трубу кончилась безуспѣшно: вездѣ были часовые. Видя безвыходное положеніе, члены собранія стали придумывать, какъ бы скрыть улики и не выдать своего духовнаго отца, въ случаѣ обыска и производства слѣдствія. Прежде всего нужно было куда-нибудь припрятать священныя принадлежности: раскольники разобрали въ сѣняхъ полъ, вырыли яму, вещи положили въ нее и зарыли; зарытая яма была заставлена кадками и прочей домашней утварью. Чтобы скрыть или замаскировать своего попа, раскольники порѣшили остричь ему волосы, что тотчасъ и было сдѣлано; но принятыя раскольниками мѣры предосторожности не достигли желаемыхъ результатовъ. Опытному приставу удалось открыть священныя вещи и узнать остриженнаго попа Павла. При допросахъ Павелъ сначала назвался елабужскимъ мѣщаниномъ, а

потомъ заявилъ, что онъ не *попъ* и не мѣщанинъ, а просто—*солдатъ*, и что его зовутъ не Павломъ. Когда стали допрашивать другихъ, захваченныхъ въ домѣ, оказалось, что въ числѣ ихъ были жители Илецкой Защиты и между ними, какъ говорятъ, одинъ чиновный тузъ, который на вопросъ пристава: для чего онъ тутъ—отвѣтилъ: „по торговымъ дѣламъ". — Не смотря на то, что становой запретилъ ему выѣздъ изъ станицы, онъ постарался скрыться; посланная за нимъ погоня не могла его поймать. Чѣмъ кончился арестъ попа Павла и захваченныхъ съ нимъ раскольниковъ, намъ неизвѣстно. Изъ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостей (1), между прочимъ, видно, что Павелъ нерѣдко посѣщалъ уральскихъ раскольниковъ, среди которыхъ онъ имѣлъ немало приверженцевъ, и велъ полемику о дѣлахъ вѣры съ Е. С. С., лицемъ очень авторитетнымъ между уральскими старообрядцами. Недовольный воззрѣніями Павла на дѣла и вопросы вѣры, а также и тѣмъ, что Павелъ огласилъ какое-то письмо, Е. С. С. написалъ Павлу особое письмо, въ которомъ изъявлялъ свое неудовольствіе и, будучи самъ противникомъ поповщинской секты, старался расположить къ тому же и Павла. Изъ письма Е. С. С. также видно, что, по случаю ареста Павла, произошелъ довольно крупный скандалъ среди удальскихъ старообрядцевъ, въ чемъ Е. С. С. и обвиняетъ Павла: „Публикація ваша того ли хотѣла,—писалъ онъ Павлу,—что *Никита Ивановичъ, взявъ Хрисанфа Исаича за волосы съ одной стороны, а Осдоръ Устиныч—съ другой, тянули каждый къ себѣ, такъ что у него глаза подъ лобъ*".

Подобные случаи, когда простой искатель приключеній разыгрывалъ роль попа, стараясь набить себѣ карманъ, бывали нерѣдко среди уральскихъ старообрядцевъ. Въ одинъ изъ казачьихъ форпостовъ яв-

(1) 1870 г., № 21.

лется однажды неизвѣстный человѣкъ, выдававшій себя за попа; къ нему спѣшатъ исповѣдываться, причащаться, крестить дѣтей и т. п.; загадочный попъ собираетъ большую сумму денегъ и скрывается. Вслѣдъ за нимъ пріѣзжаетъ другой попъ и увѣряетъ жителей форпоста, что у нихъ былъ *„попъ неистовый“*, и что они могутъ загладить свои грѣхи не иначе, какъ принявъ отъ него *„исправу“*.—Многіе, не желая *„оставаться во грѣхѣ“*, пришли за исправленіемъ къ *„истовому“* попу, который, получивъ приличное вознагражденіе, также поспѣшилъ скрыться. Послѣ обнаружилось, что оба попа были самозванцы, умѣвшіе пользоваться обстоятельствами для собственной наживы. Еще характеристичнѣе слѣдующій случай: пріѣзжаетъ въ одну станицу человѣкъ, на видъ очень почтенный, и объявляетъ, что онъ австрійскій священникъ. Когда къ нему явилось нѣсколько человѣкъ, желавшихъ исповѣдываться и причащаться, осторожный попъ совершать какія-либо таинства или требы въ самой станицѣ не рѣшился, а назначилъ день, въ который желающіе должны были выѣхать въ поле. Въ назначенный день нѣсколько человѣкъ собралось въ указанномъ мѣстѣ; нѣкоторые явились съ дѣтьми, чтобы надъ послѣдними было совершено крещеніе. Такъ какъ у попа не было купѣли, то онъ крестилъ младенцевъ въ котлубанѣ (1). Усердные старовѣры, собравшіеся въ значительномъ числѣ, принесли съ собой и приличное угощеніе, помимо щедрой платы за требоисправленіе. Скоро заѣзжій батюшка и женщина, выданная имъ за попадью, подкутили и начали между собою счеты; крупный разговоръ перешелъ въ ссору, кончившуюся потасовкой между мнимымъ попомъ и попадьей. Въ этой жаркой и неосторожной схваткѣ попъ поплатился своей накладной бородой и парикомъ. Можно представить себѣ изумленіе со-

(1) Котлообразная яма.

бравшихся старообрядцевъ, когда они увидѣли предъ собою бритое лице солдата.... Попъ-солдатъ, не смотря на хмѣль, быстро прыгнулъ въ свою таратайку и ускакалъ, въ надеждѣ, что найдетъ и еще подобныхъ же ревнителей „древняго благочестія“ (1). Столь соблазнительные случаи и внутренняя вражда двухъ партій въ австрійской іерархіи, безъ сомнѣнія, не обѣщали ничего хорошаго въ будущемъ для старообрядческаго міра.

VIII.

Движеніе среди раскола въ пользу православной Церкви.—Случаи обращенія изъ раскола на Уралѣ.—Присоединеніе къ Церкви Шимона Ерофеева, Павла Биряева, Назарія Чапурина и др.—Увеличеніе числа храмовъ въ Уральскомъ войскѣ.—Усиленіе народнаго образованія въ краѣ при атаманѣ Веревкинѣ.—Тяжелая година.—Волненія среди Уральскаго войска при введеніи положенія 9 марта 1874 г.—Собесѣдованія и диспуты съ раскольниками.—Моленные дома раскольниковъ и единовѣрческія часовни въ войскѣ.—Вліяніе церквей на войско и ихъ малочисленность въ краѣ.—Заключеніе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, среди старообрядцевъ, начинается сильное движеніе въ пользу Церкви. Распаденіе австрійской лжеіерархіи на враждебныя партіи, споры и ссоры ихъ представителей, кончавшіяся иногда бранью и потасовкой, подкупы, обманъ и лицемѣріе, обнаружившіеся въ средѣ раскольниковъ,—все это заставило нѣкоторыхъ изъ здравомыслящихъ старообрядцевъ серьёзно задуматься надъ своимъ положеніемъ и основами австрійской лжеіерархіи. Во главѣ этихъ лицъ всталъ Пафнутій, епископъ коломенскій, который былъ душею ревнителей старой вѣры и главнымъ двигателемъ по всѣмъ возникавшимъ у нихъ вопросамъ и планамъ. Надобно замѣтить, что Пафнутій припялъ

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 5, стр. 8 и 9.

на себя епископскій санъ не изъ-за властолюбія и корыстолюбія, а изъ желанія принести посильную помощь расколу. Въ этихъ видахъ онъ ввелъ употребленіе проповѣди при богослуженіи, пользуясь также всякимъ удобнымъ случаемъ для бесѣды о вѣрѣ и въ частныхъ домахъ; а его рѣчь, полная силы, энергіи, убѣдительности и простоты, всегда приковывала къ себѣ вниманіе слушателей,—словомъ, это былъ вліятельный, умный, начитанный и потому весьма дорогой и полезный для старообрядческаго міра человѣкъ (1). Желая выработать болѣе прочныя основы для раскольнической іерархіи, онъ заключился въ уединеніи и занялся внимательнымъ и безпристрастнымъ разборомъ ученія Павла, извѣстнаго основателя австрійской лжеіерархіи, о двухсотлѣтнемъ прекращеніи богоучрежденной іерархіи въ Церкви Христовой, по примѣру Церкви ветхозавѣтной въ періодъ семидесятилѣтняго плѣна Вавилонскаго. Но безпристрастный разборъ этого ученія привелъ Пафнутія къ тому выводу, что ученіе Павлово, въ которое онъ прежде такъ сильно вѣрилъ, несостоятельно, шатко. Вслѣдствіе такого убѣжденія, Пафнутій рѣшился навсегда оставить расколъ, и присоединился къ Церкви.

Примѣръ Пафнутія коломенскаго увлекъ за собою и другихъ: епископъ *Онуфрій* также навсегда разстался съ расколомъ, а 23 іюня 1865 года, въ Троицкой единовѣрческой церкви, преосвященнымъ Леонидомъ былъ совершенъ обрядъ присоединенія къ Церкви архидіакона *Филарета*, священноинока *Іоасафа* и іеродіакона *Мельхиседека* (2); спустя мѣсяцъ послѣ этого, въ томъ же храмѣ были приняты въ лоно св. Церкви: епископъ тульскій *Сергій* и протодіаконъ Антонія Шутова—*Кириллъ Семеновъ* (3). Въ

(1) Русск. Вѣсти. 1865 г., декабрь, стр. 613.

(2) Душеп. Чт. 1865 г., ч. 2, стр. 86. Извѣст. и зам.

(3) Русск. Вѣстн. 1865 г., № 12.

1868 г. присоединяются къ Церкви, на правахъ единовѣрія, епископъ тульчинскій *Іустинъ*, архимандритъ *Геронтій*, священноинокъ *Козьма* и іеродіаконъ *Ипполитъ* (1). Въ слѣдующемъ году въ Казани обращается въ единовѣріе священноинокъ *Пафнутій*, предназначавшійся въ санъ епископа черниговскаго (2), а въ 1870 году переходятъ въ православіе: *Геннадій*, бывшій епископъ пермскій, архимандритъ Мануиловскаго монастыря *Варсонофій*, діаконъ города Хвалынска *Софроній* и др.

Такимъ образомъ люди, которые прежде были самыми ревностными приверженцами раскола, теперь сами открыто и искренно признали его несостоятельность. Понятно, что переходъ этихъ лицъ въ православную Церковь наносилъ сильный ударъ и безъ того уже пошатнувшемуся зданію австрійской лжеіерархіи: расколъ лишился въ нихъ своихъ безкорыстныхъ защитниковъ, людей умныхъ и вліятельныхъ; притомъ же нѣкоторые изъ нихъ скоро сдѣлались апологетами православной Церкви, прямо или косвенно располагая своихъ прежнихъ собратій къ оставленію раскола.

Всѣ эти явленія въ старообрядческомъ мірѣ, благодаря существующимъ между раскольниками сношеніямъ, не могли пройти безслѣдно и на Уралѣ. Многіе изъ уральскихъ раскольниковъ и безъ того неблагосклонно смотрѣли на австрійскую лжеіерархію, раздираемую различными безпорядками; теперь же, когда они узнали о присоединеніи къ Церкви, такъ сказать, столповъ и руководителей австрійскаго священства, сомнѣнія ихъ въ истинности основъ бѣлокриницкой лжеіерархіи усилились еще болѣе (3). Проживающій въ Уральскѣ Андрей В. *Мастеровъ* начина-

---

(1) Всемірн. Трудъ 1868 г., іюль, 264. Совр. Лѣт. раск. 1870 г., XXXIV.

(2) Вечерн. Газета 1870 г., № 4. Прав. Собесѣдн. 1870 г., ч. I.

(3) Русск. Вѣсти. 1866 г., январь, 204 и 207.

етъ выписывать издаваемый во Псковѣ священникомъ Голубовымъ журналъ „Истина“; внимательно и нѣсколько разъ перечитываетъ каждую полученную имъ книгу; разсуждаетъ, по поводу ихъ содержанія, съ другими и въ концѣ концевъ обращается къ Церкви (1), увлекая за собою и другихъ; тѣмъ же кончаетъ и кузнецъ Блиновъ (2), проведшій нѣсколько мѣсяцевъ въ уединеніи за чтеніемъ книгъ, касающихся вопросовъ старообрядства. Вмѣстѣ съ Блиновымъ обратилось къ православной Церкви и нѣсколько казаковъ изъ Дарьинскаго форпоста. Въ теченіе одного 1868 г. къ Никольской уральской церкви присоединилось 139 человѣкъ обоего пола изъ казачьяго сословія безпоповщинской секты (3). Но особенно было непріятно для послѣдователей и ревностныхъ защитниковъ австрійскаго священства на Уралѣ обращеніе въ единовѣріе Пимена Ерофеева и Павла Бирлева, изъ которыхъ первый былъ діакономъ, а второй—священникомъ австрійской лжеіерархіи.

Пименъ Евлампіевъ Ерофеевъ, въ сентябрѣ 1869 г., вошелъ въ секретную переписку съ священникомъ Кушумской Преображенской церкви, Іоанномъ Авдѣевымъ, прося его разъяснить различныя недоумѣнія въ вопросахъ вѣры. Случалось, что Пименъ посѣщалъ о. Іоанна и лично, но всегда ночью, тайкомъ отъ другихъ. Скоро узналъ объ этихъ собесѣдованіяхъ протоіерей Михайло-Архангельскаго уральскаго собора С. Назаровъ. Стараясь поддержать дѣло обращенія Пимена, протоіерей Назаровъ посылалъ Авдѣеву книги духовнаго содержанія, направленныя къ

---

(1) Въ настоящемъ году А. В. Мастеровъ избранъ въ церковные старосты къ Михайло-Архангельскому уральскому собору.

(2) Блиновъ лично намъ передавалъ, что Аѳанасій, бывшій еписк. саратовскій, не разъ уговаривалъ его принять на себя званіе и санъ епископа уральскаго.

(3) Рапортъ свящ. Паленова наказному атаману Ур. войска. Ур. в. вѣд. 1869 г., № 5, стр. 10.

опроверженію раскольническихъ мнѣній и австрійскаго священства. Собесѣдованія и ночные диспуты Шимена съ о. Іоанномъ продолжались болѣе полугода. Наконецъ Ерофеевъ, убѣдившись въ неправотѣ основъ австрійской лжеіерархіи, на второй недѣлѣ Великаго поста (1870 г.), открыто заявилъ священнику Авдѣеву о своемъ желаніи присоединиться къ Церкви, на правахъ единовѣрія. О. Іоаннъ Авдѣевъ немедленно донесъ о томъ протоіерею Назарову, который предложилъ Ерофееву, чтобы онъ приготовился къ принятію св. таинъ.

Присоединеніе Ерофеева къ единовѣрію было совершено, въ недѣлю Крестопоклонную, самимъ протоіереемъ Назаровымъ въ Кушумской церкви, при многочисленномъ собраніи народа. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ самъ С. Назаровъ: „Послѣ воскресной утрени и поклоненія животворящему кресту, Ерофеевъ, не выходя изъ церкви, исповѣдывался у священника Авдѣева; затѣмъ послѣдовало присоединеніе, совершенное мною по чинопоженію церковному. Церковь на этотъ разъ была переполнена народомъ; при чтеніи молитвъ Ерофеевъ былъ сильно взволнованъ и почти *рыдалъ*. Отреченія отъ ересей и отступствъ, противныхъ истинѣ и св. Церкви, и символъ вѣры онъ произнесъ хотя волнующимся, но твердымъ голосомъ; послѣ чего совершено надъ нимъ таинство муропомазанія, и вскорѣ началась божественная литургія, во время которой присоединившійся до причащенія стоялъ, съ зажженною свѣчею въ рукахъ, предъ мѣстною иконой Спасителя“ (1). — Причастившись св. таинъ, по заамвонной молитвѣ, Ерофеевъ обратился къ предстоящимъ съ приличною случаю рѣчью. Въ этой рѣчи, изливъ свои благодарныя чувства къ Богу, бывшій діаконъ австрійской лжеіерархіи торжественно заявилъ: *„отнынѣ я нѣсмь раскольникъ и раздорникъ,*

(1) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 14, стр. 4.

по сынъ единыя святыя соборныя и апостольскія Церкви"!—Испрашивая далѣе молитвъ за себя у предстоящихъ, Ерофеевъ сознается, что онъ *„блуждалъ во тьмѣ раскола*, гналъ Церковь Божію и, къ немалому сожалѣнію, много успѣвалъ въ дѣлѣ совращенія съ пути истины простодушныхъ на путь заблужденія, въ которомъ и самъ находился". Далѣе, прося прощенія у Бога и людей за свою ревность не по разуму, Ерофеевъ доказываетъ, что бѣглопоповщина и смѣнившая ее *австрійская лжіерархія есть „садъ, егоже не насадилъ Отецъ Небесный*"; въ заключеніе Ерофеевъ снова проситъ слушателей помолиться о немъ Богу (1).

Обращеніе Пимена Ерофеева, безъ сомнѣнія, было очень непріятно для приверженцевъ австрійскаго священства. Игуменья и сестры Садовскаго скита, узнавъ о намѣреніи Пимена присоединиться къ Церкви, писали ему: „видно вы оставили отеческія книги читать, а начали въ отверженныя вникать, умъ свой помрачили, и благодать Божія отъ васъ отступила, и изъ устъ вашихъ исходитъ гнилость, а прежде изъ устъ вашихъ истекалъ источникъ кипящей благодати паче меда и сота, на пользу всѣмъ слышащимъ и старшимъ на радость, а нынѣ на соблазнъ, себѣ на погибель и старшимъ на великую скорбь" (2).—Но Ерофеевъ не обратилъ вниманія на скорбь трущобныхъ воздыхательницъ.—Озлобленные противъ него раскольники, не смотря на прежнее уваженіе и довѣріе къ Пимену, старались теперь распространять о немъ разные нелѣпые толки. Обращеніе Пимена, дѣйствительно, причинило не мало огорченій раскольникамъ. Они, какъ было слышно, задумали даже варить муро; но присоединеніе Пимена къ Церкви заставило ихъ отложить это дѣло. Не всѣ отнеслись сочувственно къ обращенію Пимена и въ Кушумскомъ фор-

---

(1) Вся рѣчь буквально помѣщается въ Приложеніи за № 1

(2) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 17, стр. 2.

постѣ, гдѣ было совершено его присоединеніе къ Церкви; пашлись и тамъ люди, которые стали распространять слухи, что Пименъ опять скоро оставитъ Церковь, усмотрѣвъ въ ней неправотѣ (конечно, несуществующую); что строго отправляемая неспѣшная служба въ Кушумской церкви совершается такъ только для него одного; что онъ уже раскаявается въ своемъ обращеніи къ Церкви и т. п. Какъ бы въ опроверженіе всѣхъ этихъ и другихъ нелѣпыхъ толковъ, Ерофеевъ 17 мая, предъ самымъ началомъ литургіи, пришелъ въ церковь съ своими троими дѣтьми, и просилъ священника присоединить ихъ къ Церкви и причастить св. таинъ, что о. Іоаннъ, (Авдѣевъ) охотно исполнилъ въ тотъ же день. Сообщая объ этомъ въ мѣстную газету, о. Іоаннъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „жена Ерофеева, воспитанная въ расколѣ, еще медлитъ переходомъ въ Церковь и ждетъ, не перейдетъ ли еще кто въ Церковь изъ болѣе значительныхъ раскольниковъ, и тогда только предполагаетъ на что-нибудь рѣшиться. У Пимена съ извѣстнымъ Назаріемъ нерѣдко случаются жаркіе диспуты (¹), въ защиту православной Церкви; но я,— замѣчаетъ о. Іоаннъ, — при всемъ моемъ желаніи и стараніи видѣться съ *„благоговѣйнымъ мужемъ“* Назаріемъ, какъ именовали его А—мъ Т—въ съ братіею, доселѣ, со времени поступленія моего на настоящій приходъ, ни разу не видался съ нимъ, и, вмѣсто личныхъ убѣжденій моихъ—оставить лжесвященство, не такъ давно послалъ ему письмо, на которое пока нѣтъ ни привѣта, ни отвѣта“ (²).—25 іюня 1870 года состоялся приказъ по войску слѣдующаго содержанія: „По ходатайству епархіальнаго начальства, казакъ Пименъ Евлампіевъ Ерофеевъ отчисляется изъ военнаго вѣдомства *въ духовное*, для замѣщенія

(¹) Дальше мы увидимъ, къ чему привели эти диспуты Назарія (Чапурина).

(²) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 21, стр. 4.

на причетническую должность при одной изъ уральскихъ войсковыхъ церквей, о чемъ и дѣлается извѣстнымъ по войску“ (1). Между тѣмъ бывшій пріятель Пимена попъ Козьма потерялъ всякое довѣріе и уваженіе между своими пасомыми, и въ томъ же (1870) году, будучи вынужденъ оставить ихъ, куда-то скрылся (2).

Примѣръ Пимена Ерофеева не остался безъ подражанія. Въ началѣ августа 1871 г., прот. Назаровъ получилъ заявленіе отъ осьмнадцати раскольниковъ, пожелавшихъ перейти въ единовѣріе. Между ними особенно обратили на себя вниманіе Павелъ Степановъ *Бирляевъ*, бывшій болѣе шести лѣтъ австрійскимъ попомъ, и уральскіе казаки: Евсигнѣй Яковлевъ *Павловъ*, занимавшій мѣсто почетнаго попечителя австрійской Церкви, и Яковъ Аѳанасьевъ *Простовъ*, отличавшійся прежде сильною приверженностію къ австрійской лжеіерархіи. За нѣсколько недѣль до своего открытаго заявленія о желаніи присоединиться къ Церкви, Бирляевъ, тайкомъ отъ другихъ, въ сопровожденіи извѣстнаго уже намъ кузнеца Блинова, бывалъ иногда у протоіерея Александро-Невскаго собора А. П. Добровидова, прося его совѣта и наставленій, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Вечеромъ 5 августа Бирляевъ доставилъ въ Михайло-Архангельскій соборъ подвижную изъ штофной матеріи церковь со всѣми принадлежностями, какъ то: престоломъ, жертвенникомъ. напрестольными—евангеліемъ и крестомъ, дароносицею, священными сосудами и прочими довольно цѣнными вещами (3). На другой день въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ былъ совершенъ обрядъ присоединенія къ Церкви Бирляева и прочихъ 17 чело-

(1) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 26, стр. 1. Пименъ Ерофеевъ сначала былъ дьячкомъ, потомъ діакономъ, а въ настоящее время состоитъ священникомъ при единовѣрческой церкви въ Бударинской станицѣ, гдѣ очень многихъ раскольниковъ обратилъ въ единовѣріе.

(2) Тамъ же, № 21.

(3) Всѣ эти вещи доселѣ хранятся въ упомянутомъ соборѣ.

вѣкъ. Послѣ причащенія св. таинъ Бирлевъ также обратился къ предстоящимъ съ рѣчью, въ которой изложилъ вкратцѣ и несостоятельность раскола, на основаніи исторіи и святоотеческихъ твореній (1).

Обращеніе Бирлева, какъ человѣка авторитетнаго между австрійцами-окружниками, еще болѣе поколебало вѣру здравомыслящихъ раскольниковъ въ истинность австрійскаго священства, и еще сильнѣе озлобило и вооружило фанатиковъ раскола противъ Церкви и ея духовныхъ дѣтей. Фанатизмъ нѣкоторыхъ уральскихъ раскольниковъ иногда доходилъ до смѣшнаго. Нѣкто З—баевъ, фактически принадлежа къ расколу, но склоняясь на сторону единовѣрія, наканунѣ праздника св. Троицы, былъ у всенощной въ единовѣрческомъ монастырѣ, а за обѣдню, на другой день, отправился въ свою молельню. По окончаніи службы, выйдя послѣ всѣхъ, онъ замѣтилъ толпу мужчинъ, подошелъ и поздравилъ стоявшихъ съ праздникомъ. Но не успѣлъ онъ еще договорить обычнаго привѣтствія, какъ нѣкто Никифоръ Су—въ, указывая на З—баева пальцемъ, началъ кричать: „зачѣмъ этого уніата впустили въ молельню?—Этотъ еретикъ горше прочихъ: онъ вчера былъ у единовѣрцевъ, крестъ ихъ цѣловалъ, а нынѣ пришелъ *нашъ святой крестъ* цѣловать, а мнѣ пришлось прикладываться послѣ него,—я *и испоганился*. Пришелъ домой,—разсказывалъ Су—въ послѣ,—да и ну умываться и вытирать уста, а то совѣсть замучила“! — Какъ же,—возразилъ ему одинъ изъ слышавшихъ, — стало быть теперь вашъ крестъ не годится? — „Нѣтъ,—отвѣтилъ Су—въ,—батюшка Александръ пріѣдетъ освятить, а теперь *единовѣрецъ испоганилъ его*“ (2).

---

(1) Помѣщается въ Приложеніи за № 2-мъ. Въ настоящее время Бирлевъ состоитъ псаломщикомъ при одной изъ единовѣрческихъ церквей.

(2) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 28.

Выше мы уже упомянули, какое впечатлѣніе произвело на инокинь Садовскаго скита обращеніе къ Церкви Пимена Ерофеева; но еще больше они были поражены, узнавъ о присоединеніи къ Церкви Виряева и съ нимъ другихъ 17 человѣкъ, ревностныхъ приверженцевъ австрійскаго священства. Представьте, каково же было ихъ удивленіе и горе, когда и между ними явились желающія присоединиться къ Церкви! Игумепья и сестры пришли въ ужасъ, когда узнали, что двѣ инокини: Апполинарія и Павла, принявшія обѣты иночества еще въ 1842 году, и три послушницы (Варвара Капняева, Марья Шильнова и Ѳекла Платонова) рѣшились принять единовѣріе. Ни просьбы монахинь, ни увѣщанія игумепьи не могли удержать ихъ въ скиту, — и въ апрѣлѣ 1872 г. они были присоединены къ Церкви въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ; въ это же время обратилось въ единовѣріе 15 чел. Ѳедосѣевской секты (1).

Донося объ этомъ обращеніи наказному атаману, протоіерей Назаровъ замѣчаетъ: „расколъ, такъ долго и упорно державшійся въ нашемъ раскольническомъ Садовскомъ скиту, теперь, такъ сказать, поколебался въ своей основѣ обращеніемъ къ св. Церкви передовыхъ своихъ скитницъ. Умилительно было видѣть, какъ простодушная осмидесятилѣтняя старица Апполинарія поражена была величіемъ церковнаго богослуженія, неслышавшая его съ дѣтства, и какъ она, по ея разсказамъ, была запугана до этого времени превратнымъ толкованіемъ о Церкви и ея богослуженіи“ (2).—Обратившіеся ѳедосѣевцы принадлежали къ иногородному сословію,—это были оренбургскіе, симбирскіе и самарскіе крестьяне и мѣщане, проживающіе въ Уральскѣ; въ числѣ ихъ была и инокиня прусскаго раскольничьяго скита Варвара Ѳедорова Ильичева. Въ 1873—1876 г. обратившихся изъ раскола

(1) Списокъ ихъ помѣщается въ Приложеніи за № 3-мъ.

(2) 1872 г. Уральск. в. вѣд., № 20.

въ православіе въ Уральской области было около *ста* (1) чел. Но особенно важно по своимъ послѣдствіямъ обращеніе священника австрійской лжіерархіи Назарія, присоединившагося къ Церкви, на правахъ единовѣрія, въ настоящемъ (1878) году.

Назарій Гавриловичъ Чапуринъ по происхожденію уральскій казакъ изъ Прорвенскихъ Зимовей, находящихся неподалеку отъ Бударинской станицы.— Въ 1871 году онъ былъ заарестованъ въ Гурьевѣ и сосланъ въ Вологду за открытое распространеніе раскола, совершеніе богослуженія со всѣми церковными обрядностями и церемоніями въ частныхъ домахъ у гурьевскихъ раскольниковъ и за кощунство надъ православною Церковію. Въ Вологдѣ онъ пробылъ недолго и снова явился на Уралъ. Благодаря покровительству раскольниковъ, его пасомыхъ, и индифферентному отношенію къ нему полиціи, Назарій успѣлъ укрыться отъ вниманія высшей власти, и свободно жилъ на Уралѣ, поселившись въ Бударинскомъ скиту, гдѣ онъ до лжеепископа Виктора заправлялъ почти всѣми дѣлами. Священникъ Бударинской станицы, извѣстный уже намъ Пименъ Ерофеевъ, происходящій также изъ казаковъ Назарьевскаго толка, посредствомъ постоянныхъ собесѣдованій съ Назаріемъ и его пасомыми, старался убѣдить ихъ перейти въ единовѣріе.— Назарій и его пасомые согласились, но съ тѣмъ, чтобы Назарій былъ рукоположенъ къ нимъ въ священника мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ; съ этою цѣлію Назарій и отправился въ Оренбургъ. Но преосвященный не согласился рукоположить его въ священники на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ отъ мѣстнаго благочиннаго никакой рекомендаціи о Назаріи; а потому отослалъ Назарія обратно, сказавъ при этомъ, что онъ напишетъ самъ о немъ къ благочинному. Вскорѣ преосвященный обратился къ благочинному съ слѣдующимъ запросомъ: „узнать, при помощи

(1) Смотр. въ Приложеніи № 4.

мѣстной полицейской власти, не тотъ-ли это Назарій, который въ 1871 г. проповѣдывалъ расколъ въ Гурьевѣ, и былъ пойманъ, по распоряженію начальника Гурьева Тверитинова, маіоромъ Я. Назаровымъ, во время совершенія богослуженія; не тотъ ли Назарій, который за открытое распространеніе раскола былъ конфирмованъ и сосланъ въ Вологодскую губернію"?— Дѣло это началось въ половинѣ января настоящаго 1878 г. Казаки, въ качествѣ депутатовъ ѣздившіе въ Оренбургъ, вмѣстѣ съ Назаріемъ, отъ 200 его пасомыхъ, получили отъ преосвященнаго благословеніе на присоединеніе къ единовѣрческой Церкви. По справкѣ оказалось, что Назарій былъ именно тотъ самый распространитель и проповѣдникъ раскола, который въ 1871 г. былъ пойманъ и сосланъ въ Вологду; почему ему отъ священства и было отказано. Не смотря на это, Назарій Чапуринъ, благодаря вліянію на него священника Пимена Ерофеева, присоединился къ Церкви. Бывшіе его пасомые, въ числѣ 70 человѣкъ обоего пола, также присоединились къ Церкви, на правахъ единовѣрія, но не въ одно время и не въ одномъ мѣстѣ. Этимъ присоединеніямъ предшествовало слѣдующее обстоятельство: священникъ Бударинской станицы Пименъ Ерофеевъ, испросивъ разрѣшеніе у преосвященнаго оренбургскаго Митрофана, съ нѣкоторыми изъ назарьевцевъ ѣздилъ въ Воронежъ—посмотрѣть находящіяся тамъ мощи, и чрезъ это убѣдилъ ихъ въ правотѣ *православной Церкви* (1). Хотя и не всѣ спутники Пимена вынесли изъ этой поѣздки одинаковыя впечатлѣнія; нѣкоторые, напримѣръ, были недовольны куреніемъ табаку духовными лицами, съ которыми они встрѣчались во время поѣздки, но за то почти всѣ признали *дѣйствительность мощей* въ православной Церкви.

Въ то время, когда происходили означенныя присоединенія изъ раскола, и отчасти въ связи съ этими

(1) Пименъ Ерофеевъ православнаго взгляда на Церковь и ея обряды.

событіями, былъ возбужденъ вопросъ и объ устройствѣ новыхъ церквей въ Уральскомъ войскѣ. До 1866 г. въ войскѣ было 25 храмовъ: 2 собора, одинъ монастырь, военная церковь и 21 приходскихъ (городскихъ и форпостныхъ) церквей. Считая такое число храмовъ на сто тысячъ населенія недостаточнымъ, правительство разрѣшило употребить на устройство новыхъ церквей 29,894 р. изъ общаго войсковаго капитала (¹). Н. А. Веревкинъ, приступая къ устройству новыхъ храмовъ, прежде всего обратилъ вниманіе на Круглоозерной форпостъ, гдѣ почти всѣ казаки были раскольники; но между ними скрывались и желающіе ходить въ церковь. Въ октябрѣ 1868 г. постройка храма въ Круглоозерномъ форпостѣ была окончена, а 21 ноября того же года совершено его освященіе, въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Подполковникъ Михайловъ, которому было поручено отъ атамана присутствовать при освященіи церкви, передавалъ послѣ, что торжество освященія происходило при большомъ стеченіи мѣстныхъ и окрестныхъ жителей войсковаго званія, собравшихся безъ различія пола и возраста, такъ что церковь не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ желавшихъ помолиться Богу въ новоустроенномъ храмѣ.

Въ 1869 году была выстроена и освящена церковь въ Кожехаровскомъ форпостѣ, во имя Казанской Божіей Матери. Оба упомянутые храма были выстроены на войсковой счетъ; но Н. А. Веревкинъ старался привлекать къ участію въ устройствѣ церквей и станичныя общества, и частныхъ лицъ войсковаго и иногороднаго населенія. Заботы о томъ атамана Веревкина не остались втунѣ: жители Чаганскаго форпоста и прилежащихъ къ нему хуторовъ: Васильевскаго и Павловскаго пожелали на собствен-

(¹) Ур. в. вѣд. 1869 г. № 8. Представленіе объ этомъ сдѣлано было еще въ 1861 г. атаманомъ Столыпинымъ, по иниціативѣ епископа оренбургскаго Антонія.

ныя средства устроить у себя храмъ, во имя Св. и Чудотворца Николая, въ чемъ приняли участіе и частныя лица изъ казаковъ и иногородныхъ; одинъ казакъ пожертвовалъ на построеніе храма тысячу рубл. деньгами и колоколъ въ 50 п.

Кромѣ увеличенія числа храмовъ не мало заботились и объ увеличеніи числа школъ. Усиленіе образованія и вообще поднятіе умственнаго уровня въ Уральскомъ войскѣ было искреннимъ желаніемъ и основою многосторонней и многополезной дѣятельности бывшаго въ то время наказнаго атамана Н. А. Веревкина. Благодаря его трудамъ на этомъ пути, Уральское войско получило возможность давать среднее образованіе своимъ дѣтямъ у себя дома. Въ сентябрѣ 1870 г. въ Уральскѣ были открыты два среднеучебныя заведенія: мужская классическая гимназія и женское училище перваго разряда, преобразованное потомъ въ женскую гимназію; на оба заведенія изъ войсковаго капитала было ассигновано 36,070 р. (1) въ годъ. Но Веревкина особенно безпокоила мысль о недостаткѣ и плохой организаціи народныхъ школъ: „*съ глубокимъ сожалѣніемъ я долженъ сознаться*“,— замѣтилъ онъ при открытіи въ Уральскѣ гимназіи,— „что средства къ первоначальному народному образованію еще далеко не соотвѣтствуютъ средствамъ къ высшему и среднему образованію въ войскѣ. Правда, у насъ теперь состоитъ 39 мужскихъ и женскихъ школъ, почти съ 1500 учащихся. Правда также и то, что въ послѣдніе годы преподаваніе въ этихъ школахъ сдѣлало нѣкоторые успѣхи, и — что особенно важно — предубѣжденіе народныхъ массъ противъ школъ значительно поколебалось; но за всѣмъ тѣмъ всѣ мы знаемъ, *что народныхъ школъ у насъ и мало и онѣ далеко не таковы, какъ можно бы желать.* Причинъ къ этому много и много встрѣчается здѣсь затрудненій; но, какъ они ни велики, не должно счи-

(1) 24,310 р. на гимназію и 11,760 р. на женское училище.

тать ихъ непреодолимыми; можно надѣяться, что наступитъ время, когда и въ этомъ дѣлѣ первой важности мы въ состояніи будетъ указать на результаты болѣе утѣшительные" (1).

Заботясь объ улучшеніи старыхъ и открытіи новыхъ школъ въ войскѣ, Веревкинъ обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы привлечь къ участію въ развитіи школьнаго дѣла частныхъ лицъ, какъ принадлежащихъ къ Уральскому войску, такъ и иногородныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ Уральской области. Старанія атамана оказались не безплодны: нашлись сочувствующіе народному образованію и между казаками и между иногородными жителями войска. Въ 1870 году въ Бударинскомъ форпостѣ, благодаря содѣйствію крестьянина Ив. Истомина, были открыты, при участіи форпостнаго начальника-сотника Бородина, двѣ школы: мужская и женская (2). Казакъ Тудаковъ (3) исправилъ въ Гурьевѣ народную школу на свои средства (4). Горбатовскій 2 гильдіи купецъ Павелъ Ванюшинъ пожертвовалъ 300 р. сер. на постройку въ Илецкомъ городкѣ помѣщенія подъ народную школу (5). Жители перваго Чижинскаго форпоста выстроили школу на мѣстныя средства (6). Жители Антоновскаго форпоста, добровольно изъявивъ желаніе имѣть у себя школу, пожертвовали на устройство школьнаго дома 150 р. и сами избрали попечителемъ школы Ив. Егорова Карпова (7). Сотникъ Георгій Череватовъ, проживающій въ Сарайчиковской крѣпости, на собственныя и частію на изысканныя

---

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 39.

(2) Тамъ же, № 30.

(3) См. Ур. в. вѣд. 1871 г., № 40; 1873, № 11.

(4) Тамъ же.

(5) Тамъ же 1871, № 48.

(6) Ур. в. вѣд. 1872, № 2.

(7) Тамъ же, № 9.

имъ лично средства заново перестроилъ школьный домъ и распространилъ его (¹). Можно бы привести еще нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о сочувствіи и помощи частныхъ лицъ и станичныхъ обществъ народному образованію въ Уральскомъ войскѣ; но, думаемъ, и приведенныхъ нами достаточно для того, чтобы видѣть, насколько Веревкинъ съумѣлъ расположить къ школамъ и казаковъ, и иногородцевъ, проживающихъ въ войскѣ. Между тѣмъ приверженцы сторообрядства и ихъ доморощенные педагоги: *мастера и мастерицы* сильно были недовольны открытіемъ новыхъ школъ и приведеніемъ старыхъ въ лучшій видъ: первые боялись за свои обряды, обычаи и порядки, а вторые видѣли въ народныхъ школахъ сильныхъ соперниковъ ихъ *мастерству*. Между населеніемъ форпостовъ возникаютъ двѣ партіи, изъ которыхъ одна ратуетъ за образованіе, а другая за старину, протестуя противъ всякихъ школъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о характерѣ этой борьбы, разскажемъ, какъ происходило открытіе народной школы въ Дарьинскомъ форпостѣ, находящемся верстахъ въ 30-ти отъ Уральска по Оренбургскому тракту. Начальникъ форпоста распорядился, чтобы казаки явились къ казармѣ; не заставилъ долго ждать себя и начальникъ. Выйдя предъ собраніе, начальникъ спросилъ: „не желаете-ли, старики, принять школу“?— Въ толпѣ послышался говоръ; собравшіеся начали толковать между собою, и потомъ отвѣчали: „нѣтъ, не желаемъ, сударь“! — Затѣмъ пошли между казаками разные толки и споры, въ родѣ слѣдующихъ:

— Что намъ въ школѣ?—Жили же наши отцы, дѣды и прадѣды безъ школы,—да какъ еще жили?!— Приведи Богъ кому пожить такъ въ наше время!

„Ну что же, хотя отцы ваши и жили хорошо, а всеже были неграмотные!“ — замѣтилъ начальникъ, обращаясь къ казакамъ.

(¹) Ур. в. вѣд. 1872 г., № 36.

„Это правда, что неграмотны, да у нихъ всего было много“! отвѣтилъ молодой казакъ.

„Такъ что же вы мнѣ скажите, старички, о школѣ-то?“ снова спросилъ начальникъ.

— Не желаемъ, сударь!

— Не желаете, такъ какъ хотите!

Начальникъ ушелъ. Казаки, покричавъ и поспоривъ между собою, тоже разошлись по домамъ. Наступилъ ближайшій праздникъ. Казаки, пообѣдавши и выспавшись, вышли на улицу, усѣлись каждый на своей завалинѣ и, по обычаю, пощелкивали отъ-нечего-дѣлать сѣмячки (¹). Нѣкоторые изъ казаковъ, болѣе общительные собрались на завалинѣ того дома, гдѣ жилъ одинъ вліятельный начетчикъ-старикъ. Онъ сидѣлъ у окна и читалъ какую-то старинную книгу; но, замѣтивъ собравшуюся толпу, онъ закрылъ книгу и вышелъ на улицу. Лишь только старикъ показался изъ воротъ, казаки сняли шапки, поклонились и проговорили:

— Съ праздникомъ С. В.! — здоровенько-ли поживаешь?

— Слава Богу! живу пока за родительскія молитвы,—вы здоровы ли?

— Здоровы-то здоровы, да вотъ *школа-то больно намъ не-по-сердцу!* Ну, шутка-ли-дѣло, принять школу, *чего отцы наши боялись какъ огня*, а теперь ужь, слышно, поговариваютъ нѣкоторые, что надо-де принять. Мы вотъ и пришли къ тебѣ; какой совѣтъ ты намъ дашь на счетъ школы-то?

Старикъ, покачивая сѣдой головой, вздохнулъ и промолвилъ: „о-охъ! Какое время-то приходитъ?—

(¹) Привычка грызть подсолнечныя сѣмячки среди уральцевъ такъ распространена, что и знатныя уральскія казачки немало тратятъ дорогаго времени на это удовольствіе.—Недавно еще съ сѣмячками являлись дѣвушки-казачки въ театръ и на балъ, и немало смѣшили тѣмъ иногородцевъ.

„Да, братцы, время приходитъ тяжкое: всего добраго стало убавляться, а худаго прибавляться, и стали появляться разныя новости, *начали*, напримѣръ, *открывать чуть не въ каждомъ форпостѣ эти школы*“.

„А что, дяденька, говорятъ, что въ школѣ будутъ учить всему даже и Богу молиться?“—перебилъ старика его племянникъ.

— Эхъ ты, дитятко, молодо ты еще и зелено!— Какое тутъ будетъ моленье, когда ихъ, дѣтей-то нашихъ, будутъ учить разнымъ *невѣрнымъ* наукамъ.

Къ толпѣ подходятъ еще двое изъ жителей форпоста, принадлежащіе къ Церкви: „О чемъ это толкуете, старички?“ спросилъ одинъ изъ нихъ.

„А вотъ толкуемъ о школѣ! Здѣсь подумываютъ открыть школу; вотъ мы и судимъ да толкуемъ: зачѣмъ, молъ, намъ это нужно?“ отвѣтилъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

„Что же, это дѣло не дурное“! сказалъ одинъ изъ православныхъ.

Всѣ искоса посмотрѣли на него, а начетчикъ съ жаромъ и недовольствомъ замѣтилъ:

„Вишь что выдумалъ! дѣло недурное открыть *адово вмѣстилище*.—да съ кѣмъ это ты удумалъ сказать-то такъ, умная голова?!“—..... Разговоръ о школѣ продолжался довольно долго и все въ этомъ родѣ.

Не смотря на такія рѣзкія сужденія о школѣ приверженцевъ раскола, школа въ Дарьинскомъ форпостѣ была открыта въ 1872 г. и на первыхъ же порахъ въ нее поступило болѣе 20 мальчиковъ (1).

Горячіе диспуты „церковныхъ“ и раскольниковъ по вопросу о школахъ бывали и въ другихъ форпостахъ; но атаманъ Веревкинъ терпѣливо выжидалъ исхода этихъ споровъ, не мѣшаясь въ нихъ и не навязывая школъ, вопреки желанію самихъ казаковъ. Весьма уже важно было и то обстоятельство, что о шко-

(1) Ур. в. вѣд. 1872 г., № 24.

лахъ начали разсуждать по разнымъ уголкамъ войска, и что между казаками образовалась значительная по числу и богатая по средствамъ партія, которая была на сторонѣ школъ и старалась проложить дорогу своимъ дѣтямъ даже въ гимназію; мало-по-малу вліяніе этой партіи распространилось и на тѣхъ, которые рылись въ засаленныхъ тетрадкахъ раскольниковъ, отыскивая мѣста, гдѣ бы говорилось что-нибудь о школахъ; наконецъ, дѣло дошло до того, что школы начали открываться, по станичнымъ приговорамъ, и въ такихъ форпостахъ, населеніе которыхъ исключительно состояло изъ раскольниковъ, напр. въ Антоновскомъ форпостѣ, гдѣ почти исключительно сосредоточены *богатые раскольники*; нѣкоторые изъ обратившихся къ Церкви раскольниковъ сами пожелали сдѣлаться народными учителями, таковъ, напримѣръ, казакъ Зиновій Истоминъ, сынъ одного изъ ревностнѣйшихъ распространителей раскола австрійскаго толка (1); въ самой гимназіи появились ученики изъ дѣтей „*некрышниковъ*“ и „австрійцевъ“.—Но Веревкинъ, какъ и Столыпинъ, встрѣтилъ немаловажное затрудненіе въ лицахъ, которыя достаточно были бы подготовлены къ трудной дѣятельности народнаго учителя. На первыхъ порахъ пришлось опредѣлять на эти мѣста учениковъ, исключенныхъ или добровольно вышедшихъ изъ Уральской гимназіи; впослѣдствіи же при Самарской учительской семинаріи было открыто двѣнадцать войсковыхъ стипендій, для приготовленія народныхъ учителей въ войсковыя начальныя школы, и теперь ежегодно командируется туда изъ войска по четыре человѣка изъ лицъ, заявившихъ на то желаніе и удовлетворяющихъ требованіямъ вступительной программы при пріемѣ въ учительскія семинаріи.

Ввѣривъ ближайшій надзоръ за войсковыми школами особому лицу (2), Веревкинъ постоянно слѣдилъ

(1) Ур. в. вѣд. 1874 г., № 1, стр. 4.

(2) П. И. Корину, кончившему курсъ въ Уфимской духовной семинаріи, который и доселѣ исправляетъ должность инспектора войсковыхъ школъ; онъ же и редакторъ Ур. в. вѣдомостей.

и самъ, какъ шло дѣло въ начальныхъ школахъ, и, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался поощрять труды тѣхъ изъ учителей, которые добросовѣстно работали на избранномъ ими поприщѣ. Свою любовь къ просвѣщенію Веревкинъ переносилъ на всѣхъ, кто служилъ этому дѣлу. Мы увѣрены, что знавшіе его хорошо долго не забудутъ этого молчаливаго, но много думавшаго и много сдѣлавшаго добра другимъ человѣка.

Съ радостію привѣтствуя всякое присоединеніе къ Церкви изъ раскола, Веревкинъ чуждъ былъ религіозной нетерпимости и какихъ бы то ни было принужденій въ дѣлахъ вѣры; ту же мысль онъ старался провести между духовенствомъ Уральскаго войска и среди педагогической корпораціи войсковой гимназіи, ближайшій надзоръ за которой, по уставу, ввѣренъ наказному атаману Уральскаго войска. Такъ какъ большая часть учениковъ были дѣти раскольниковъ; то въ первые четыре года въ гимназіи вовсе не было общей утренней молитвы. Во время чтенія молитвъ предъ ученіемъ и послѣ ученія также молились не всѣ, большинство просто стояло, обратившись лицомъ къ иконѣ, не крестясь и не кланяясь. Въ высокоторжественные дни всѣ ученики гимназіи безъ исключенія должны были являться въ ту церковь, въ которую собирались служащіе (1); въ прочіе же праздники каждый ученикъ шелъ молиться туда, куда шли его родители; если родители были „*некудышники*“, то и ученикъ оставался съ ними дома и велъ себя подобно имъ. Такого же воззрѣнія на дѣло держалась гимназія и въ дни Страстной недѣли, когда ученики должны были исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ, т. е. каждый ученикъ исполнялъ эту священную обязанность, согласно религіознымъ убѣжденіямъ своихъ родителей. Во время уроковъ пѣнія ученики

---

(1) Обыкновенно въ такіе дни всѣ собираются въ Александро-Невскій соборъ.

были обучаемы только свѣтскому пѣнію (1). Такая уступчивость со стороны гимназіи была вызвана соображеніями и опасеніемъ педагогическаго совѣта, чтобы гимназія не опустѣла, такъ какъ большинство учениковъ ея были дѣти раскольниковъ и притомъ разныхъ толковъ. Съ увеличеніемъ числа учащихся, гимназія стала дѣйствовать самостоятельнѣе, требуя отъ учениковъ строгаго исполненія гимназическаго устава и правилъ.

Въ 1873 г. вновь пріѣхавшій директоръ (2) вводитъ въ гимназіи общую утреннюю молитву, для чего ученики должны были собираться въ заведеніе за 15 минутъ до начала классовъ. Вначалѣ нѣкоторые изъ учениковъ, являясь на молитву, не крестились и не кланялись; а потомъ, вѣроятно, увлекаемые примѣромъ другихъ, стали молиться и они. Чтобы судить о томъ, какъ смотрятъ ученики старшихъ классовъ гимназіи на расколъ своихъ родителей, приведемъ слѣдующій фактъ. — Одинъ изъ учителей уральской гимназіи, явившись разъ на урокъ, замѣтилъ, что ученикъ К., сынъ *„некудышника“*, молился, при чтеніи: „Царю Небесный..“, вмѣстѣ съ другими тѣмъ же крестомъ, которымъ молились и дѣти православныхъ. Послѣ урока учитель спросилъ ученика К.: „Вашъ отецъ, кажется, придерживается раскола“?—Да, онъ никуда не ходитъ молиться,—*некудышникъ*.

— А вы раздѣляете его убѣжденія въ отношеніи вѣры?—Какъ вамъ сказать?—Дома, чтобы не оскорбить старика-отца, я, пожалуй, раскольникъ; здѣсь же и въ душѣ я — православный. — Въ настоящее время этотъ молодой человѣкъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и, безъ сомнѣнія, для раскола потерянъ: образованіе, какъ свѣтъ, и расколъ, какъ

(1) См. напечат. нами замѣтку въ Ур. в. вѣдом. (за 1870 г., № 50): «Нѣсколько словъ по поводу уроковъ пѣнія въ Уральской войсковой гимназіи».

(2) В. П. Матвѣевъ, занимающій эту должность и до сего времени.

тьма, несовмѣстимы. Можно утвердительно сказать, что дѣти раскольниковъ, получившія образованіе, больше никогда не вернутся въ среду раскола.

Въ то самое время, какъ дѣти православныхъ и раскольниковъ сближались въ народныхъ школахъ и гимназіи, освоиваясь съ взглядами и привычками учащихъ и другъ-друга, — наступившія несчастія въ Уральскомъ войскѣ послужили къ сближенію взрослыхъ. За возмущеніемъ въ Киргизской степи въ 1869—1870 г., открылись неурожайные годы и холера. Неурожай 1872 г. былъ предсказанъ стариками заранѣе. Въ Кинделинскомъ форпостѣ распространился слухъ, что въ одномъ изъ окрестныхъ хуторовъ родился *чудо-ребенокъ*. Когда повивальная бабка хотѣла приступить къ исполненію своихъ обязанностей, младенецъ всталъ на ноги и, отказавшись отъ услугъ бабки, попросилъ посадить его за столъ; ребенокъ попросилъ *пить*, а ему *подали воды*: „ну, догадались“,—заговорилъ новорожденный, — „подай вы хлѣба, былъ бы у васъ моръ, а *теперь будетъ голодъ*“ ([1]).—Что потомъ случилось съ этимъ чудомъ-ребенкомъ, никому неизвѣстно. Въ концѣ января, около семи часовъ вечера, небо постепенно приняло красноватый цвѣтъ и оставалось такимъ съ часъ времени, а потомъ приняло снова обыкновенный видъ. Это явленіе, зависѣвшее отъ сѣвернаго сіянія, также было принято за предзнаменованіе неурожая. Предсказанія одного „*благословеннаго*“ старика пошли еще дальше: онъ увѣрялъ другихъ, что ровно черезъ 28 лѣтъ наступитъ страшный судъ ([2]); нѣкоторые изъ простодушныхъ пріуныли не на шутку, а тутъ какъ разъ подошла и тяжелая година. Весна открылась очень рано, такъ что съ половины марта засѣвали хлѣбъ. Дождей не было почти до половины лѣта: хлѣбъ весь посохъ; луга и степи повыгорѣли, даже листья на деревьяхъ сверну-

([1]) Ур. в. вѣд. 1872, № 17.

([2]) Тамъ же.

лись; скотъ отощалъ и едва передвигалъ ноги; скотопромышленники и земледѣльцы не знали, что дѣлать; скоро открылась холера, бывшая и въ предшествовавшее лѣто; народъ пріунылъ..... Горе скорѣе, говорятъ, сближаетъ людей, чѣмъ счастіе: и православные, и раскольники одинаково чувствовали силу постигшихъ ихъ несчастій. Нѣкоторые изъ иногородныхъ лицъ, проживающихъ въ войскѣ, подали мысль просить епархіальное начальство о дозволеніи приносить въ Уральскъ изъ села Табынскаго Стерлитамакскаго уѣзда Уфимской губерніи чудотворный образъ Казанской Божіей Матери. Эта мысль была принята многими (1),—и епархіальное начальство не замедлило сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе. 16 ноября священно-и-церковно-служители всѣхъ уральскихъ городскихъ церквей, послѣ литургіи, вышли за черту города встрѣтить чудотворную икону Царицы Небесной. Поле, разстилающееся скатертью предъ городомъ, версты на двѣ было усѣяно народомъ и лошадьми; всѣ спѣшили впередъ, и пѣшіе, и конные, перегоняя другъ друга, чтобы скорѣе взглянуть на чудный образъ Богоматери.—Св. иконы, хоругви, богатое облаченіе духовенства, звонъ колоколовъ,—все это дополняло торжественную картину *первой встрѣчи чудотворной иконы въ раскольническомъ городѣ.*— Завидѣвъ святыню еще издали, всѣ начали молиться, многіе пали на колѣни; тутъ молились и православные, и единовѣрцы, и благословенные, и некудышники,—*все христіанское,*—и только киргизы въ своихъ малахаяхъ смотрѣли съ какимъ-то недоумѣніемъ на происходившее. При внесеніи чудотворнаго образа въ Александро-Невскій соборъ, священникъ Григорій Евладовъ, какъ бы отъ лица города, привѣтствовалъ Дорогую Гостью рѣчью: „Откуда мнѣ сіе, да пріиде

(1) Инициатива этого дѣла принадлежитъ иногороднымъ купцамъ: О. И. Митенину и покойному А. А. Юрьеву.

Мати Господа моего ко мнѣ“ (¹)?!—Съ этого времени чудотворная икона Табынской Казанской Божіей Матери ежегодно въ декабрѣ приносится въ Уральскъ и остается въ городѣ около мѣсяца.

Во время трехмѣсячной засухи 1872 г. жители г. Уральска разныхъ толковъ снова соединились въ общей молитвѣ къ Богу: въ теченіе недѣли или двухъ иконы изъ всѣхъ городскихъ церквей собирались то къ Александро-Невскому, то къ Михайло-Архангельскому собору, откуда потомъ шли по улицамъ города, совершая въ разныхъ пунктахъ литіи, а за городомъ, у Ханской рощи и на мѣстѣ Кочкина пира (²), происходило всеобщее молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, при чемъ молящіеся слушали пѣніе и чтеніе православнаго и единовѣрческаго духовенства, — объ обрядовыхъ различіяхъ въ это время никто и не думалъ, всѣ были заняты однимъ желаніемъ, одной молитвой: „дай дождь земли жаждущей, Спасе“!—Миновалъ страшный годъ; наступилъ 1873, болѣе счастливый для уральцевъ и по урожаю хлѣбовъ, и по событіямъ времени: въ этомъ году они сходили съ своимъ храбрымъ атаманомъ Веревкинымъ въ Хиву и принимали весьма дѣятельное участіе во взятіи *„заклятаго“* города. Казаки возвратились на родину веселые и довольные, забывъ всѣ трудности степнаго похода. Но конецъ 1874 г. и особенно слѣдующій за нимъ 1875 годъ, безъ сомнѣнія, останутся надолго памятны Уральскому войску по тѣмъ печальнымъ для войска послѣдствіямъ, къ которымъ привело нѣкоторыхъ открытое сопротивленіе новому положенію о воинской повинности и хозяйственномъ управленіи въ Уральскомъ войскѣ, Высочайше утвержденному 9 марта 1874 г.

(¹) Оренб. епарх. вѣд. за 1872 г., гдѣ, намъ помнится, было напечатано это слово.

(²) Духовенство Никольской и Успенской церквей не участвовало въ этихъ молебствіяхъ; но многіе изъ ихъ прихожанъ бывали на этихъ молебнахъ и молились вмѣстѣ съ другими.

Волненіе уральскихъ казаковъ въ 1874—1875 г., какъ и волненія прежнихъ годовъ, не чуждо вліянія раскольниковъ, а потому нелишне остановиться и на немъ, хотя многое изъ этого волненія намъ теперь еще неизвѣстно, а объ иномъ и говорить было бы преждевременно.

Лишь только пронеслась вѣсть о новомъ положеніи въ войскѣ, какъ начались сходки и открылись совѣщанія казаковъ. Не познакомившись должнымъ образомъ съ новымъ положеніемъ (1), казаки-коноводы увѣряли другихъ, что рѣку Уралъ у нихъ отнимутъ и переселятъ къ нимъ изъ внутреннихъ губерній крестьянъ, между которыми и раздѣлятъ войсковую землю и луга. Многіе горячились при этомъ и говорили: „нѣтъ, этому не бывать! *кровью мы пріобрѣли Уралъ и нашу землю, кровью и продадимъ ихъ*“!— Другіе старались доказать неприкосновенное и безконтрольное право войска на р. Уралъ и его территорію граматой царя Михаила Ѳеодоровича, дарованной Яицкому войску. Изъ архивныхъ бумагъ Уральскаго войска видно, что грамата эта сгорѣла во время одного пожара, бывшаго въ Яицкомъ городкѣ еще въ XVII столѣтіи (2); между тѣмъ коноводы-старики говорили теперь, что грамата, или „*владѣнная*“ на р. Уралъ, была вынесена во время пожара діакономъ Михайло-Архангельскаго собора и зарыта въ землю въ особомъ чугунномъ ящикѣ; будто діаконъ, умирая, завѣщалъ своему сыну не давать этой драгоцѣнности никому, кромѣ Государя Императора. — Нѣкоторые изъ стариковъ прибавляли при этомъ, что на „*владѣнной*“ находятся изображенія четырехъ вселенскихъ патріарховъ, ихъ собственноручная подпись и золотая печать. Эти нелѣпые толки быстро распростра-

(1) Смотр. положеніе 9 марта 1874 г. въ Ур. в. вѣдомостяхъ за 1874 г., здѣсь оно напечатано вполнѣ.

(2) Объ этой граматѣ мы скажемъ подробнѣе въ отдѣльной монографіи: «Яицкое войско до появленія Пугачева», которая будетъ напечатана въ одномъ изъ историческихъ журналовъ.

нились по форпостамъ, хуторамъ, уметамъ и зимовьямъ: вездѣ только и говорили о *„владычной“*.—Отставной казакъ Кругло-озерной станицы, Ѳедоръ Васильевъ *Стяговъ* изготовилъ нѣсколько копій съ этой мнимой *„владычной“* и началъ ихъ распространять между другими. Число недовольныхъ оказалось очень значительно, когда начальство стало требовать отъ казаковъ письменнаго обязательства въ подчиненіи новому положенію: многіе не хотѣли и слышать о томъ. Между тѣмъ наказный атаманъ Н. А. Веревкинъ, еще въ маѣ мѣсяцѣ отправился за границу, для излѣченія раны, полученной имъ при взятіи Хивы. Воспользовавшись отсутствіемъ своего атамана, недовольные дѣйствовали еще смѣлѣе, находя поддержку въ своихъ женахъ и матеряхъ, которыя грозили имъ муками ада, въ случаѣ подчиненія новому положенію, и сулили вѣчное блаженство за непринятіе его: *„лучше пострадайте мученическою смертію, а не губите своихъ душенекъ!“* говорили онѣ. Между тѣмъ воинскій начальникъ, по соглашенію съ начальникомъ штаба, распорядился разослать по форпостнымъ школамъ буквари, въ которыхъ, по обыкновенію, помѣщены были молитвы съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіями, также—различныя изображенія крестнаго знаменія съ объясненіями, въ духѣ православной Церкви; а на первой страницѣ букваря находился четырехконечный крестъ съ сіяніемъ въ пресѣченіи, названный казаками-раскольниками *„латинскимъ крыжемъ“*. Казаки, подстрекаемые закоренѣлыми раскольниками, вообразили, что начальство, разсылая по школамъ эти книжки, желаетъ заставить ихъ молиться треперстно и—покланяться кресту четвероконечному, вмѣсто поклоненія осмиконечному *„истовому“* кресту; говорили, что всѣмъ начнутъ брить бороды; что дѣтей отберутъ и увезутъ куда-то, а куда, неизвѣстно (1); что служащихъ казаковъ всѣхъ одѣнутъ

(1) Уральск. в. вѣд. 1875 г., № 48.

въ солдатское платье, а взрослыхъ дѣвицъ заберутъ и отправятъ на кораблѣ въ Англію. Волненіе принимало все большіе и большіе размѣры. Въ сентябрѣ изъ Оренбурга прибылъ въ Уральскъ первый линейный баталіонъ, а за нимъ слѣдомъ, именно 7 сентября, явился въ городъ и генералъ-губернаторъ Оренбургскаго округа, генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій. 27 человѣкъ, за упорство и подстрекательство другихъ въ неповиновеніи властямъ, были приговорены или къ ссылкѣ въ Сибирь или въ арестантскія роты, но волненіе не утихало. 19 сентября приговоренные къ ссылкѣ 27 чел. были отправлены по назначенію, а въ ночь на 20-е число возвратился изъ-за границы атаманъ Веревкинъ. Утромъ 20 числа, принимая съ визитомъ уральскихъ чиновъ и представителей различныхъ частей войска, Веревкинъ сказалъ: „съ удовольствіемъ вижу васъ, господа, здоровыми! одно непріятно, что *въ Уральскомъ войскѣ возникли большія затрудненія по введенію новаго положенія;* впрочемъ, при помощи Божіей и вашемъ содѣйствіи, господа, я надѣюсь уладить это дѣло“!

Между тѣмъ извѣстный намъ *Стяговъ* и отставной казакъ Царево-никольскаго форпоста Евстафій *Гузиковъ* въ октябрѣ пробрались въ Ливадію и подали на Высочайшее имя прошеніе объ отмѣнѣ положенія 9 марта, подъ видомъ уполномоченныхъ отъ всего Уральскаго войска. Стяговъ и Гузиковъ, какъ самовольно отлучившіеся изъ войска безъ всякаго письменнаго вида, были препровождены на Уралъ, а ихъ прошенье, исполненное нелѣпыхъ возраженій и протестовъ противъ новаго положенія, отправлено къ командующему войсками Оренбургскаго округа.

Оба ходатая, по возвращеніи на Уралъ, были арестованы и преданы военному суду въ особо учрежденной въ Уральскѣ временной коммиссіи. Многіе изъ недовольныхъ новымъ положеніемъ желали видѣть ходатаевъ и говорить съ ними; но начальство этого не допустило, а продолжало арестовать и отдавать подъ

судъ противниковъ: въ ноябрѣ было вновь заарестовано и выслано изъ войска болѣе 50 человѣкъ. Въ январѣ 1875 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе суда: „отставныхъ *казаковъ* Кругло-озерной станицы *Ѳедора Стягова* и Царево-никольскаго форпоста *Евстафія Гузикова*, какъ оказавшихся въ числѣ главныхъ дѣятелей, по возбужденію въ войскѣ неповиновенія властямъ, при введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 9 марта 1874 г., положенія о воинской повинности и общественномъ войсковомъ хозяйственномъ управленіи, позволившихъ себѣ распространять ложные слухи и нелѣпые разсказы о правахъ войска, *по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу и на заводахъ на восемь лѣтъ каждаго*, съ приведеніемъ въ исполненіе надъ ними обрядности по силѣ 1040 ст. XXIV уст. воен. судебнаго“ (¹). Это рѣшеніе 28 января конфирмовано командующимъ войсками Оренбургскаго военнаго округа и объявлено виновнымъ, которые, по неимѣнію въ то время въ Уральскѣ эшафота, отправлены были въ Оренбургъ, для совершенія надъ ними указанной обрядности; а затѣмъ переданы гражданскому начальству для отсылки ихъ по назначенію.

Раскольники, желая возбудить еще большій фанатизмъ въ казакахъ, чуждающихся ср. православной Церкви, сочинили слѣдующіе стихи, обращенные къ упорствующимъ:

„*Въ семьдесятъ четвертое лѣто*,
Настало у насъ житіе нелѣпо:
По нашему согрѣшенью,
А по Божію попущенью,
Начали насъ власти одолѣвать,
На новое положеніе понуждать;
А мы, христіане, стали о себѣ размышлять,
Какъ намъ христіанамъ жить,
Антихристовы прелести избыть.

(¹) Ур. в. вѣд. 1875 г., № 9.

Охъ, увы и горе!
Сокрушаютъ нашу волю.
Уже мы недостойны
Стали жить спокойно:
За наши земныя сласти
Послалъ намъ Господь злыя власти;
Стали дѣлать перемѣну,
Вѣры Христовой измѣну.
Лишимся, братіе, мірскихъ сластей,
Станемъ противъ злыхъ властей!
За вѣру Христову пострадати,
А своимъ дѣтямъ путь показати.
О лживые судіи! за что вѣру Христову оболгали,
А христіанъ безъ пощады погнали?—
Мы же имъ отнюдь не досадили,
А они насъ въ темницу посадили;
А кто изъ насъ предался въ руки,
Не убоялися вѣчныя муки;
Мы же, христіане, видимъ душевную бѣду,
Да не впадемъ въ руки лютому врагу!
А кто сего не претерпѣваетъ,
Какъ по глаголу Богъ повелѣваетъ,—
О, какъ наречемся христіане,
Когда колеблемся аки пьяны?!
Сего ради, братіе, васъ увѣщаю,
Отъ писанія вамъ возвѣщаю!
Утвердимся, братіе, аки камень,
И воздадимъ Господеви сердечный пламень.
Видимъ, братіе, предавшихъ погибель,
Почто же мы къ нимъ идемъ?—
Боимся, какъ отъ домовъ насъ разлучатъ,
А въ день судный какъ станемъ отвѣчать?—
О, братіе, ежели на насъ власти станутъ,
О, братіе, на писаніе зрите
И въ томъ себя утвердите!
Самъ бо Господь насъ своею кровію искупилъ,
И насъ о Господѣ жить попустилъ;
Но мы того не сотворяемъ,
Житейскія прелести исполняемъ.
Не глушайтесь здѣшняго тѣсненья,
Не лишайтесь будущаго спасенья;

Просите Небеснаго Творца,—
Не погубитъ насъ до конца.
О, горе люто и бѣда!
Подписаться—душѣ вреда.
Настаетъ теперь время тѣсно,
Жить намъ вмѣстѣ неполезно;
Всего у насъ недостаетъ,
Тутъ и врагъ на насъ возстаетъ;
Не то горе—намъ разлука,
Всѣ Адамовы мы внуки.
Адамъ прадѣдъ запись далъ,—
Весь свой родъ во адъ послалъ;
И того мы опасаемся,
Здѣсь живемъ мы, не спасаемся;
И грѣшимъ мы весь свой вѣкъ,
Какъ пойдемъ къ Богу въ отвѣтъ?!
Охъ, бѣда и горе!
Какъ живемъ мы по волѣ.
Если тѣсно здѣсь пожить,
За Христа тѣлеса свои положить;
То за здѣшнее тѣсненье
Получимъ отъ Бога спасенье.
Хотя сидимъ мы здѣсь и скучны,
Но отъ Бога неразлучны;
Ожидаемъ себѣ конецъ,
Богъ поможетъ намъ Творецъ“ (¹).

Нѣкоторыя казачки выучили эти стихи наизусть, и распѣвали ихъ заунывнымъ, раздирающимъ душу, напѣвомъ на 6-й гласъ; пѣніе сопровождалось глубочайшими печальными вздохами. Стихи эти увлекли нѣкоторыхъ изъ простоватыхъ казаковъ, которые, изъявивши предъ тѣмъ желаніе принять новое положеніе, снова пошли и сказали, что они не принимаютъ „*антихристовой прелести*“,—и были арестованы. Движеніе на Уралѣ сдѣлалось и предметомъ церковныхъ проповѣдей священнослужителей Уральскаго войска. Протоіерей Назаровъ, при освященіи храма

(¹) См. «Истина» кн. 51, 1877 г. апрѣль—май.

въ Чаганскомъ форпостѣ, высказалъ слѣдующее: „Привѣтствуя васъ, братіе, съ новоосвященнымъ храмомъ и призывая къ радости, я въ глубинѣ души скорблю о васъ. Вы, безъ сомнѣнія, понимаете, что источникъ этой скорби составляютъ тѣ печальныя и грустныя событія, которыя переживаемъ мы въ настоящее время. Радость ваша омрачена неразумнымъ противленіемъ установленной Богомъ власти съ его послѣдствіями. На лицахъ вашихъ видна не радость, а грусть и тревога. Вы, бѣдные, опустили руки; не знаете, что дѣлать и что предпринять. Дѣйствительно, грустно и тяжко становится на душѣ; сердце обливается кровью при одной мысли о томъ, что дѣлается теперь между вами, какое несчастіе постигло васъ и до чего мы дожили! — Сколько гибнетъ неразумныхъ жертвъ и гибнетъ единственно по закоснѣнію и невѣжеству! — Послушайте, возлюбленные! мы родились, воспитались между вами, мы, такъ сказать, всѣ ваши; намъ, кромѣ того, ввѣрено попеченіе о душахъ вашихъ, за которыя мы должны будемъ отдать отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ. Мы не можемъ не сожалѣть о васъ и, поэтому, слово наше должно быть правдою. Вѣдь ваше несчастіе — наше несчастіе, а ваша гибель—намъ не отрада. Видитъ Богъ, я отъ всей души жалѣю васъ! Трудно сказать, что ожидаетъ васъ впереди, но, повѣрьте, добраго ожидать нельзя. *Всѣ сословія благословенной Россіи съ покорностію приняли новое положеніе о воинской повинности, одни только мы противимся* (1).... *Не вѣрьте* никому, *что объявленное вамъ* правительствомъ *распоряженіе касается вашей вѣры* и вашихъ убѣжденій; это гнусная клевета и вымыселъ, распространяемый

(1) Мы опускаемъ для краткости тексты св. писанія, приводимые дальше почтеннымъ протоіереемъ, въ доказательство необходимости подчиненія властямъ.

злонамѣренными людьми. Въ Россіи, кромѣ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, есть и магометане, и евреи, и идолопоклонники. Мы видимъ, что всѣ они свободно исповѣдуютъ свою религію и отправляютъ свое богослуженіе. Вѣротерпимость лежитъ въ основаніи нашего законодательства. За вѣру и за религіозныя убѣжденія у насъ никого не гонятъ и не преслѣдуютъ. Давно уже миновало и то время, когда противъ раскола принимались болѣе или менѣе строгія мѣры. Снисходя къ заблужденіямъ этихъ отщепенцевъ, правительство и имъ уже даровало нѣкоторые права и льготы. Еще повторяю и свидѣтельствую предъ симъ св. алтаремъ, что *новое положеніе вовсе не касается вѣры и религіозныхъ убѣжденій;* оно только требуетъ отъ васъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ порядкѣ отбыванія службы и нѣкоторыхъ измѣненій въ управленіи войсковымъ хозяйствомъ. *Вѣрѣ вашей ничто не угрожаетъ, никто на нее не посягаетъ; за какую же вѣру воображаютъ себя мучениками ваши мнимые страдальцы?!—Они терпятъ не за вѣру, а за свое неразумное упорство и невѣжество, и ни въ какомъ случаѣ они недостойны высокаго имени мучениковъ.* Вы, по своей простотѣ и невѣдѣнію, думаете, что все это дѣлается не по царскому повелѣнію, а только по желанію мѣстнаго начальства,—не вѣрьте и этому! Кто осмѣлится злоупотреблять именемъ царя?—Возможно ли, чтобъ отъ Высочайшаго имени обнародовались и приводились въ исполненіе распоряженія и преобразованія, на которыя бы предварительно не послѣдовало Высочайшаго утвержденія и соизволенія?—Кто знакомъ съ нашимъ государственнымъ строемъ, и съ узаконенными у насъ порядками, тотъ никогда не повѣритъ этому. Настоящее царствованіе ознаменовало цѣлымъ рядомъ реформъ, направленныхъ къ благоденствію всѣхъ безъ исключенія вѣрноподданныхъ. И намъ ли не отдать себя всецѣло отеческой мудрости и попеченію нашего обожаемаго Монарха и Отца! Намъ ли не повиноваться его державной волѣ?! —

Всмотритесь, наконецъ, въ прошлое. Въ исторіи нашего войска вы найдете въ этомъ отношеніи немало поучительнаго. Наше прошедшее вамъ съ очевидностію докажетъ, какія печальныя послѣдствія влекли за собою бывшія у насъ прежде смуты и волненія. Сколько нужно было времени, сколько потребовалось напряженныхъ съ нашей стороны усилій, чтобы загладить наше прошедшее. Высочайшее вниманіе къ службѣ нашего войска и Высочайшія милости, коихъ мы удостоивались, могли льстить насъ надеждою, что наше прошедшее искуплено нами. Но мы окажемся недостойны этого вниманія и этихъ милостей, если, вмѣсто глубочайшей вѣрноподданнической преданности и полнѣйшей покорности, вновь выкажемъ неповиновеніе и упорство. Вы, упорствуя и неповинуясь объявленному вамъ Высочайше утвержденному положенію, вновь являетесь ослушниками воли царской, и вновь налагаете на себя и вашихъ потомковъ это позорное пятно. Я знаю, что вы не всѣ еще выполнили то, что требуется отъ васъ правительствомъ, вы все еще какъ бы выжидаете чего-то. Умоляю васъ, образумьтесь и выполните требуемое, пока есть время,—не медлите! Повѣрьте, что начальство такъ же, какъ и мы, жалѣетъ васъ, и если оно медлитъ и не прибѣгаетъ къ болѣе строгимъ мѣрамъ, то единственно въ ожиданіи вашего раскаянія и вразумленія.— Не вѣрьте злонамѣреннымъ людямъ, которые, пользуясь вашей довѣрчивостью и невѣдѣніемъ, намѣренно искажаютъ и превратно истолковываютъ благія цѣли и желанія правительства“ (¹).

Это теплое и задушевное слово о. протоіерея возъимѣло желаемое дѣйствіе: 49 человѣкъ казаковъ изъ непринявшихъ положенія явились къ нему на квартиру, и изъявили полную готовность подчиниться всѣмъ требованіямъ начальства, и протоіерей Назаровъ лич-

(¹) Ур. в. вѣд. 1874 г., № 49.

но доставилъ ихъ къ станичному атаману. Остальные казаки также сильно поколебались въ своемъ упорствѣ и раздѣлились во мнѣніяхъ: одни говорили, что нужно скорѣе подписаться, другіе, напротивъ, совѣтовали выжидать, что будетъ дальше. Между тѣмъ, въ видахъ наибольшей безопасности дѣйствій начальства, изъ Саратова отправлены были въ Уральскую область два батальона Кутаискаго полка (1). Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1875 г. выслано изъ войска болѣе 500 ч. казаковъ въ Аму-Дарьинскій край, съ лишеніемъ казачьяго званія и съ исключеніемъ навсегда изъ войска (2). Но казаки все еще упорствовали: на лѣтніе сборы явились въ Уральскъ, Илекъ и Бородинскій форпостъ только 803 чел. (3), вмѣсто 1193, т. е. на 390 чел. меньше. Въ августѣ и сентябрѣ снова отправлено изъ войска 1145 чел. въ Туркестантскій военный округъ (4), а неспособные изъ нихъ къ работѣ поселены въ оренбургскихъ крѣпостяхъ съ магометанскимъ населеніемъ, нѣкоторые же были высланы во внутреннія губерніи и обращены въ крестьянъ.

Наконецъ стали составлять общественные приговоры и адресы на имя наказнаго атамана; такъ казаки обѣихъ уральскихъ станицъ, въ числѣ 891 ч., составили особый приговоръ, въ которомъ между прочимъ высказали: „Положеніемъ 9 марта 1874 г. Державный Монархъ явилъ новый знакъ особой, высокой Его къ войску нашему милости, подтвердивъ законодательнымъ порядкомъ всѣ старинныя права и привиллегіи войска, за вѣрную и честную службу его разновременно дарованныя, и сохранивъ неприкоспо-

---

(1) Кутаисцевъ потомъ смѣнили гурійцы, пришедшіе въ Уральскъ въ февралѣ 1876 г.

(2) Ур. в. вѣд. 1875 г. №№ 22, 25, 26, 29 и дал.

(3) Въ Уральскъ явилось 186 чел., въ Бородинскій форпостъ 210, въ Илекъ 407 чел. Ур. в. вѣд. 1875, №№ 26 и 27.

(4) Ур. в. вѣд. 1875 г., №№ 31—35, 39 и 41.

воинными коренныя основы общественнаго и хозяйственнаго быта войска и издавна установившійся порядокъ службы".

„Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и безпредѣльной благодарности отнеслись къ высокой милости царской благомыслящіе и вѣрные долгу службы, чести и присяги казаки. Но, къ глубокому прискорбію войска, нашлись и такіе, кои, забывъ долгъ службы и присяги, обязывающій каждаго безпрекословно повиноваться законнымъ властямъ, позволили себѣ отказаться отъ исполненія требованій войсковаго начальства, истекающихъ изъ новаго положенія, какъ напримѣръ: отъ выбора станичныхъ депутатовъ, уплаты подможныхъ денегъ чинамъ учебной сотни и явки на сборные пункты для строевыхъ занятій. Глубоко огорченные недостойнымъ, пятнающимъ все войско, поведеніемъ нашихъ собратій, вполнѣ сознавая всю тяжесть преступленія ихъ, мы, обыватели двухъ станицъ г. Уральска, въ числѣ 891 домохозяина, единогласно постановили:

„Въ виду продолжающагося упорства казаковъ (между которыми, къ прискорбію нашему, оказываются и наши одностаничники) въ неисполненіи Высочайшей воли и въ опасеніи справедливой законной кары, которая можетъ постигнуть все войско, по винѣ упорствующихъ, заявить, чрезъ атамана 1 отдѣла полковника Темникова, его превосходительству глубоко уважаемому атаману Николаю Александровичу полнѣйшее порицаніе образа мыслей и дѣйствій недостойныхъ собратій нашихъ, позорящихъ своимъ неповиновеніемъ насъ и все войско,—заявить, что между нами не было, нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Единогласно и торжественно отчуждаемъ мы ихъ отъ нашей семьи. Пусть несутъ они одни справедливо заслуженное ими наказаніе, и пусть, съ удаленіемъ ихъ изъ нашей среды, возстановится спокойствіе въ нашемъ войскѣ, и оно, попрежнему, сплотится въ одно цѣлое, проникнутое одинаковыми чувствами безпре-

дѣльной преданности Государю и отечеству, честнымъ и вѣрнымъ пониманіемъ своего долга, полнымъ довѣріемъ къ начальству и безпрекословнымъ повиновеніемъ".

„Вмѣстѣ съ симъ всепокорнѣйше просимъ предстательства его превосходительства предъ высшей властію, да не постигнетъ насъ, нижеподписавшихся и и всѣхъ другихъ, покорныхъ и вѣрныхъ долгу членовъ войсковой семьи, участь. ожидающая тѣхъ, кои дерзаютъ противиться державшей волѣ Государя Императора" (1). (Слѣдуютъ подписи 891 чел.).

Въ такомъ же духѣ составлены были адресы въ Гурьевѣ за подписью 408 чел., въ Сарайчиковской крѣпости (328 ч.), въ Зеленовскомъ форпостѣ (226 ч.), въ Кулагинской (200 ч.) и Яманхалинской станицахъ (159 ч.) (2). Эти 2212 голосовъ смѣло и открыто заявившихъ свою готовность принять безпрекословно положеніе 9 марта 1874 г., и болѣе 2000 казаковъ, высланныхъ изъ войска за упорство въ Аму-Дарьинскій край, Сибирь и внутреннія губерніи, дали совершенно другой оборотъ дѣлу: волненіе стало утихать, умы успокоились, раскольники притихли, казаки одумались и мало-по-малу принялись за свои дѣла, которыя были запущены.

Между тѣмъ изъ сосланныхъ въ Аму-Дарьинскій край казаковъ 88 челов. отказались селиться и строиться на отведенныхъ имъ тамъ мѣстахъ. Нѣсколько казаковъ было отдано подъ судъ, какъ зачинщики, и сосланы въ каторжныя работы; остальные, въ числѣ 77 чел., подвергнуты были аресту въ теченіе времени отъ одного до трехъ мѣсяцевъ (3). Такъ закончилось волненіе на Уралѣ, — и казаки теперь, съ краскою въ лицѣ, вспоминаютъ о первомъ времени своего

(1) Ур. в. вѣд. 1874, № 31.
(2) Ур. в. вѣд. 1875 г., №№ 29, 32, 33, 34 и 35.
(3) Ур. в. вѣд. 1876 г., № 30.

протеста, выразившагося такъ неудачно въ ихъ волненіи. Въ ноябрѣ 1876 г. Уральское войско простилось съ своимъ атаманомъ (1): Н. А. Веревкинъ былъ назначенъ членомъ Комитета о раненныхъ (2), а на его мѣсто назначенъ генералъ-маіоръ свиты Его Величества, князь Г. С. Голицынъ.

Въ настоящемъ (1878) году осуществилось желаніе покойнаго священника Успенской церкви Севрюгина, высказанное имъ въ докладной запискѣ атаману Столыпину, именно: въ Уральскѣ открыты публичные диспуты, или собесѣдованія съ старообрядцами. Эти собесѣдованія происходятъ теперь по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ въ Казанской единовѣрческой церкви; ведетъ ихъ священникъ Казанской церкви Поликарпъ Фродовъ. На собесѣдованіяхъ бываетъ много и православныхъ, и единовѣрцевъ, и раскольниковъ разныхъ взглядовъ и толковъ,—и всѣ принимаютъ въ нихъ живое и горячее участіе. Вначалѣ диспуты бывали довольно шумны: одни начинали говорить объ „аллилуіа“, другіе, не дослушавъ и не докончивъ „яже объ аллилуіа“, быстро переходили къ новымъ вопросамъ,—къ вопросу о крестѣ, о хожденіи „по-солонь“, о Стоглавѣ, о соборѣ 1666 г. и т. д. Теперь собесѣдованія приняли болѣе спокойный характеръ и происходятъ безъ крика и увлеченій; всякому собесѣдованію предварительно предшествуетъ программа; обыкновенно объявляется собравшимся на собесѣдованіе, что напр., нынѣ будутъ разсуждать о томъ-то, о такомъ-то предметѣ, объ этомъ только и говорятъ. Покойный священникъ Савва Севрюгинъ, какъ мы знаемъ, предлагая Столыпину устроить диспуты, между прочимъ, высказалъ, что на эти диспуты раскольниковъ съ православными должны быть допускаемы

(1) Ур. в. вѣд. 1876 г., № 45.

(2) 10 іюля 1878 г. Н. А. Веревкинъ скончался въ Гапсалѣ.

только люди знающіе, начитанные и благоразумные какъ съ той, такъ и съ другой стороны; что православные должны опираться въ своихъ опроверженіяхъ и возраженіяхъ на старопечатныя книги, такъ-какъ новопечатнымъ книгамъ раскольники не вѣрятъ. Придавая важное значеніе такимъ диспутамъ, о. Савва замѣчаетъ, что это дѣло обоюдоострое, что плохіе диспутанты и оппоненты, вмѣсто пользы, могутъ принести только вредъ: „если,—говоритъ онъ,—православные не докажутъ раскольникамъ на всѣ ихъ вопросы, тогда они только болѣе восторжествуютъ, нежели убѣдятся“ (1).

Въ какихъ пунктахъ попреимуществу скученъ теперь расколъ, сказать трудно, такъ какъ онъ распространенъ въ войскѣ повсемѣстно.—Молепныхъ домовъ въ Уральскомъ войскѣ оффиціально, съ дозволенія правительства, не существуетъ, богослуженіе же старообрядцы-раскольники совершаютъ тайно въ частныхъ домахъ. Главными заправителями богослуженій въ этихъ домахъ, по большей части, бываютъ иногородные, какъ болѣе опытные и знающіе свое дѣло люди, чѣмъ казаки, между которыми основательные „начетчики“ встрѣчаются рѣже. Особенно бываетъ много молящихся въ домѣ торговца Симакова; въ предпраздники и самые праздники богослуженіе здѣсь отличается торжественной обстановкой, въ чемъ занимаетъ видное мѣсто извѣстный лжеепископъ Викторъ, задумавшій было преобразовать и расширить Бударинскій скитъ; это уральскій казакъ, жившій раньше въ Барановскомъ уметѣ, находящемся вблизи Бударинскаго форпоста; намъ передавали, что Викторъ малограмотный и малосвѣдущій человѣкъ, по скромной жизни и кроткаго характера.—По форпостамъ, хуторамъ, уметамъ, зимовьямъ и выселкамъ, гдѣ нѣтъ еди-

(1) См. гл. V пазт. очерка.

повѣрческихъ церквей, или куда почти никогда (¹) не заглядываетъ приходское духовенство, моленныхъ домовъ еще больше; богослуженіе въ нихъ совершается тайно, изъ боязни начальства. Часовенъ, гдѣ бы раскольники открыто совершали богослуженіе, ни въ городѣ, ни въ форпостахъ не имѣется; единовѣрческое же духовенство, у котораго приходы растянуты на большое разстояніе, имѣетъ и часовни, въ которыхъ богослуженіе бываетъ открыто и торжественно. Такія часовни находятся, напримѣръ, въ Мергеневскомъ форпостѣ, въ приходѣ Горячинской церкви; въ Красноярскомъ форпостѣ, въ приходѣ Калмыковской церкви; въ Зеленовскомъ форпостѣ, въ приходѣ Кулагинской церкви. Жители всѣхъ форпостовъ, гдѣ находятся часовни, почти исключительно, единовѣрцы; самыя часовни построены по ихъ желанію, а потому современемъ легко могутъ быть обращены въ единовѣрческіе храмы, что весьма было бы желательно и умѣстно, при недостаткѣ церквей въ войскѣ и при томъ вліяніи, которое они оказали и оказываютъ на уральскихъ казаковъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Можно надѣяться, что еслибы въ каждомъ форпостѣ была церковь и преданный своему дѣлу священникъ; то единовѣріе стало бы все болѣе и болѣе распространяться, а расколъ ослабѣвать. Это видно изъ того, что въ большомъ Круглоозерномъ форпостѣ всѣ до одного были раскольники, но между ними *скрывались* и желающіе ходить въ церковь; когда построили тамъ церковь, явились и единовѣрцы. То же самое произошло въ Кушумскомъ хуторѣ и въ Чаганской станицѣ, и только въ Сламихиномъ хуторѣ церковь доселѣ почти исключительно посѣщается проживающими тамъ иногородцами.

(¹) Антоновскій форпостъ, находящійся въ приходѣ Калмыковской церкви, никогда не посѣщается духовенствомъ; а въ немъ всѣ казаки-раскольники и люди богатые, имѣющіе сотни тысячъ капитала. Чижинская линія, растянутая на 200 верстъ по саратовскому тракту, посѣ-

Пробѣгая мысленно все содержаніе нашего очерка, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Первоначальныя причины появленія раскола въ Уральскомъ войскѣ были тѣ же, что̀ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; но впослѣдствіи среди Уральскаго войска явились и особенныя мѣстныя условія, получившія политическій характеръ, которыя благопріятствовали усиленію, распространенію и прочности раскола въ войсковыхъ предѣлахъ. Начиная со временъ Петра Великаго, правительство стремится включить казаковъ въ общую систему управленія, и вводитъ среди нихъ разныя преобразованія, направленныя къ ограниченію казачьяго самоуправленія. Казаки опасаясь, что старый вѣчевой строй ихъ общины долженъ рушиться, рѣшаются энергично отстаивать свои старинные права и привиллегіи. Старшины, есаулы и другія должностныя лица становятся на сторону правительства, и чрезъ то теряютъ довѣріе въ народѣ. Возникаетъ двѣ партіи старшинская и народная, или *согласная* и *несогласная* (съ видами правительства). Борьба этихъ партій между собою и оппозиція народной партіи стремленіямъ правительства и придаютъ тотъ своеобразный характеръ расколу въ Уральскомъ войскѣ, какой онъ получилъ впослѣдствіи: *старая вѣра* съ ея обрядовой стороной сдѣлалась *лозунгомъ* для соединенія поборниковъ казачества, оплотомъ отъ военно-гражданскихъ реформъ правительства. Расколъ въ этомъ послѣднемъ видѣ былъ не столько протестомъ противъ православной Церкви, сколько оппозиціей противъ правительства и его сторонниковъ. Сосланные на Уралъ, въ 1683 и 1702 г., московскіе стрѣльцы, зараженные расколомъ, а также несправедливость и взяточничество слѣдователей, сыщиковъ и фискаловъ, являвшихся въ разное время

щается приходскимъ духовенствомъ, проживающимъ въ городѣ Уральскѣ, только два раза въ годъ: весной, послѣ Пасхи, и осенью — въ сентябрѣ.

въ войско, еще болѣе усиливаютъ ненависть казаковъ къ Москвѣ и ея поборникамъ, старина же со всѣмъ ея содержаніемъ получаетъ все болѣе и болѣе обаятельное значеніе въ глазахъ Уральскаго войска. Въ самомъ Уральскѣ возникаетъ цѣлая раскольническая слобода, или Шацкій монастырь, и раскольники—казаки, недовольные Москвою, здѣсь только и желаютъ молиться: „*атаманы-молодцы! въ церковь не ходите и книгъ нынѣшнихъ не слушайте, нынѣшнія книги новопечатныя*“,—взываль къ народу поборникъ казачьяго самоуправленія, Ѳедоръ Рукавишниковъ; народъ съ жадностію внималъ словамъ своего любимца; священникъ Василій Семеновъ, осмѣлившійся было обличать Рукавишникова въ „*хуленіи на Церковь*“, былъ „*посаженъ въ воду*“. Гоненіе, воздвигнутое на раскольниковъ внутри Россіи, также немало содѣйствовало росту уральскаго раскола. Тѣснимые и бѣжавшіе на Уралъ раскольники, приписывая инициативу своихъ гоненій духовной власти, всѣми мѣрами старались подорвать авторитетъ ея и вооружить противъ нея казачество. Скоро обстоятельства сложились такъ, что казаки невольно должны были встать въ враждебное отношеніе къ духовной власти. Казанскіе епископы, которымъ подчинено было прежде Уральское войско въ духовномъ отношеніи, отважились на смѣлыя и рѣшительныя мѣры: они пожелали учредить въ Уральскѣ Духовное правленіе, замѣнить священниковъ изъ казачьяго званія иногородными, рѣшились отобрать у войсковаго духовенства старопечатныя книги и старинныя иконы, замѣнивъ ихъ новыми, и произвести духовную перепись, не скупясь при томъ и на рѣзкія выраженія противъ раскольниковъ. Вслѣдствіе этого, духовная власть и священники скоро потеряли должное уваженіе и довѣріе въ глазахъ казаковъ; многіе, не желая подчиняться ихъ дѣйствіямъ, порвали всякую связь съ Церковію и ея служителями. Уничтоженіе въ 1741 г. Шацкаго монастыря, и начавшіеся послѣ того розыски раскольниковъ, скры-

вавшихся на Уралѣ, ни къ чему хорошему не привели: изъ трехъ сотъ поймашныхъ раскольниковъ обратившихся къ Церкви было не болѣе 40 чел., да и тѣ пожелали оставить расколъ единственно изъ боязни пытокъ, прочіе же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ, или же замерзли въ степи и потонули въ рѣкахъ, еще во время самыхъ розысковъ, — словомъ, ни розыски, ни пытки въ застѣнкѣ Сыскнаго приказа, ни увѣщанія раскольниковъ въ консисторіяхъ не могли ослабить раскола на Уралѣ. Благодаря ходатайству Неплюева, Военная коллегія въ 1756 г. приказала „всякіе розыски и преслѣдованія раскольниковъ на Яикѣ (Уралѣ) прекратить".

Во второй половинѣ XVIII в. возникаютъ знаменитые въ расколѣ Иргизскіе монастыри, и забираютъ уральскихъ казаковъ въ свои желѣзныя грубыя руки. Подъ могучимъ вліяніемъ иргизской братіи, расколъ на Уралѣ получилъ еще большую прочность. У казаковъ явились и свои *ѣстовые* попы, и свое муро, и древніе антиминсы, и старопечатныя книги; на войсковой территоріи возникаютъ знаменитые раскольническіе скиты, какъ Сергіевскій, которые въ свою очередь дѣлаются разсадниками другихъ скитовъ въ войскѣ. Въ самомъ Уральскѣ, какъ бы въ замѣнъ разрушеннаго Шацкаго монастыря, была построена Успенская раскольническая часовня, куда обратилась вся казачья аристократія, во главѣ съ своими атаманами и полицейскими чиновниками, увлекшими за собою большую часть войска. Казачьи атаманы и другіе представители казачьяго управленія запасаются своими домашними попами: Савелій Сумкинъ отправляетъ всѣ службы и требы у атамана Петра Назарова, а Михайло Пятовъ и Петръ Севрюгинъ у другихъ важныхъ начальниковъ.

Въ первой четверти настоящаго столѣтія расколъ на Уралѣ усилился еще болѣе, вслѣдствіе чрезмѣрной терпимости ко всякимъ ересямъ и сектамъ. Въ

силу указа, 26 марта 1822 г., поповцы могли безвозбранно держать у себя бѣглыхъ поповъ, лишь бы послѣдніе до своего побѣга не совершили уголовнаго преступленія. Въ это время образуются въ предѣлахъ Уральскаго войска новые раскольническіе скиты: Бударинскій, Филаретовскій и Садовскіе, изъ которыхъ первый и послѣдніе существуютъ до сего времени. Въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе общаго оскудѣнія священства въ раскольническомъ мірѣ, на Уралѣ являются, по выбору общества, особые „*благословенные*“ старцы, или доморощенные попы, какъ напримѣръ: Г—въ, Н—ъ и др. Австрійская лжеіерархія, возникшая въ 1846 г. въ Бѣлой Криницѣ, надѣлила и уральскихъ казаковъ своими лжеепископами и лжепопами: въ 1852 г. въ предѣлахъ Уральскаго войска появляются раскольническіе архіереи Софроній и Виталій, которые поставляютъ для казаковъ, иногда изъ ихъ же среды, и своихъ поповъ. Малочисленность храмовъ въ Уральскомъ войскѣ, недостатокъ образованія въ краѣ, слабая подготовка къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ войсковаго духовенства и полная зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ войска также немало благопріятствовали расколу и раскольнической пропагандѣ на Уралѣ; но коренной источникъ, основа и крѣпость уральскаго раскола заключаются въ общественномъ строѣ, въ изолированномъ положеніи Уральскаго войска, въ его усиліи, во что бы то ни стало, поддержать прежнее устройство самобытной и *вольной* общины,—словомъ, въ его принципѣ: „*служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять*“. Желаніе обособиться и быть у себя полновластными хозяевами всегда дѣлало старину привлекательной въ глазахъ казачества, а „старая вѣра“ постоянно служила Уральскому войску какъ бы оплотомъ противъ всѣхъ воспогражданскихъ реформъ, направленныхъ къ сліянію и уравненію казаковъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи.

Протестуя противъ правительственныхъ распоряженій, уральскіе казаки всегда становились подъ знамя „старой вѣры“, разыгрывая изъ себя роль какъ бы мученниковъ, гонимыхъ за вѣру, въ случаѣ неудачи протеста и наказанія виновныхъ. Припомните январскую рѣзню 1772 г., Кочкинъ пиръ, волненія 1837 и 1874 годовъ. Въ 1772 году казаки подъ сѣнію церковныхъ хоругвей и образовъ, въ сопровожденіи облаченнаго въ ризы духовенства, при звонѣ церковныхъ колоколовъ, идутъ на убійство шестидесяти человѣкъ, исполнявшихъ волю правительства; перекрестясь двуперстнымъ *„истовымъ“* крестомъ, они за волосы вытаскиваютъ своего атамана Тамбовцева на дворъ, безпощадно бьютъ его, еще у живаго разрѣзываютъ грудь и звѣрски вырываютъ сердце; тѣ же ревнители старой вѣры *„урядою брадатые“* рубятъ въ куски генерала Фонъ-Траубенберга и безжалостно убиваютъ старшинъ и казаковъ, сторонниковъ воли правительства, поджигая и разоряя ихъ дома. Въ маѣ того же (1772) года, выступая въ походъ противъ генерала Фреймана, посланнаго для ихъ усмиренія, они *служатъ молебенъ* и рѣшаются проливать кровь единовѣрныхъ христіанъ, заискивая въ то же время расположенія у киргизъ чрезъ Нурали-хана. Послѣ Кочкина пира, на мѣстѣ экзекуціи виновныхъ, уральцы ставятъ два черные осмиконечные креста, которые ревниво оберегаютъ до сихъ поръ (1). Противники правительственныхъ реформъ, упорные и закоснѣлые раскольники, являются въ глазахъ уральцевъ мучениками, а покорные волѣ правительства—*дѣтьми антихриста*. Главные коноводы всѣхъ подобныхъ протестовъ были всегда самые закоренелые раскольники, какъ напр. казаки: Клоченковъ, умершій въ поморскомъ скиту, Павловъ, Фроловъ, Ботовъ и др.

---

(1) Эти кресты въ настоящее время, по случаю расширенія города къ сѣверу, очутились среди Большой улицы, почти при самомъ въѣздѣ въ нее отъ вѣтряныхъ мельницъ.

Что касается дѣятельности правительства и его представителей на Уралѣ, по отношенію къ Уральскому войску и расколу; то здѣсь нельзя не замѣтить того колебанія и той неустойчивости, которыми отмѣчена эта дѣятельность, особенно въ прошломъ столѣтіи. — Правительство 28 декабря 1769 г. издаетъ указъ о легіонной службѣ, требуя отъ Яицкаго (Уральскаго) войска въ составъ легіона 334 чел., а 7 декабря слѣдующаго (1770) года, уступая протесту казаковъ, особымъ ъуказомъ увольняетъ казаковъ отъ легіонной службы; два раза (въ 1762 и въ 1803 г.) вводитъ очередную службу, отмѣняя наемку въ Уральскомъ войскѣ, и каждый разъ снова разрѣшаетъ отправлять службу по найму; приказываетъ разыскивать и ловить раскольниковъ, представлять ихъ на увѣщаніе въ консисторіи и Сыскной приказъ,—и снова велитъ прекратить всякіе розыски; дозволяетъ имѣть всѣмъ старообрядцамъ бѣглыхъ поповъ (1), разрѣшаетъ постройку раскольническихъ часовенъ (2),—и потомъ все это отмѣняетъ. Такое же колебаніе замѣтно и въ дѣятельности главныхъ начальниковъ Оренбургскаго края и войсковыхъ атамановъ Уральскаго войска.—Военные губернаторы: Игельстромъ, Волконскій, Сухтеленъ, Обручевъ и Безакъ, а равно и бывшіе при нихъ войсковыми атаманами: Донсковъ, Назаровъ, Бородинъ, Гекке и Дандевиль относятся къ расколу въ Уральскомъ войскѣ почти пассивно; между тѣмъ какъ ихъ преемники: Эссенъ, Перовскій, Катенинъ, Покатиловъ, Кожевниковъ, Столыпинъ и Веревкинъ, заботясь о разныхъ преобразованіяхъ въ войскѣ, не игнорируютъ и вопроса о расколѣ, стараясь ослабить оный извѣстными мѣропріятіями. Эта двойственность мѣропріятій, по отношенію къ уральскому расколу, даже обнаруживалась иногда и въ дѣятельности одного и того

---

(1) Указъ 26 марта 1822 г.

(2) Успенская часовня въ Уральскѣ.

же лица. Такъ, графъ Перовскій, въ первое время своего управленія краемъ, дѣйствовалъ гораздо настойчивѣе и энергичнѣе противъ раскола, чѣмъ послѣ, когда онъ вторично былъ назначенъ на мѣсто оренбурскаго губернатора. Такая уступчивость и такое колебаніе со стороны правительства и властей, вызываемыя, можетъ быть, обстоятельствами времени и благоразумною осторожностью правительства, какъ бы пріучили казаковъ къ тому ожесточенному и безразсудному упорству, которое останется чернымъ пятномъ въ исторіи уральскаго войска; подъ вліяніемъ снисходительности и долготерпѣнія правительства, уральцы какъ бы сроднились съ надеждою, что авось, какъ въ старые годы, опять уступятъ ихъ протесту и сдѣлаютъ по ихъ желанію. Волненіе 1874 года доказало, что и теперь между уральскими казаками есть такіе несчастные ревнители старины, какіе были и раньше, какъ напримѣръ Павловъ, современникъ Кочкина пира, который говорилъ въ назиданіе потомству: „*пострадайте за вѣру*, а докажите начальству, что вы не ясачные татары, не пахатные солдаты, а вольные люди, славные яицкіе казаки, — *всѣхъ не перестрѣляютъ, всѣхъ не переказнятъ, сдѣлаютъ и по нашему*“!—Уральцы дѣйствительно доказали и не разъ, что они „*славные казаки*“; но доказали это не протестами противъ правительства, а своею храбростью, ловкостью и расторопностью въ дѣлахъ съ непріятелемъ, — въ этомъ отношеніи они займутъ видное, почетное и вполнѣ заслуженное мѣсто въ военной исторіи отечества. Геройскіе подвиги самоотверженія уральскихъ казаковъ во время войны извѣстны всей Россіи; но не тайна для многихъ — и ихъ безразсудное упорство правительству, ихъ открытые протесты. Что же касается вѣры, то уральцамъ никогда не приходилось за нее страдать: наказанныхъ и сосланныхъ въ разныя мѣста уральскихъ казаковъ *мучениками за вѣру* никто и никогда, кромѣ закоренѣлыхъ раскольниковъ изъ казаковъ же, не считалъ и не считаетъ;

это *не мученики за вѣру, а несчастныя жертвы* неблагоразумнаго *упорства и* крайне самообольщеннаго *невѣжества*. „Старая вѣра“, за которою скрывались политическія тенденціи уральскаго раскола, никогда не одобряла неповиновенія властямъ, тѣмъ болѣе открытаго сопротивленія, дерзостей и убійствъ. Всѣ старообрядцы признаютъ богодохновенность ученія свв. апостоловъ и ученія евангельскаго, а св. апостолъ Петръ прямо говоритъ: „*повинуйтеся царю, яко преобладающу; княземъ, яко отъ него посланнымъ. Повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ; яко тако есть воля Божія, благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество; яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи. Всѣхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите*“ (1).—То же самое внушаетъ намъ и богодохновенный сподвижникъ апостола Петра св. апостолъ Павелъ: „*всяка душа властемъ придержащимъ да повинуется,—нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть: противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется*“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Рѣчь Пимена Ерофеева, діакона австрійской лжеіерархіи, при его обращеніи къ Церкви.

Возлюбленная о Христѣ Братія!

Вступивъ нынѣ въ благодатный союзъ со св. Церковію, я за первый долгъ почитаю, съ чувствомъ неизъяснимой душевной радости, принести благодареніе Господу, изведшему меня изъ тьмы невѣдѣнія, т. е. противленія св. Церкви, и

---

(1) 1 Петр. посл., гл. 2, ст. 13, 15—18.

приведшему къ свѣту познанія истины, совокупившему меня избранному словесному стаду своея св. Церкви, чему вы и были нынѣ очевидцами. Благодарю Господа и за то, что Онъ, по милосердію Своему, устроилъ день моего обращенія,—день, въ который св. Церковь износитъ на поклоненіе животворящій крестъ Христовъ, на которомъ Царь славы, Господь Нашъ Іисусъ Христосъ волею рукѣ распростеръ, собралъ расточенные языки. Отнынѣ я несмь раскольникъ и раздорникъ, но сынъ единыя, святыя соборныя и апостольскія Церкви! — Помолитесь обо мнѣ, братія, да укрѣпитъ меня Господь пребыть въ вѣрѣ сей твердымъ и постояннымъ, и быть въ союзѣ со св. Церковію и въ послушаніи ей до конца моей жизни, и да поможетъ мнѣ Богъ претерпѣвать всѣ искушенія и огорченія отъ противниковъ св. Церкви, которыя отнынѣ неминуемо посыпятся на меня со всѣхъ сторонъ. Скажу вамъ теперь, не стѣсняясь, о себѣ: я до сего времени, какъ вамъ извѣстно, блуждалъ во тьмѣ раскола; гналъ Церковь Божію и разрушалъ ее; излиха ревнителемъ былъ неразумнымъ преданіямъ моихъ отцевъ и, къ немалому сожалѣнію, много успѣвалъ въ дѣлѣ совращенія съ пути истины простодушныхъ на путь заблужденія, въ которомъ и самъ находился. Да проститъ мнѣ Господь ревность эту, бывшую не по разуму! Искренно прошу христіанскаго прощенія и у всѣхъ тѣхъ, кого я совратилъ съ пути истины. Сначала предки мои и я, для исправленія духовныхъ нуждъ, принимали бѣглое священство, бѣжавшее отъ православной Церкви и своихъ законныхъ епископовъ; мы принимали ихъ и дѣлали имъ, по своему, исправленія, по понятіямъ нашимъ, будто бы правильныя. Но свидѣтельствуюсь вамъ Богомъ, братія, что ни одинъ изъ нихъ не приходилъ къ намъ по сознанію, какъ бы для спасенія душъ нашихъ. Нѣтъ! они укрывались у насъ или отъ законнаго преслѣдованія за свои пороки, или, вѣрнѣе всего, приходили къ намъ ради алчнаго корыстолюбія. Сознавши это, мы весьма обрадовались было появленію австрійскаго священства, съ своими митрополитами и епископами, что теперь будемъ уже имѣть своихъ законныхъ пастырей и Церковь. Сознаюсь вамъ, братія, что я и самъ былъ однимъ изъ членовъ этой Буковинской лжеіерархіи; я былъ рукоположенъ, въ 1865 г. февраля 3 дня, въ діаконы лжеепископомъ Софроніемъ, и въ званіи этомъ находился до

настоящаго времени; но и тутъ самолично, видѣвши несогласія, раздоры, раздѣленія на окружниковъ и противоокружниковъ, проклятія однихъ другими и многія беззаконныя дѣйствія въ высшихъ духовныхъ властяхъ, то же корыстолюбіе и попраніе совѣсти,—я не имѣлъ покоя въ душѣ ни днемъ, ни почью въ теченіе этого времени; мнѣ ясно представилось, что садъ, егоже не насадилъ Отецъ Небесный, искореняется. Я съ величайшею грустію въ душѣ отвернулся отъ всего; рѣшилъ навсегда оставить мнимое старообрядчество и, какъ видите, присоединился къ стаду св. соборной и апостольской Церкви, гдѣ едино стадо и единъ Пастырь. Паки умоляю васъ, братія, помолиться обо мнѣ грѣшномъ". Аминь.

№ 2.

Рѣчь бывшаго священника австрійской лжеіерархіи Павла Биряева, перешедшаго въ единовѣріе.

„Днесь воздадимъ благодареніе Господу Богу, призвавшему насъ ко святой Его Церкви и сподобившему насъ причаститься святыхъ, пречистыхъ и животворящихъ Его Таинъ!

Благодаримъ Господа Нашего Іисуса Христа, что сподобилъ насъ придти ко св. Его Церкви, въ такой великоторжественный праздникъ святаго боголѣпнаго Преображенія Его, ибо въ этотъ св. день возвелъ Іисусъ учениковъ своихъ: Петра, Іоанна и Іакова на гору Ѳаворскую и преобразился предъ ними: показалъ имъ славу свою, *якоже можаху зрѣти.* Такъ и насъ возвелъ во св. Его Церковь и сподобилъ насъ зрѣти Его боголѣпно, чрезъ таинство тѣла и крови Его. Нынѣ мы, присоединившіеся къ св. Его Церкви, не менѣе должны радоваться, какъ тогда радовались св. апостолы Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, видѣвшіе славу Божію на горѣ. Нынѣ мы въ той самой Церкви, о которой Іисусъ Христосъ сказалъ св. апостолу Петру, что „*на семъ камени созижду Церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ее*" (Мѳ. зач. 67).

Сія св. Церковь, по словеси Христову, есть гостинница, *въ ню же приведе Іисусъ человѣка нѣкоего, избіеннаго отъ разбойникъ и оставленнаго едва жива. Всадивъ же его*

(Іисусъ Христосъ) *на свой скотъ, приведе его въ гостинницу, и прилежа ему. Наутрія изшедъ, иземъ два сребренника, даде гостинникоу и рече ему: прилежи ему: и, еже аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти*" (Лук., зач. 53).

Теперь, братіе, должны мы разумѣть человѣка, шедшаго отъ Іерусалима и впадшаго въ разбойники и избіеннаго отъ нихъ, и разбойниковъ, и гостинницу, и гостинника. „Человѣкъ нѣкій" есть человѣческое естество, т. е. каждый изъ насъ долженъ понимать о себѣ, а шествіе наше отъ Іерусалима во Іерихонъ выражаетъ то наше положеніе, когда мы отъ добродѣтельнаго и высокаго житія нисходимъ въ низкое. питаемъ пристрастрастіе къ земному и въ такомъ-то пристрастіи творимъ разныя преступленія, — преступаемъ Божія заповѣди, отступаемъ отъ православной вѣры и отторгаемся отъ св. соборной и апостольской Церкви. Вотъ въ такомъ-то случаѣ мы впадаемъ въ разбойники, т. е. въ бѣсы, какъ говоритъ св. Ѳеофилактъ: „впадшаго же въ разбойники, т. е. въ бѣсы, они обнажаютъ всякаго благаго помысла и Божія покрова, и тако раны грѣха налагаютъ, еле жива оставляюще". Гостинница же есть св. Церковь, которая всѣхъ пріемлетъ: и грѣшника, и мытаря. Но какъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ гостинпику прилежати о избіенномъ человѣкѣ и на иждивеніе далъ ему два сребренника: „И сіе навыкни (говоритъ Ѳеофилактъ), имать бо образъ гостинника всякъ апостолъ, и учитель, и игуменъ, имъ же даде Господь два сребренника, сирѣчь два завѣта — ветхій и новый, и сія убо сребренники Господь, на небеса восходя, оставилъ апостоламъ, учителямъ и епископамъ, на времена (до пришествія своего) рече же: *аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти*".

Итакъ нынѣ возблагодаримъ, братіе, Господа Бога за столь великія Его милости, что Онъ, чрезъ вѣрныхъ рабовъ своихъ—пастырей церковныхъ, благоволилъ намъ исцѣлиться отъ ранъ грѣховныхъ покаяніемъ и молитвами священническими и св. мѵропомазаніемъ, и сподобилъ насъ причаститися св. пречистыхъ и животворящихъ Таинъ, тѣла и крови Его. Благодаримъ Бога, что теперь мы получили исцѣленіе отъ ранъ, нанесенныхъ намъ духовными разбойниками, преступленіемъ заповѣдей и отторженіемъ отъ св. соборныя и апостольскія Церкви. Нынѣ припомнимъ

мы и скажемъ: до благословеннаго сего дня въ какомъ мы были блужденіи, Господи Боже мой! Въ слѣдъ кого мы шли? Шли мы въ слѣдъ осужденныхъ праведно и изверженныхъ изъ священнаго сана протопопа Аввакума съ прочими, которые гордостію своею безъ вины оставили св. соборную апостольскую Церковь и всесвятыя таинства охулили и обругали. 218 лѣтъ тому назадъ, какъ отторглись отъ восточныхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ и пятаго россійскаго Аввакумъ съ прочими. Чрезъ какія же причины сдѣлали они такое отступленіе? — Вотъ этого и доселѣ не доказано и не докажутъ истинно наши старообрядцы. Если говорилъ Аввакумъ, говорили и послѣдующіе ему, въ числѣ которыхъ были и мы, что въ Греціи до конца изсякла вѣра, то сіе несправедливо. Аввакумъ съ прочими были справщиками на книгопечатномъ дворѣ, они сами напечатали, съ дозволенія Іосифа патріарха, книгу: „О правой вѣрѣ“ въ 1648 году. Въ этой книгѣ, во 2 главѣ, на листѣ 28 говорится о греческомъ благочестіи такъ: „святая восточная въ Грецѣхъ обрѣтенная Церковь — правымъ царевымъ путемъ отъ Іисуса Христа, Бога и Спаса нашего и истинныхъ Его наслѣдниковъ, углаженнымъ, ни на право, ни на лѣво съ пути не совращаяся, къ горнему Іерусалиму сыны своя препровождаетъ и ни въ чемъ установленія Спасителя своего, блаженныхъ Его учениковъ, св. отецъ преданія и седьми вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ, уставы не нарушаетъ, не отмѣняетъ и въ малѣйшей части не отступаетъ, не прибавляя, не отымая ничего, но яко солнце одинаковою лучею правды всегда свѣтится правою вѣрою“. Еще тамъ же, во главѣ 25, на листу 232, повелѣваетъ слушати восточныхъ патріарховъ: „слушаемъ александрійскаго, антіохійскаго, іерусалимскаго и Великой Россіи, яко единовѣрныхъ константинопольскому, архіереевъ, почитаемъ и пріимаемъ, къ нимъ-бо надлежатъ оны Христовы словеса: *„слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается“* (Лук., зач. 51). И истинно есть, кто слушаетъ патріарховъ и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, тотъ Христа слушаетъ, а кто отметается ихъ, и самого Христа Бога отметается тотъ. Сіе свидѣтельство о греческомъ благочестіи есть свидѣтельство святѣйшаго Іосифа, патріарха московскаго, и Аввакума.

Какъ же Аввакумъ черезъ 5 лѣтъ потомъ дерзнулъ злохульно поносить восточныхъ патріарховъ, будто тамъ—въ Грецѣхъ до конца изсякла вѣра?

Вотъ, когда мы были въ старообрядчествѣ, то спрашивали другъ друга: „когда же послѣ Іосифа патріарха погибла въ Греціи вѣра“?—Но сего изъ нашихъ старообрядцевъ никто не могъ доказать. Чрезъ какія же причины Аввакумъ протопопъ отторгся отъ восточныхъ патріарховъ и своего россійскаго!—Сіе, по изслѣдованію, оказалось, что Аввакумъ злобою мстилъ патріарху Никону за то, что онъ удалилъ его отъ книгопечатнаго двора, и въ злобѣ и мщеніи Аввакумъ износилъ разныя укоризны на церковные обряды и патріарховъ, оправдавшихъ Никона. И бысть Аввакумъ въ конецъ противникъ Церкви Христовой, а о таковыхъ противникахъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „*аще же Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*“ (Мѳ. зач. 75).

Вотъ въ такомъ-то жалкомъ положеніи и оставались наши старообрядцы, и слишкомъ 200 лѣтъ пребывали безъ епископа, а съ одними бѣглыми и запрещенными попами и самозванцами, и благословенными міряпами, которые отчасти и священнодѣйствуютъ,—и такими поступками подверглись они 31 правилу св. апостолъ и 5 и 6 правиламъ св. собора, иже въ Гангрѣхъ; о таковыхъ и преподобный Никонъ говоритъ: „егда нѣсть тамъ архіерея, таковымъ не дается Духъ Святый, якоже вѣруемъ“ (Тактіонъ, слово 23), и св. священномученикъ Игнатій Богоносецъ говоритъ: „таковый оскверняется совѣстію и невѣрнаго горшій есть“ (Посланіе 1 къ Гралліаномъ). Наконецъ, такое жалкое или, лучше сказать, гибельное положеніе наши старообрядцы хотѣли поправить пріобрѣтеніемъ себѣ епископа — и чтоже? Получили тропхъ: Анфима, Анфиногена и Епифанія (1); но, на бѣду ихъ, Анфимъ и Анфиногенъ не суть епископы, а самозванцы, и этимъ старообрядцы наши болѣе только себя посрамили. Впослѣдствіи же, въ 1847 году, получили они грека Амвросія, бывшаго митрополитомъ въ Босніи, но

---

(1) Епифанія обрѣли въ концѣ 1731 г., Анфиногенъ явился въ 1749 г., Анфимъ самъ себя рукоположилъ въ 1753 г. 11 апрѣля, въ великій четвергъ. См. «Истор. очерки поповщины», гл. 4, стр. 95; гл. 5 стр. 159; гл. 6, с. 204.

впослѣдствіи отстраненнаго отъ митрополіи. Сей митрополитъ, живя праздно, не получая никакихъ себѣ доходовъ, рѣшился оставить св. соборную, апостольскую Церковь и, безъ воли своего патріарха, бѣжалъ къ нашимъ старообрядцамъ, и посвятилъ имъ епископовъ и священниковъ; но, къ ихъ несчастію, и сіе только болѣе раздробило ихъ на разныя партіи, во-первыхъ потому, что возникла эта іерархія на ложномъ ученіи, составленномъ Павломъ австрійскимъ (1). Второе, въ 1866 г., ихъ митрополитъ Кириллъ издалъ ученіе новое, совершенно еретическое, называя имя Господа нашего Іисуса Христа именемъ антихриста, хуляще честный крестъ Христовъ и невѣжествомъ своимъ хуляще и Пресвятую Владычицу нашу, Богородицу, опредѣляя ее быти матерью антихриста (2). Это ученіе раздробило въ конецъ сію новую іерархію; къ сему же еще и послѣдній Антоній, архіепископъ московскій и владимірскій, началъ издавать разныя неправославныя ученія, не повелѣвая приносити жертву на св. проскомидіи о богоставленномъ Государѣ Императорѣ нашемъ, а сіе мудрованіе причастно ереси галилейской. При семъ еще, излагая чинъ принятія переходящихъ отъ православія, и этимъ въ такой вовлекся грѣхъ, что новоизложенная клятва восходитъ (о ужасно!) на Творца закона, Творца всей чувственной и разумной твари, и на св. угодниковъ Божіихъ. О такомъ чинопріятіи замѣчаетъ Нафнутій казанскій: „таковымъ чинопріятіемъ и издатель, и дѣйствующій по нему священникъ, и присоединяющійся неизбѣжно творятся самопроклятыми“ (3). Вотъ въ такомъ положеніи остаются наши старообрядцы и съ своими епископами и попами, не токмо что погрѣшаютъ противу Христа Спасителя, свв. апостоловъ и свв. отецъ, но впадаютъ въ самопроклятіе.

---

(1) Отвѣтъ на письмо старообрядца инока Филарета. Москва 1863 г., стр. 2.

(2) Подробное изложеніе Прокопо-Кириллова ученія см. въ статьѣ «Новый расколъ въ расколѣ» (Совр. Лѣт. 1867 г., № 16) и въ статьѣ: «Бѣлокриницкій соборъ» (Совр. Лѣт. раскола 1869 г., вып. 1, стр. 9 и 10).

(3) Совр. Лѣт. раскола, вып. 2, въ прилож. стр 6 и 7.

Теперь я скажу нѣчто о себѣ. Я отъ колыбели старообрядецъ, впослѣдствіи, въ средѣ своихъ, былъ удостоенъ, въ 1862 г., чина діакона, а въ 1864 г. рукоположенъ въ санъ священника. Но благодаря милосердаго Бога, по рукоположеніи меня во священника, замѣчалъ я нѣкоторыя неправды въ своемъ старообрядчествѣ и путемъ безпристрастія разсматривалъ: на какомъ основаніи существуетъ наше старообрядчество, бывшее 200 лѣтъ безъ епископа, и чрезъ какія причины отдѣляемся мы, старообрядцы, отъ православной Церкви? Итакъ, желая душѣ своей спасенія, по прилежномъ разсмотрѣніи, нашелъ, что наше старообрядчество не есть св. соборная, апостольская Церковь; но есть звено, отторгшееся отъ нея. Что же касается до православной Церкви, то въ ней нѣтъ причинъ, могущихъ насъ съ нею раздѣляти. Посему нынѣ я обращаюсь къ св. Церкви съ чистою совѣстію и твердою вѣрою, чая спасенія своей душѣ. Что же касается до того, что иногда были отъ меня, отъ неразумія раскольническаго, злохуленія на св. Церковь; то прошу въ этомъ прощенія у всѣхъ православныхъ христіанъ: быть можетъ, что иногда соблазнялъ кого, представляя имъ укоризну на св. Церковь и на пастырей ея, и что могло послужить къ совращенію христіанъ отъ православной Церкви.

Простите меня, отцы, и братіе, и сестры, и помолитесь о мнѣ ко Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу, да за ваши святыя молитвы сподобитъ меня Господь спасеніе получити". Аминь.

№ 3.

Списокъ лицъ, перешедшихъ изъ раскола въ единовѣріе въ апрѣлѣ 1872 г., въ Уральскѣ.

1) Уральскаго раскольническаго Садовскаго скита инокиня *Аполлинарія*, въ мірскомъ званіи—казачка Прасковья Хохлачева . . . . . 80 лѣтъ.

2) Того же скита инокиня *Павла*, въ мірскомъ званіи Прасковья Іосифова, дочь казака Севрюгина . . . . . 58 —

Послушницы ихъ:

3) Дочь казака, дѣвица Варвара Хрисанфова *Копняева* . . . . . 40 лѣтъ.
4) Вдова-казачка Марья Петрова *Шильнова*. 60 —
5) Дочь крестьянина дѣвица Ѳекла Артемьева *Платонова* . . . . . 20 —

Раскольники ведоспевской секты:

6) Инокиня прусскаго раскольническаго скита Варвара, дочь Ильичева . . . . . 37 —
7) Оренбургскій мѣщанинъ Иванъ Дмитріевъ Богдановъ . . . . . 36 —
8) Жена его Марья Михайлова . . . . 32 —

Дѣти ихъ:

9) Алексѣй . . . . . 9 —
10) Степанъ. . . . . 4 —
11) Кириллъ . . . . . 1 году.

Племянники Богданова:

12) Крестьянинъ Филиппъ Ѳедоровъ *Чекуновъ* . . . . . 21 —
13) Василій Петровъ *Богдановъ* . . . . . 15 —
14) Симбирской губерніи села Ждамирова крестьянинъ Андрей Васильевъ *Мастеровъ* . . 42 —
15) Жена его Дарья Иванова . . . . . 42 —
16) Сынъ ихъ Кипріанъ . . . . . 8 —
17) Самарскій мѣщанинъ Павелъ Дмитріевъ *Тезиковъ* . . . . . 32 —
18) Жена его Агриппина Антонова . . . 30 —

Дѣти ихъ:

19) Пелагея. . . . . 9 —
20) Васса . . . . . , 4 —

№ 4.

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ОБРАТИВШИХСЯ ИЗЪ РАСКОЛА ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ ЖИТЕЛЕЙ ВЪ ЗЕМЛѢ УРАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА, ВОЙСКОВАГО И ИНОГОРОДНАГО СОСЛОВІЯ, ЗА ВРЕМЯ СЪ 1860 ПО 1876 ГОДЪ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

ГОДЪ.		Число лицъ обоего пола.
1860	Обратившихся было	1368
1861	— —	567
1862	— —	517
1863	— —	241
1864	— —	284
1865	— —	59
1866	— —	7
1867	— —	20
1868	— —	12
1869	— —	14
1870	— —	25
1871	— —	28
1872	— —	9
1873	— —	11
1874	— —	3
1875	— —	3
1876	— —	81
	Всего въ 17 лѣтъ	3249

Вѣдомость эта доставлена намъ, чрезъ протоіерея А. П. Добровидова, дѣлопроизводителемъ Уральскаго хозяйственнаго правленія по статистическому столу А. И. Логиновымъ. Настоящая вѣдомость, на сколько можно судить по другимъ даннымъ, оказывается не вполнѣ вѣрной, такъ

напр. въ 1872 г. обратившихся показано только 9 чел., тогда какъ ихъ даже по списку, приведенному нами подъ № 3, значится 20 человѣкъ (¹). Не смотря, однакожъ, на неточность цыфръ этой вѣдомости, изъ нея можно видѣть, что число обратившихся изъ раскола въ православіе въ Уральской области, начиная съ 1860 г., постепенно уменьшалось до 1866 г., затѣмъ оно колеблется отъ 20 до 81 человѣкъ.

В. Витевскій.

(¹) Въ отчетѣ Оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода эти 20 челов. отнесены къ 1873 г. См. извлеченіе изъ «Правит. Вѣстника» въ Ур. в. вѣд. 1874 г., № 1, стр. 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора (вмѣсто предисловія) . . . . . 2.

I. *Глава первая.* Общій взглядъ на состояніе и значеніе раскола въ Уральскомъ войскѣ стр. 4. — Причины его развитія и живучести на Уралѣ—6.—Сношенія уральскихъ раскольниковъ съ Дубовскими и Иргизскими скитами—10. — Вліяніе Иргизскихъ монастырей на Уральское войско 11.—Возникновеніе въ Уральскѣ Успенской раскольнической часовни стр. 15.

II. *Глава вторая.* Мѣста общественной молитвы и богослуженій въ Уральскомъ войскѣ 20. — Замѣчательные раскольническіе скиты 21. — Значеніе скитовъ въ расколѣ и ихъ вліяніе на Уральское войско. 36.

III. *Глава третья.* Уральское войско въ первой четверти настоящаго столѣтія, по отношенію къ военногражданскимъ реформамъ 39.— Протесты казаковъ и Кочкинъ пиръ 43. — Новые мундиры 48.— Успенская раскольническая часовня въ Уральскѣ и ея значеніе въ войскѣ 55.—Начетчикъ Тарасовъ 57.—Раскольническій попъ Василій 59.

IV. *Глава четвертая.* Причины, благопріятствовавшія усиленію раскола въ Уральскомъ войскѣ, въ первой четверти настоящаго столѣтія стр. 60. — Послѣдніе казачьи атаманы и ихъ отношеніе къ расколу 61. — Холера 1830 и 1831 г. въ Уральскомъ войскѣ 63. – Раскольничьи амулеты и Успенская часовня въ холерный годъ 64.—Сношенія съ Иргизскими монастырями Уральскаго войска въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка 66. — Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе 68. — Графъ Перовскій и наказный атаманъ Покатиловъ, ихъ отношеніе къ уральскому расколу 69. — Хивинскій походъ 1839 г. и предсказанія о немъ раскольниковъ 83.—Увеличеніе числа храмовъ въ Уральскомъ войскѣ и обращеніе Успенской часовни въ единовѣрческую церковь 91 стр.

V. *Глава пятая.* Результаты мѣръ графа Перовскаго по отношенію къ уральскому расколу 92. — Некудышники и попы, по выбору общества 94.—Бударинскій попъ Я. М. Г—въ 95.—Новые переселенцы на Уралъ изъ внутренней Россіи 98. — Вторичное назначеніе въ Оренбургъ В. А. Перовскаго, его увольненіе и смерть

99.—А. А. Катенинъ и А. Д. Столыпинъ 101.—Мѣры Столыпина къ ослабленію раскола въ Уральскомъ войскѣ 107. — Состояніе образованія въ войскѣ до Столыпина и при немъ 109.—Открытіе духовнаго училища въ Уральскѣ 110.—*Мастера* и *мастерицы* и ихъ вліяніе на массу 111.—Устройство новыхъ школъ 113.—Священникъ Савва Севрюгинъ и его записка о причинахъ упорства раскольниковъ 114.—Средства, предложенныя имъ къ ослабленію раскола 117.—Осмотръ раскольническихъ скитовъ въ 1858 г. и составъ ихъ обитателей 119.

VI. *Глава шестая.* Первые представители австрійскаго священства на Уралѣ: Виталій и Софроній стр. 122.—Попытка основать самостоятельную въ Россіи іерархію: поставленіе Якова Бредцева въ патріарха московскаго 123.—Судъ надъ Софроніемъ и потеря его вліянія на уральцевъ 124. — Новыя мѣры Столыпина къ ослабленію раскола въ Уральскомъ войскѣ 125.—Обращеніе Сергіевскаго скита въ единовѣрческій монастырь 129. — Открытіе въ войскѣ церквей на особыхъ правахъ 134.—Никольская церковь въ Уральскѣ и ея отличіе отъ прочихъ церквей въ войскѣ 142.—Церковь въ Бударинскомъ скиту 146.

VII. *Глава седьмая.* Указъ 20 мая 1859 г. о свободѣ богослуженій всѣхъ толковъ, появившійся среди уральскихъ раскольниковъ 148.—Никольскій единовѣрческій монастырь въ Уральскомъ войскѣ 151.—Чудотворныя иконы въ Уральскѣ, непризнанныя епархіальною властію 153. — Пребываніе въ Уральскѣ преосвященнаго Антонія въ іюлѣ 1861 г. 153. — Рѣчь Столыпина и результаты его мѣръ по отношенію къ уральскому расколу 155.—А. П. Безакъ и его отношеніе къ Уральскому войску 158. — Расколъ въ австрійской лжеіерархіи 159.—Дѣйствія Софронія въ Москвѣ, Бѣлой Криницѣ и на Уралѣ 160. — Депутаты отъ уральскихъ раскольковъ въ Москву 165. — Бѣлокриницкій актъ 8 іюля 1868 г. и отношеніе къ нему уральскихъ раскольниковъ 167.—Рукоположеніе въ епископа Тарасія 172.—Австрійскіе попы и попы-самозванцы въ Уральскихъ предѣлахъ 175.

VIII. *Глава осьмая.* Движеніе среди раскола въ пользу православной Церкви 179. — Случаи обращенія изъ раскола на Уралѣ 481.—Присоединеніе къ Церкви Пимена Ерофеева, Павла Биряева, Назарія Чапурина и др. 182. — Увеличеніе числа храмовъ въ Уральскомъ войскѣ 190.—Усиленіе народнаго образованія въ краѣ при атаманѣ Веревкинѣ 192.—Тяжелая година 200. — Волненія среди Уральскаго войска при введеніи положенія 9 марта 1874 г. 203.—Собесѣдованія и диспуты съ раскольниками 215.—Моленные дома раскольниковъ и единовѣрческія часовни въ войскѣ 216.—Вліяніе церквей на войско и ихъ малочисленность въ краѣ 217.—Заключеніе 218.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Рѣчь Пимена Ерофеева, діакона австрійской лжеіерархіи, при его обращеніи къ Церкви . . . . . 225.

№ 2. Рѣчь бывшаго священника австрійской лжеіерархіи Павла Биряева, перешедшаго въ единовѣріе . . . . . 227.

№ 3. Списокъ лицъ, перешедшихъ изъ раскола въ единовѣріе въ апрѣлѣ 1872 г., въ Уральскѣ . . . . . 232.

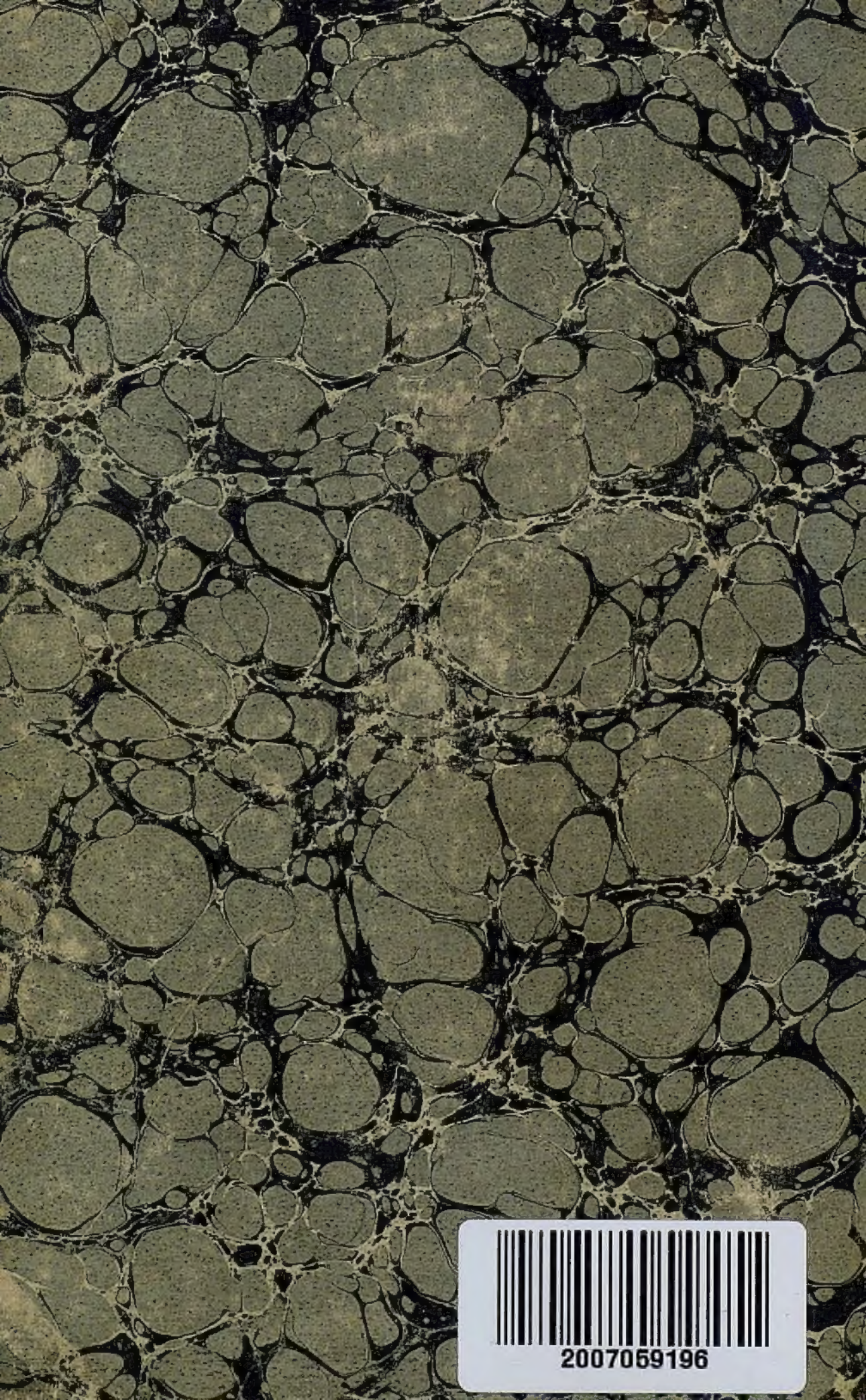
№ 4. Вѣдомость о числѣ обратившихся изъ раскола въ православіе жителей въ землѣ Уральскаго казачьяго войска, войсковаго и иногороднаго сословія, за время съ 1866 по 1876 г. включительно. . . . . 234.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Должно быть.*
8	6	снизу	Флора	Фрола
14	6	—	здѣсь	Ур. в. вѣд. 1872, № 40.
60	7 и 8	—	*тринадцати*	*тридцати*
75	2	—	Ларминъ	Ларшинъ
77	4	сверху	Бизанова	Бизянова
80	12	—	оставатся	оставаться
110	1	снизу	удержано	удержало
171	11	—	чтотъ	что.

Въ книгѣ встрѣчается еще до двадцати незначительныхъ опечатокъ; но всѣ онѣ такъ малозначительны, что всякій грамотный человѣкъ сейчасъ пойметъ, въ чемъ дѣло.


2007069196